Н 43

Рене Нежелен

Пытаемые

роман

85/

Московский "Рабочий"

РЕНЕ НЕЖЕЛЕН ПЫТАЕМЫЕ

ОЗЖЕ

Н 43

84-31

РЕНЕ НЕЖЕЛЕН

Н 43

ПЫТАЕМЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ г.
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕСОЮЗЫ
№ 83185
8°
V
V

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
М. А. ЗЕЛЬДОВИЧ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

«Интернациональная»
(39) тип. «Мосполиграф»,
Путинковский, д. 3.
Мосгублит № 20.968.
Зак. 1674 Тир. 6.000
1928 г.

Совершенно один,
В тяжком сне
Я снова взвалил мешок
на плечо.

РОЛАН ДОРЖЛЕС.

I

На дворе фермы рота построилась в каре. Первые подкрепления, состоящие из новобранцев набора 1915 г., только что разместились. Выцветшие шинели тех, кто уже давно был на фронте, светлыми пятнами выделялись на фоне темносиних шинелей новоприбывших. Батальон спустился из леса Д'Айи. Он потерял в бою две трети своего наличного состава.

Звучное «стройтесь!» заставило солдат подскочить: капитан де-Валерас, с симпатичным лицом и стройной фигурой, появился среди неподвижного каре. Фельдфебель, вытянувшись, отрапортовал, что снаряжение в исправности, запасы пополнены, наличный состав достигает нормы. Рота в полной боевой готовности. Капитан окидывает взглядом как бы застывших солдат, ударяет хлыстом по гетрам и, подыскивая слова, говорит:

«Добро пожаловать. От своих товарищей вы узнаете, что со мной можно ладить, но я не выношу мародеров и особенно лентяев. Я считаю своими друзьями тех, кто добросовестно относится к своим обязанностям. 5-я рота

всегда отличалась храбростью. Я рассчитываю, что и вы поддержите честь полка... Вольно!»

Солдаты, как школьники, рассыпаются в разные стороны. Час еды. Усевшись на походные мешки, положенные на колени, они с жадностью поглощают свой паек.

Во взвод прибыло трое молодых солдат: Жорж Шмидт, Альберт Бланшар и Жак Феруль.

Рассказывая о последнем сражении, солдаты намеренно останавливаются на различных перипетиях его и при этом насмешливо поглядывают на трех новичков. Осыпают бранью капрала Дюкрока, получившего только сегодня утром нашивки, ругая его возмутительное пристрастие при распределении пайков.

Он не остается в долгу, и новички, которых научили чинопочитанию, молча наблюдают эту сцену.

Солдаты занялись посудой, которую чистят хлебным мякишем, а затем водворяют в походные сумки. Трое новичков переглядываются:

— Что мы предпримем?

— Пойдем.

Они пошли по глинистой дороге, оставив позади серые дома деревни, и вышли на вспаханное поле.

На распределительном пункте, с нетерпением ожидая отправки на фронт,—кто знает, быть может, война закончится до их прибытия,—они поклялись не расставаться друг с другом. По их просьбе их направили в одну роту, в один взвод. Теперь они испытали первое разочарование. Они надеялись сразу же попасть на передовые позиции, сразу же услышать все шумы битвы и сразу же увидеть разрывающиеся снаряды. Увы! Они присоединились к полку в долине Мааса в Сорси и до сих пор не слышали еще орудийной пальбы. Возмущенный и почти пристыженный

этим, Феруль не написал еще своим родителям. Когда же, наконец, их пошлют в окопы? В предыдущих сражениях полк понес большие потери, и все старые солдаты с восторгом думали о перспективе длительного отдыха. И повезло же им, что их назначили в 5-ю роту!

Капитан, произведенный в чин офицера только после последнего боя, по мнению одних — славный малый, а по мнению других — сволочь. Подпоручик Понсэ, взводный, прибыл вместе с ними. Сержант и подпоручик не пользуются большим авторитетом, солдаты с ними на «ты» и отчаянно ругают.

Выдался прекрасный день. Май заканчивался апофеозом зелени и цветов. Маас катит свои прозрачные манящие воды. Расположившись на краю небольшого леса, друзья стали обмениваться впечатлениями. Затем, в то время как Шмидт болтает о рыбной ловле, а Феруль жует травинку, практичный Бланшар срезает охапки травы: на сеновале соломы мало и она очень грязная.

— Что, если б нам выкупаться?

В мгновение ока, отбросив ложный стыд, они раздеваются.

— Посмотрите: Феруль нашел в своей рубашке маленькое насекомое.

— Старина, это «блондинка».

Уже! Феруль побледнел, и в то время как его товарищи радостно плескались в реке, он все еще задумчиво и печально стоял на берегу. Потом он решительно бросился в воду. Плаванье доставило им громадное наслаждение. Растянувшись после купанья на траве, они подставляют свои тела солнечным лучам. Им едва минуло по двадцати лет. У каждого из них еще несколько впалая грудь, но тела мускулисты и гибки. Значок на обшлагах указывает

на то, что они уже не люди, не жизнерадостные юноши, а пуалю — три внесенных в списки номера, прикрепленные к 5-й роте 182-го пехотного полка.

Когда они возвратились, подпоручик встретил их резким выговором:

— Не следует так далеко уходить, новички! Нужно было работать, а вас нигде нельзя было разыскать.

— Сколько еще раз придется исполнять работу за этих господ?

— Да, у новичков в этом году очень длинные ноги.

С сеновала на них посыпался целый ряд язвительных замечаний.

Однако, эти «господа» хватают ведра и фляги и добровольно отправляются за едой. Они даже приносят добавочную порцию вина, которую купили для угощения. С этого момента лед сломлен. Прогулка и купанье возбудили их аппетит, и еда показалась им очень вкусной. Они рассказали о том, как провели послеобеденное время, но сержант не одобряет их:

— Разве вы не знаете, что купанье запрещено? Если бы я на вас донес, то вас бы посадили на неделю под арест.

День подходит к концу. Солдаты высыпали на улицу. Новички встречаются и обмениваются впечатлениями. Кабачки полны народа.

Ночью на покосившемся сеновале друзья растянулись рядом на принесенной траве. Свеча, прикрепленная к воткнутому в пол штыку, бросает слабый, мерцающий свет. Разговоры постепенно угасают. Спят ли они, грезят ли о богатстве, славе и любви?

Жак Феруль печален. Почему? Неприветливые слова капитана... запрещение купаться... вошь. Ах, да... вши!

Ему кажется, что по его раздраженной коже ползает множество насекомых.

Орудийный выстрел внезапно потрясает дом. Он вздрагивает. Война! Мысли его возвращаются к войне. Он жаждет поскорее принять в ней участие.

Снова раздается гул. Никто не шелохнулся. Повидимому, только он один не спит. Теперь орудийные выстрелы доносятся каждую минуту. Жак засыпает. Война — чудовищный зверь, и Жак слышит биение его необъятного сердца. Он находится здесь, среди всех этих людей, которых не знает, для того, чтобы бороться с этим зверем и сразить его. Как он горд, что принимает участие в этом новом крестовом походе: в войне Права и Цивилизации! Он грезит... Сеновал наполняется призраками. Появляются таинственные фигуры, которые наполняют сновидения. Грозные шумы становятся глуше.

II

Окопы!..

Опять разочарование. Это все еще не война. В июне 1915 г. на участке леса де-Шевалье было еще спокойно. Боши находятся на расстоянии ста метров — их не видно и не слышно.

Через лесную поросль можно различить их защищенные проволочными заграждениями позиции. В обезображенных деревьях еще таится жизнь.

Солдаты болтают, смеются, вырезывают кольца из алюминия патронных обойм, несут караульную службу и находят даже время для отдыха. Бланшар привык к суровым условиям, холодному супу и насекомым. Он стал настоящим пуалю, третирующим своего капрала, как любой старый солдат. Шмидт, рабочий-механик, целый день не перестает

что-то пилить. Феруль, непривыкший к кропотливой работе, все время болтает и пишет. Все трое спят в окопе, вырытом у бруствера. По вечерам, в то время как один из них несет караул, остальные два говорят о своем прошлом, каждый для себя, потому что ни один из них не интересуется тем, что говорит другой. Утром кашевар будит их толчком ноги, они тотчас же начинают пить маленькими глотками темную жидкость и едят сухари. Затем умываются водой, оставшейся в бидоне; когда тепло, они снимают с себя рубашки и, обнаженные по пояс, яростно уничтожают вшей. Дни проходят монотонно, похожие один на другой.

Друзья только что кончили завтрак. Вдруг послышавшийся в воздухе шум, напоминающий скрип катящейся тележки, заставил всех поднять головы. Скрип быстро разрастается, затем раздается взрыв. Новички удивленно переглядываются. Снаряд — потому что это был снаряд — упал на расстоянии нескольких сот метров позади передовых позиций. Осколки падают со свистом, ударяют по веткам, унося с собой листья.

Это их первый снаряд...

И только это?

Для того, чтобы лучше видеть, они взбираются на насыпь окопа. Снаряды падают один за другим, все ближе и ближе. Последний заставляет их наклонить головы.

— Все в окопы! — приказывает сержант.

Между взрывами солдаты острят:

— Потише, фрицы!

Неприятельские снаряды попадают теперь в одну цель — в первую линию окопов.

Полет снарядов сопровождается ужасным шумом. Три друга расположились в своем чрезвычайно тесном окопе;

они умолкают, бледные, прислушиваясь к глухому гулу выстрелов. Ух, вот так выстрел!

Сначала слышен негромкий свист, затем он усиливается и, наконец, тонет в ужасающем грохоте. Еще один. Можно подумать, что снаряд упадет в их окоп. Он разрывается совсем близко, всего в двадцати пяти метрах от них. С трепетом они ожидают следующего. Вот он — разрушает соседний окоп. Сыплется град камней.

— Вот мерзавец! — восклицает часовой. — Он чуть не опрокинул меня.

Шмидт, который не в состоянии справиться со своими нервами, смеется.

В промежутках между взрывами царит полная тишина. Неужели это не прекратится? Они больше ничего не хотят видеть. Для того, чтобы оградить себя от опасности, они прячутся на самое дно окопа. Лежат, тесно прижавшись друг к другу, и дышат прерывисто, как после бега. Как? И это называется войной? Ждать нелепой смерти в такой дыре?

Жаку кажется, что каждый новый снаряд будет разрываться как раз над их убежищем, что немецкая артиллерия целит исключительно в них. Его не пугает мысль быть раненым осколком: он боится быть настигнутым всей массой снаряда, быть уничтоженным, разорванным в куски, превращенным в ничто.

Лица его товарищей бледны и искажены; его лицо, вероятно, тоже. При каждом взрыве земля содрогается, и ему за воротник сыплется песок. Минуты тянутся бесконечно. Пресловутый запах пороха, который воспевается во всех военных рассказах, зловеще проникает повсюду. Все кругом — шинели, походные сумки, дно окопа — покрыто сероватой пылью.

Хватило ли бы у него мужества для того, чтобы выйти из-за прикрытия, подставить грудь этой чудовищной стихии? Он борется с собой. Не может побороть животного инстинкта. Тогда он съеживается, становится маленьким, совсем маленьким. От накопленного запаса мужества не осталось ничего, и в первый раз он всем своим существом желает окончания войны, немедленного окончания.

Подпоручик Понсэ, призванный в 1914 г., тоже в первый раз присутствующий при обстреле, спокойно проходит мимо них. Почему он не выказывает страха? Жак завидует ему и пытается превозмочь себя. Он тоже хочет выйти из окопа, он сейчас выйдет.

Близкий взрыв заставляет его снова лечь на землю. Понсэ только слегка нагнулся и продолжает свой путь.

Жак тесно прижимается к товарищам. Разбитый, весь дрожа, он покоряется своей судьбе.

Бомбардировка неожиданно прекращается. Шумная радость охватывает людей и отражается на их сияющих лицах.

— Ну, и коровы!

— Ты думаешь, что уже кончено?

Бланшар хохочет, показывая свои желтые зубы. Жаку немного стыдно, что он оказался таким трусом, но он не может подавить беспокойства, думая, что обстрел может возобновиться. Окопы повреждены во многих местах, однако нет ни одного раненого. Понсэ подсчитал: в районе расположения роты упало около пятидесяти снарядов. Несмотря на строгий запрет, солдаты, собравшись кучками, комментируют события дня.

— Сразу можно сказать, что вы никогда ничего не видели! — трунит Дюкрок. — Это ведь только определение прицела, не больше. В Тет-а-Ваш нас ежедневно угощали

порциями в десять раз больше, а там мы оставались три недели.

— Совершенно правильно. Новички воображают, что в официальном сообщении этому обстрелу будет уделено много места.

— Действительно. Эта бомбардировка пустячная, как на маневрах, — говорит капрал.

Под влиянием этих разговоров Жак, давший себе слово записывать все свои впечатления, отказывается от своего намерения. Солдаты не решаются еще отойти от окопов. Все еще чувствуется запах пороха. Один только Шмидт отправляется на поиски.

Солдаты вздрагивают при всяком шуме. Участок кажется им не безопасным. Смутная угроза все время висит над ними.

В течение недели не произошло ничего нового. Расположенные по соседству части тоже провели спокойно последующие дни. Только со стороны Эпаржа изредка доносилась отчаянная канонада. Можно подумать, что в неприятельских окопах нет ни души. Однако, вечером, в час, когда все стихает, у немцев слышны выкрики и громыхание тяжелых повозок. Пуалю прислушиваются. Изредка доносятся не причиняющие вреда ружейные выстрелы. Свистят пули. Снаряды пролетают на большой высоте, падают где-то вдали...

Ничего существенного в долине Верхнего Мааса.

III

В один из августовских вечеров пришла смена.

Пехотинцы, этап за этапом, уходят на запад. Идут ночами, не зная, по каким проходят деревням. Их тяжелые

шаги изредка подымают с постели жителей, бледные лица которых появляются из-за прикрытых ставень. Солдаты осыпают их насмешками.

Полк останавливается в Аргонах. Солдат подвергают тщательному осмотру — сперва капрал, за ним сержант, затем лейтенант и, наконец, капитан осматривают снаряжение, квартиры.

При проверке запасов провианта капитан приходит в ярость. Концом своей палки он вытаскивает со дна широко раскрытой сумки одного из солдат вскрытый пакет сахару, молотый кофе, поджаренный однажды вечером на сеновале, и шоколад.

Фурьер клянется всеми богами, что он пополнил все недостачи; сержант уверяет, что он обратил внимание на то, что нехватает продуктов, а солдат утверждает, что он не виноват.

Закончив все эти дела, части отправляются на учение. Уходят рано утром, стряхивая росу с люцерны. Де-Валерас предложил выделить из каждого взвода по одному солдату для службы связи. Жак Феруль был одним из выделенных. Это вызвало в нем прилив гордости, хотя Бланшар и Шмидт и считают его изменником. Одни говорят, что он выскочка, другие — что это лучшее средство для того, чтобы укрыться от опасности.

На маневрах, при первой атаке, в то время, когда полк готовится к бою, Феруль повсюду сопровождает капитана и поспешно передает приказания своему взводу. Между солдатами стали циркулировать слухи, что готовится большое наступление, в котором примет участие их дивизия. Слухи оправдались значительно раньше, чем того ожидали, и однажды вечером полк получил приказ о выступлении. Жак собирает свои разбросанные вещи, ищет

куда-то запропастившиеся бисквиты, как попало складывает в походную сумку съестные припасы, писчую бумагу, свечку, ложку, вилку и нож. Он неумело пытается закрыть сумку и связать свои пожитки. Сжалившиеся над ним приятели помогают ему и завертывают его одеяло в палаточный холст.

Колонна движется медленно. В хвосте разгораются огни походных кухонь.

Уже пять часов, как они молчаливо движутся вперед. Вот длительная остановка. Фурьеры ушли вперед. Повидимому, это конец перехода. Вдали виднеются темные силуэты домов. Это — деревня. Но — увы!—тут уже все переполнено солдатами.

— Сумки на плечо! Нужно отправляться дальше.

Солдаты ворчат, но быстро успокаиваются.

Поклажа тяжело давит на плечи и, спустившись, больно ударяет по пояснице. Ружье запутывается в железной проволоке. Набитая до отказу походная сумка соскальзывает на живот и затрудняет ходьбу. И только фляга становится все легче.

Светает. Километры бегут не так быстро. Вид каждого жилья рождает в солдатах надежду, которая быстро сменяется разочарованием.

Все занято. Полку негде разместиться.

Вдали, там, где должны быть передовые позиции, подымаются «колбасы». Сначала четыре, потом шесть и затем — десять. Никогда еще они не подымались так близко одна от другой.

Во время остановок доносится гул канонады.

Полк остановился на час. Кашевары раздают горячую похлебку. Пуалю располагаются на краю дороги. Они засыпают, но утренняя свежесть преодолевает уста-

лость, они вскакивают и, стараясь согреться, стучат ногами.

Снова двинулись в путь. Головы поникли, глаза опущены. Мешки за плечами растравляют наболевшие места. Их не интересуют ни деревни, по которым они проходят, ни богатство, ни бедность местности, ни направление, по которому они идут. Север, юг, запад, восток — не все ли им равно, этим вьючным животным, которые страдают, которые испускают стоны!

И полк подвигается кое-как вперед, оставляя по пути в каждой канаве солдат. Прежде чем свалиться, человек отчаянно вскрикивает, разражается проклятиями. Измученные офицеры не чувствуют в себе мужества делать замечания. Они беспокойным взглядом окидывают свой отряд, который все тает и тает. Они уже больше не похожи на войсковую часть, теперь — это жалкий, влекущий за собой свои муки караван.

Идет мелкий дождик, и шинели, мешки, нашивки и походные сумки становятся еще тяжелее.

Они встречают направляющихся на работу крестьян, но для пуалю у них не находится доброго слова, как не находится любезностей для работающих в поле молодых крестьянок.

Между тем как Бланшар осыпает ругательствами командный состав, крепкий Шмидт дружески берет Феруля под руку. Совершенно отупевший Жак больше не рассуждает. Он знает, что должен — это все. Иногда он устанавливает предел своим нечеловеческим усилиям: дойти до того домика, до склона той горы, которая виднеется вдали, и, таким образом, он набирает еще немного мужества.

Однако, он все время отодвигает свою цель. Тому, кто отстанет, придется завтра одному догонять отряд и потом,

не отдохнув, отправиться дальше. Нельзя отставать, и, кроме того, он не хочет отставать. Во время все учащающихся и становящихся все более продолжительными остановок он попросту падает наземь на свой мешок, положив рядом с собой винтовку. Для того, чтобы подняться на ноги, ему каждый раз необходима помощь товарища; в его подошвы как будто вонзаются тысячи булавок, суставы трещат от утомления. Но он все же старается сдержать свои муки и идет вперед мелкими шагами.

Полковник, с огорченным видом, объехал на своей лошади поредевшую колонну. На привале он собирает офицеров. И они отправляются в расположенный вдоль дороги сосновый лес.

— Стой! Здесь ночевка!

— Что? Ты не шутишь? Под открытым небом?

— Вот подлецы! Квартиры существуют только для молодчиков из частей, ведающих снабжением, и для штабных франтов из генерального штаба, но никак не для тех, кто положит свою голову на этой бойне.

— Разбейте палатки, по шести человек!

Жак лежит без движения, он ничего не слышит. Он остается в таком состоянии, не замечая ни дождя, ни утешений офицеров, ни протестов пуалю.

Шмидт, который руководит одной из шестерок, забирает у него мешок и, обращаясь к солдатам, говорит:

— Скрепите полотна, а я воткну колья.

Он выбирает три больших палки, которые должны служить опорой всей палатке, и для того, чтобы удержать полотна, пользуется в качестве груза походными мешками.

— Послушай! Вырой-ка здесь канавку. Траву срезай охапками, она нам пригодится.

Работа подходит к концу.

— Готово! Пойдем, старина!

Жак дает себя увести; ему холодно, ему скверно. Палатка готова. Солдаты согреваются, прижавшись друг к другу.

Дождь продолжается. Лагерь кажется опустевшим.

Жак страдает, и сон бежит от него. Погруженный в болезненное забытье, он слышит, как сержант вызывает охотников, желающих отправиться на разведку.

— Феруль, вы все время бездельничали, выходите!

Шмидт отвечает:

— Он болен. Я пойду вместо него.

Затем он выходит, ступая через распростертые тела товарищей.

Когда он проходит мимо Жака, тот берет его за руку и подносит ее к своей горячей щеке.

IV

Полк разбил свои палатки в кишащей вшами Шампани, на полях Ноблет. Несколько дощатых бараков служат убежищем офицерам и походной канцелярии. Для того, чтобы скрыть от неприятеля концентрацию большого количества войск, строго запрещается ходить по просекам и зажигать огни; нет ни учения, ни маневров: в лесу приказано соблюдать полнейшую тишину.

Однажды утром прибыла повозка, полная касок. Их примеряли в продолжение целого дня. На другой день солдатам роздали воняющие аптекой тампоны из ваты, которые с помощью тесемок закрывают рот и нос — первые противогазы.

Как агент связи, Жак получил маску с слюдяными квадратиками на высоте глаз.

Да, очевидно, скоро.

Артиллеристы, расположенные в соседнем лесу, утверждают, что кавалерия сконцентрирована несколько позади, примерно, на расстоянии четырех километров; там есть и егеря, и драгуны. Эшелон будет следовать за ними.

Это большое наступление. Бошам придется нелегко. Как говорят, дивизии поручено во что бы то ни стало добиться успеха. Она обгонит атакующие части, когда они захватят передовые позиции немцев, и по полям направится дальше.

24 сентября 1915 г. — Сбор батальона. Четыре роты выстраиваются в каре. Чудесная погода. Все небо усеяно аэропланами, в воздухе мерно покачиваются «колбасы». Слышен гул канонады, и иногда этот гул превращается в бешеный грохот. Генерал медленно обходит выстроившийся полк. Затем, когда все на команду «смирно!» вытягиваются в струнку и капитаны останавливаются впереди своих частей, он, остановившись посреди каре, громким голосом читает приказ, с которым главнокомандующий обращается накануне битвы к сынам Франции:

«Солдаты Республики!

После многих месяцев ожидания, которые дали нам возможность увеличить свои силы и запасы, в то время как у неприятеля они все уменьшались, пришел час, в который нужно пойти в наступление для того, чтобы победить и добавить новые страницы к славным деяниям на Марне, во Фландрии, в Вогезах и в Аррасе. Вслед за ураганом огня и железа, который мы в состоянии послать благодаря усилиям наших оставшихся в тылу братьев, работавших для нас день и ночь, вы на всем фронте пойдете в наступление, в тесном контакте с армиями наших союзников. Вашему напору невозможно будет сопротивляться.

Он донесет вас в самом начале к расположенным за укрепленными линиями батареям противника. Вы не дадите ему ни минуты покоя до одержания окончательной победы. Итак, вперед, всей душой, за освобождение нашей родины, за торжество Права и Свободы».

Трубы ревут, как будто призывают к бою. Жак весь дрожит от энтузиазма. Безграничная гордость поднимается в его груди. Он опьянел от славы... Чудесные слова все еще раздаются в его ушах: «Вы пойдете в наступление... на всем фронте... Вашему напору невозможно будет противостоять... Итак, вперед, всей душой, за освобождение Франции...»

О, да! Он пойдет всей душой. Нужно с этим покончить. На этот раз война должна показать свое истинное лицо. Да здравствует сражение, настоящее сражение в открытом поле, при солнечном свете. Они по горло сыты траншеями, насекомыми, темными и сырыми окопами. Наконец, война закончится победой — это заявляет Жоффр. Немцы будут сметены ураганом железа и огня, они не смогут противостоять напору солдат Франции.

Однако, большинству солдат Франции не пришлось по вкусу написанное героическим стилем произведение верховного главнокомандующего, и Жак из страха насмешек не решается выказать свой восторг. Бланшар раздражает Жака своими грубыми, действующими на него, как оскорбление, остротами, но зато он восторгается спокойным и решительным Шмидтом.

Выступление назначено на сегодняшний вечер. Все охвачены какой-то лихорадкой. Только что еще такой чистый лагерь теперь завален клочками бумаг, различными, пришедшими в негодность, вещами, всякими обломками

и обрывками, разрозненными предметами, составляющими самое дорогое, самое драгоценное из всего имущества пуалю, жалкие, забытые, потерявшие цену вещи, купленные в рассрочку или под вексель. Каждый разбирает свою сумку и оставляет самое необходимое. Жак перечитывает и сжигает письма своей любимой сестры и полные тревоги письма матери, — единственных женщин, которых он любит, письма, которые он до сих пор так ревниво хранил.

Он готов. Теперь он свободен и может писать. В своем письме он только более нежен и серьезен, чем обычно; сестре же он открывает все, что его волнует:

«Милая сестричка, когда ты будешь читать эти строки, начнется наше победоносное наступление. Я не решаюсь тебе сказать, как я счастлив, что буду принимать в нем участие... И все же... Мне придется сказать тебе об этом. Я думаю только об отце и матери и если во мне есть хоть капля беспокойства, то только о них...»

Жак растроган и для того, чтобы не поддаться слабости, продолжает:

«Я вижу вас всех, всех, кого люблю. Крепко обнимаю тебя, сестричка, и, если со мной случится несчастье, поцелуй их крепко за меня, так, как я целую тебя сегодня.

Жак».

Он сбросил с себя большую тяжесть и может теперь пойти к своим товарищам, может принять участие в их попойке. Для чего ему беречь деньги? Если все обойдется благополучно, он во всяком случае сумеет выпутаться; если же ему суждено умереть, нужно насладиться тем, что за них можно получить.

Полк выступил на рассвете. Они идут, тяжело ступая по размытым тропинкам, туда, где гремят пушки.

Пехотинцы медленно идут в атаку. Они в муках идут к победе, к Великой Иллюзии, к Смерти.

V

25 сентября 1915 г. — Совсем близко тяжелые орудия безостановочно выбрасывают огромные снаряды. Теперь 8 часов 30 минут. Линия холмов закрывает от них горизонт. Они ничего не видят, ничего не знают. Мешки сброшены наземь, ружья составлены в козлы. Над ними нависло серое небо. Солдаты собираются в кружки, болтают. Вот четверо из них, усевшись на мешки, последний раз играют в карты. Летают вороны.

— Берегись, — кричит Бланшар Ферулю, — они закусят тобой.

Можно подумать, что они находятся на маневрах, отдыхают; однако, блеск глаз выдает их волнение.

— Готовься!..

На этот раз жребий брошен. Жак, немного взволнованный, дрожа, надевает пояс.

— Мешки на плечо! Вперед!..

Взводы идут на расстоянии двадцати шагов один от другого, в ужасном орудийном грохоте. Они переходят через ров, подымаются по насыпи, идут по долине.

Траншеи и укрепления отчетливо вырисовываются вдали параллельными и перпендикулярными линиями. Налево — увенчанный черными клубами дыма Суэн.

Остальные роты полка идут в наступление на этом же участке фронта. А дальше, насколько может видеть глаз,

налево, направо, движутся мерным шагом солдаты, все построенные в колонны по четверо в ряд.

Жак присоединился к своему начальству, и его несколько успокаивает близость капитана.

Где-то совсем далеко подымается белый дымок орудий.

Де-Валерас подымает свой стэк:

— Это подкрепление.

И действительно, если вглядеться внимательно, на горизонте можно различить маленькие желтые точки, подвигающиеся толчками вперед — это линии стрелков.

По Суэнской дороге промчался галопом отряд: это артиллерия.

Артиллерия! Слово это передается от взвода к взводу. Пуалю, как зачарованные, глядят на пушки.

Батарею быстро устанавливают у края дороги, прислуга хлопочет около орудий; проходит несколько секунд, и пушки открывают стрельбу.

— Браво! — кричит капитан:

То тут, то там падают немецкие снаряды, но на них никто не обращает внимания. По долине солдаты инженерных частей несут мостки.

Вот на дороге показывается медленно едущий кавалерийский полк: драгуны, стрелки, гусары. У всех, без исключения, солдат синие каски.

Теперь вступает кавалерия. Да, наконец-то начинается война в открытом поле!

Всадники спешились, ожидая, вероятно, удобного момента, чтобы броситься в погоню за неприятелем.

Аэропланы летают совсем низко. Неподалеку покачиваются «колбасы». По долине, по которой движется целая армия, скачут офицеры генерального штаба. Какая великолепная картина!

Жак вдруг вспоминает висящую дома, на стене в кухне, цветную гравюру — приложение к Petit Parisien, — на которой изображены в открытом поле войска всех стран и всех видов оружия: инфантерия, кавалерия, инженерные войска, артиллерия, авиационные отряды, аэростаты...

Да, это очень похоже...

Кажется, что там, где стреляют солдаты, на горизонте подымается силуэт Победы. Жак дрожит от радости и гордости. «Они идут слишком медленно,—думает он:—следовало бы ускорить шаг, побежать; ведь, может быть, от их усердия зависит исход битвы».

Немецкая артиллерия нащупывает нашу действующую батарею и засыпает ее снарядами. Но повсюду устанавливаются и открывают стрельбу все новые и новые батареи.

Проложенные между траншеями мостки облегчают движение.

— Поглядите туда!

Кавалерийская часть отделилась от полка и мелкой рысью двинулась вперед. Можно подумать, что все сражение сосредоточено на этом клочке земли, по которому движется служащая неприятелю целью горсточка людей. Видно, как подымаются вверх желтые дымки преграждающих им дорогу ракет. Всадники продвигаются вперед... Смелей! Но вот они останавливаются, колеблются. Затем бросаются вдоль заброшенной траншеи, по всей вероятности, ища прохода для того, чтобы двинуться дальше. Неприятельская артиллерия пристрелялась, и то и дело падают люди и убегают обезумевшие лошади.

Рота остановилась, застыв от ужаса. Вылазка кавалеристов трагически закончилась под ураганным огнем пулеметов, косящим испуганных животных градом картечи.

Несколько оставшихся в живых солдат прячутся в окопах; отряда больше не существует. Пехотинцы изумлены: там, на горизонте, не видно больше бегущих, ложащихся, вновь подымающихся стрелков. Неужели продвижение приостановлено? Сквозь грохот пушек они угадывают треск пулеметов и бомбометов.

Вот к окутанной клубами дыма ферме Наваррен движутся небольшими отрядами подкрепления.

— Там жестоко дерутся, — говорит капитан.

Успех не кажется теперь уже таким легким, однако вера в него еще не утрачена.

Из-за изгиба траншеи показывается длинная цепь безоружных солдат, конвоируемая территориальными войсками. Они в зеленых касках; у одних перевязаны головы; у других рука на перевязи: это — пленные.

По Суэнской дороге безостановочное движение: проходят отряды, мчатся повозки, подвозящие к батареям ящики со снарядами, медленным шагом проезжают повозки Красного креста, осторожно поддерживая друг друга тащатся раненые.

Идет дождь. Его не замечают. Два орудия из расположенной напротив батареи выбыли из строя; однако, неповрежденные орудия не прекращают ни на минуту стрельбы. Им кажется, что там, далеко, где кончается долина, за траншеями виднеются распростертые тела.

Вдруг раздается резкий свист,—берегись! Бомбы с глухим шумом разрываются, сразу распространяя сильный разъедающий глаза запах.

— Газы!!! Одевайте маски!

Ослепленные солдаты бегут куда попало.

Рота теряет свой прекрасный боевой порядок. Жак находится словно в непроницаемом тумане за своими

слюдяными квадратиками, которые застилает дым. Он слышит голос капитана, кричащего раздраженно:

— Ложитесь! Да ложитесь же!

Обстрел прекращается. Пуалю радостно снимают противогазы. Несколько оправившись, взводы устраиваются в покинутых сегодня утром окопах.

Повсюду разворочена почва. Вот лежит, уткнувшись в землю лицом, стрелок: он как будто споткнулся и упал во время бега. У другого, лежащего на склоне холма, восковое, разделенное на две части густыми черными усами лицо. Третий как будто пальцем показывает на свою зияющую рану. Валяются окровавленные тряпки, испачканные шинели. Кругом много неразорвавшихся, врезавшихся в землю бомб.

Рота проходит по завоеванному участку и расквартировывается в отнятых у немцев окопах.

Окопы совершенно разрушены. На земле лежит лицом вниз труп. Из обрушившейся траншеи подымается запах смерти. Желая поживиться, пуалю спускаются в нее и опустошают походные мешки убитых немцев.

Один из солдат службы связи передает приказ батальонного командира: «Не выступать до получения дальнейших распоряжений». На поле сражения как будто ничего не изменилось. Запасные войска все еще спрятаны в траншеях, кавалерия все еще выжидает, а артиллерия все стреляет, стреляет... Идет дождь.

Никто ничего не знает. Всех охватывает нетерпение. Но что же, собственно, происходит? Почему мы не продвигаемся вперед? Что мы здесь делаем? Со стороны фермы Наваррен все еще доносятся частые ружейные выстрелы. Нет, в самом деле, ничего невозможно понять.

Который час? Только двенадцать.

— Теперь мы должны были быть на вершине Суэнского холма, — шепчет сбитый с толку де-Валерас. — Все еще ждут... будут ждать до вечера...

Уныние просачивается в их души, как вода сквозь одежды. Мелкий дождик покрывает долину темно-серым покровом. Медленно спускается вечер: теперь видно, как жерла пушек выбрасывают огонь. Жак обеспокоен; он ищет ободрения.

— Как будто дело не клеится, капитан.

— Увы! Мой бедный друг, я начинаю бояться, что это придется отложить... до другого раза!

Они лежат без крова, под дождем, расположившись у парапета, там, где немного суше земля. Энтузиазм их покинул, их охватывает усталость. Холодная, таинственная, таящая в себе тысячи опасностей ночь спускается на распростертые тела спящих.

Разбуженная от сна рота двинулась вперед по разрушенной траншее. Солдаты своими мешками касаются покосившихся балок, задевают ружьями почерневшие стропила. Они останавливаются, осматриваются, снова идут вперед. Повидимому, уже поздно; снаряды разрываются теперь совсем близко.

Дно траншеи, по которой они идут, вдруг становится необычайно мягким.

— Ну, и чертовщина! Это — трупы! — слышится голос.

Какой кошмар! Феруль чувствует, что его ноги ступают по человеческим телам. Ему кажется, что он сапогами давит человеческие лица. Он хочет прогнать этот тяжелый сон, пытается взобраться на парапет и снова тяжело падает на изуродованные трупы. Жалобные стоны доносятся из погруженной в страх долины. «Санитары! Санитары!»

Молящий голос, становящийся все слабее и безнадежнее, с нежностью зовет: «Мама! Мама!»

Однако, это, повидимому, никого не трогает.

Кто они, эти несчастные, истекающие кровью, распростертые на негостеприимной и оголенной земле? Кто бросает в непроглядную тьму эти крики отчаяния? Солдаты? Нет, дети, бедные, безоружные, слабые, заблудившиеся дети, которые, устав обращаться за помощью к не знающей жалости человеческой жестокости, обращаются к самому источнику своего существования, призывают свою мать, как будто их призыв может донестись через опустошенные поля, и она может их услышать, подойти и склониться над ними. Кто они? Люди, вчера еще сильные и здоровые, теперь распростертые здесь, взывающие о помощи под равнодушным небом, умирающие в маленьком сосновом лесу.

Солдатам разрешено расстелить одеяла. Они тотчас же ложатся, как измученное стадо: они промокли, им холодно, они устали и охвачены унынием, но сейчас они чувствуют только одну усталость. И они засыпают лежа в грязи.

VI

Сквозь необычайные и мучительные сновидения Жак слышит смутные голоса. Он медленно пробуждается. Печальная действительность встает перед ним. Он прислушивается.

— Завтра полк будет атаковать Суэнский холм. Первый батальон — слева, третий — справа, а второй — позади. Нужно будет выступить на рассвете. Неприятель цепляется за свои вспомогательные позиции, которые мы атаковали у Наварренской фермы. Успех был только частичным,

а влево — у Вакской фермы — поражение. Наши пехотинцы попали под пулеметный огонь. Дивизия Маршана уйдет сегодня ночью, и тогда мы очутимся на передовых линиях.

Затем полковник начинает объяснять офицерам план наступления. Итак, прекрасные надежды вчерашнего дня превратились в ничто? А кавалерия? О ней больше и не упоминают? Значит, до наступления зимы война кончится?

Небо становится таким же синеватым, как лица солдат. Пуалю, проклиная все и вся, один за другим подымаются, потягиваются и свертывают свои пропитанные грязью одеяла. Канонада утихла. Продвижение идет в северо-западном направлении. Ходьба оживляет солдат, согревает их.

Разогревшийся Жак болтает со своими товарищами по взводу. Целая батарея 77-миллиметровок, спрятанная в сосновом лесу, была взята в плен. Стрелки из дивизии Маршана взяли на штыки артиллеристов и разграбили занятые ими окопы. Земля усеяна письмами, открытками, предметами снаряжения и картечью. Немного дальше они проходят по великолепно устроенному лагерю с погребами, площадками для игр и походной часовней.

Дождь прекратился. Скрытое туманом солнце мягко освещает прямоугольники стройных сосновых лесов в рамке зеленых лугов. Снова в сердцах оживает надежда. Даже к капитану возвращается хорошее настроение. Вчерашние потери невелики: один убитый и несколько раненых.

Развеселившийся Шмидт говорит:

— Знаешь, Жак, мы продвинулись не меньше чем на пять километров. В конце концов мы все же одержали верх над этими свиньями.

Желая установить связь с 14-м корпусом, батальон направляется на запад, затем делает привал. Остановка затягивается. Солнце посылает свои первые лучи, становится теплее, и большинство растянувшихся на просеке солдат засыпает. На небольшой высоте пролетают аэропланы с яркими трехцветными значками на обоих крыльях.

Вдруг — прерывающееся дыхание, пламя, шум разрывающихся снарядов, беспорядочное бегство, бешеные вихри: «75-миллиметровки! 75-миллиметровки! Нас обстреливают 75-миллиметровками!»

Разорвавшиеся на земле снаряды причинили ужасные повреждения.

— Разверните полотна, чорт возьми! — кричит капитан.

Совершенно одуревший Феруль разворачивает свои белые полотняные квадраты, имеющие форму буквы «Ф».

Однако, уже слишком поздно. Повсюду распростерты неподвижные или еще издающие стоны тела. Высшие чины с трудом собирают своих объятых ужасом солдат. Наиболее смелые перевязывают раненых.

— Это аэроплан нас выследил.

— Батарея, вероятно, недалеко...

— Лишь бы только это не началось снова...

Понсэ убит. Осколок шрапнели пробил ему череп. Один глаз вылез из орбиты. К его поясу прикреплена красивая каска немецкого офицера.

— Ну, и глупо же это... дать себя искромсать 75-миллиметровкам, не увидев в глаза ни одного боша!

Жак, который не переносит вида ран, хочет уйти, но Шмидт его удерживает.

— Жак, пойди взгляни.

На земле лежит Бланшар: глаза его стали уже стеклянными, предсмертная судорога приоткрыла губы, так что виднеется десна.

— Господи!

— Я видел, как он упал, он повалился наземь, и я тотчас же прибежал. Он не узнал меня. Осколок попал ему в пах. Он, должно быть, не страдал.

— Ординарцы, ко мне! — кричит капитан. — Пусть играют сбор. Нужно торопиться. Мы сейчас же выступаем.

— Как? Мы будем продолжать?

Жак представлял себе, что после такой катастрофы батальон не будет больше участвовать в наступлении. Со стороны Суэнского холма, у подошвы которого примостилась рота, доносится треск ружейной перестрелки. Повидимому, в ней принимает участие 182-й полк. По тропинке спускаются легко раненые.

— Как дела наверху?

— Нет никакой возможности подойти. Они окопались наверху за широкими рядами проволочных заграждений.

Все еще не удалось установить связи с 14-м корпусом, продвижение которого, повидимому, приостановлено. Рота получила приказ расположиться на фронтовой линии вправо от 3-го батальона. Сопровождаемый Ферулем, который теперь следует за ним по пятам, де-Валерас со своей частью отделяется от отряда. Недалеко от вершины они натыкаются на лагерь; низкие крыши поросли травой. Три немца бросаются бежать и быстро исчезают из виду.

Рота осталась далеко позади. Озабоченный капитан торопится выйти из леса. Их встречает ружейный огонь. Прижавшись к земле под густой сетью слишком высоко пролетающих пуль, капитан делает своим хлыстом отчаянные знаки: «Ложитесь! Ложитесь же!»

Спустившийся сумрак делает более темными лесные поросли. Черная сеть немецких проволочных заграждений расположена на гребне холма, на расстоянии пятидесяти метров от них. Немецкие траншеи пока не видны, но можно думать, что в них сосредоточены большие силы. Феруль и де-Валерас, пригнувшись к земле, взбираются вверх. Де-Валерас указывает места, где должен расположиться каждый взвод. Согнувшись под градом пуль, солдаты в молчании лихорадочно принимаются рыть окопы.

Жак всю ночь напролет провел в хождении по немецкому лагерю, рядом с которым расположилась рота, передавая приказы, провожая к водопроводу обозных для пополнения запасов воды. Их осыпает градом пуль. На рассвете, после основательного обследования всех окопов, ему удалось найти склад провианта: хлеб, швейцарский сыр, сухари и целый ассортимент коробок с консервами. Ввиду того, что курьер был ранен во время обстрела из 75-миллиметровых орудий, Жаку было поручено равномерно распределить эту драгоценную находку. Солдаты, поддерживая под руки, привели к санитарному пункту раненого Равэ, товарища набора 1915 г. Взгляд несчастного был устремлен в землю. При каждом выстреле он подскакивал, и когда его спрашивали, в чем дело, он неизменно отвечал, указывая пальцами в воздух: «Видишь Понсэ с каской?»

Сегодня они могут наблюдать за неприятельскими позициями. Они совершенно неприступны, и овладеть ими можно будет только после основательного обстрела, который должен будет уничтожить проволочные заграждения Прикрепленная к дивизии артиллерийская часть, которой было об этом сообщено, прислала для определения прицела своих унтер-офицеров с полевым телефоном. Как только они устроились, им посоветовали убраться:

полк, принадлежащий к 14-му корпусу, идет в наступление.

«Какая нелепость!» — говорит капитан.

Жака возмущает мысль, что так, без всякой надежды на успех, отправляют на верную смерть несчастных людей.

Вот видны между стволами сосен солдаты 14-го корпуса. Они идут шагом, с воткнутыми в винтовки штыками, продвигаясь развернутой цепью, и не знают, какой ужасный сюрприз их ожидает при выходе из леса. Они проходят. Жаку хочется кричать, броситься за ними, остановить их силой. Но к чему бы это привело? Его бы сочли сумасшедшим. Кровь застывает в его жилах. Все эти люди, находящиеся так близко от него сейчас, быть может, через несколько секунд станут трупами. Прислонившись ко входу окопа, он ждет, приложив руки к безумно бьющемуся сердцу. По всей линии, как по команде, начинается ружейная стрельба. Можно подумать, что разразилась ужасная буря. Не слышно ничего, кроме невыносимого треска маузеров. Истекающие кровью раненые падают на землю. Один из них, с разбитым предплечьем и красной висящей рукой, бросается к Жаку. И несущие смерть пули все свистят и свистят.

N-й полк продвинулся на четыре метра. Его потери чрезвычайно велики, количество убитых огромно, но честь спасена.

Поручив оставшимся в живых деморализованным солдатам (офицеров у них не оказалось) защиту участка, батальон собрался на расстоянии пятисот метров от обстреливаемого леса, где солдаты снова стали рыть окопы. На завтра в полдень весь батальон пойдет в атаку. Они должны были пойти на приступ туда, где их батальон потерпел поражение 26-го, а 14-й корпус — 27-го.

В последний момент им были розданы гранаты нового типа («ложки»). Никто из офицеров не знал, как с ними обращаться.

Наступило смятение.

У офицеров нехватило смелости отказаться вести солдат на эту бессмысленную бойню.

Честь, повидимому, требует пассивного, абсолютного и слепого повиновения героическим традициям.

Батальон снова поднимается на холм. По всей вероятности, неприятельские «колбасы» заметили его во время перехода через просеки, так как при выходе в открытое поле он был встречен ураганным огнем.

Атака должна начаться в два часа дня, и полк в ожидании останавливается, засыпаемый снарядами, и начинает окапываться.

Капитан вне себя бежит к стоящему в проходе командиру:

— Что вам пришло в голову? Необходимо продвинуться на несколько сот метров, ведь дико оставаться под перекрестным огнем.

— Я получил приказ расположиться здесь и двинуться отсюда только в два часа.

Один де-Валерас остается стоять с Ферулем, которому он передал свое волнение. Не обращая внимания на падающие снаряды, он дает выход возмущению. Командир теряет голову и не знает, что делать. Убийственная канонада продолжается, полк тает. Де-Валерасу сообщают, что капитан 6-й роты ранен, и он тотчас же берет на себя его обязанности.

— Феруль, передайте приказ всем частям продвинуться вперед, для того, чтобы уйти из-под обстрела. Живо!

Жак перепрыгивает через тела товарищей, узнавая взводных по золотым нашивкам.

Стоя среди этих охваченных ужасом распростертых людей, он под грохот канонады выкрикивает спасительные слова: «Вперед. Приказ капитана»... В первую минуту никто не шевельнулся. Наконец, Жака поняли. Он видит, как взводы бросаются бежать один за другим из обстреливаемой зоны. Он возвращается торжествующий.

— Приказ исполнен, капитан.

— Если бы и 7-я догадалась сделать тоже самое.

— Хорошо, я пойду туда.

— Отправляйся, мой друг.

Жак стремительно побежал, не замечая многочисленных взрывов снарядов. Сотни раз рискуя быть убитым, он отыскал капитана 7-й роты и, задыхаясь от быстрого бега, передал ему о том, как поступила рота де-Валераса. Командир батальона остается под обстрелом один, со своим ординарцем... Наступил час, когда атака должна была начаться. Части осторожно продвигаются вперед, слышен свист пуль, пролетающих, к счастью, слишком высоко. Невыносимый ураганный огонь бушует на гребне холма. Один сержант, который отважился выйти за пределы леса, убит, нет человеческой возможности продолжать продвижение. Де-Валерас колеблется: должен ли он повести своих солдат на верную смерть?

Жак с замиранием сердца следит за трагической борьбой между чувством долга и разумом, которая отражается на лице его начальника.

— Стой!—внезапно кричит офицер.—Ройте окопы!

Чувствуется, что ему необходимо объяснить свое приказание, и он обращается к Жаку:

— Если бы я исполнил приказ, мы потеряли бы четыре пятых нашего состава и ни на иоту не продвинулись бы вперед.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Затем, устремив на него пристальный взгляд; вдруг спрашивает:

— Чем ты занимался до войны?

— Я был линотипистом, капитан.

— Прекрасно, прекрасно.

Солдаты не теряют попусту времени, они усердно работают походными заступами. Медленно спускаются все глубже и глубже. Вот они уже могут не опасаться пуль. Пройдет еще немного времени—и они смогут не бояться снарядов.

Собравшись вокруг начальника батальона, командиры рот совещаются, рассказывают о событиях дня, о том, какие понесли жестокие потери, и о месте расположения частей.

Жак узнает голос своего капитана:

«Г-н командир, у меня нет капрал-фурьера. Я собираюсь назначить на его место одного из моих агентов связи, Феруля, он прекрасный малый».

Жак тихо отходит на несколько шагов...

Улегшись в своем окопе, Жак тщетно пытается уснуть:

«Я капрал-фурьер, унтер-офицер! Как мне повезло!»

Неудача наступления отходит на второй план. Одно возмещается другим, он — капрал-фурьер.

Де-Валерас разбудил его ночью:

— Пойдите сообщите адъютанту, что мы выступаем через четверть часа. Пора приготовиться.

Он, видимо, озабочен.

— Куда мы отправляемся, капитан?

— В лес «С 7», где мы были вчера, только бы нам не очутиться завтра перед этими дьявольскими проволочными заграждениями, против которых мы бессильны.

— Значит, завтра мы все там погибнем!

Капитан поднимает к небу руки:

— А почему бы нет!

— Но они с ума сошли!

— Тише... Тише!..

Для чего нужно было заботиться о сохранении своей шкуры. Стоило сегодня так мучиться — исполнять свой долг, даже больше, чем свой долг? Для того, чтобы завтра снова итти в атаку... Но чорт возьми! Ведь эту траншею невозможно взять, пускай попробует генерал!

Жак размышляет, сидя на сырой земле. Завтрашний день пугает его. Он отдал все свои силы, истощил все свое мужество и в нем больше ничего не осталось, кроме отвращения и страха. Впервые за день он вспомнил о Бланшаре, этом сильном крестьянине, и он ловит себя на мысли о том, что почти завидует ему, а также и всем тем, кто покоится уже на склонах Суэнского холма у подножия чахлых сосен. Дождь идет и омывает его запачканные землей руки. Что подумали бы его родители, если бы знали, если бы видели его здесь, в этом трагическом обезображенном лесу, уткнувшегося подбородком в колени? Он вспоминает зимние вечера в углу у огня, на старой мягкой кровати, все, что он уже больше не увидит. Его охватывает безнадежное отчаяние, ему хочется плакать...

VII

Вот уже скоро два месяца, как полк занимает участок Суэнского холма, то помогая артиллерии на передовых позициях, то маршируя по полям и по дороге из Суэна в Тагор.

Жак Феруль, получивший после сентябрьских сражений чин капрала-фурьера, каждый вечер сопровождает эшелоны с запасами провианта. Вначале пребывание здесь

было очень тяжело для всех, каждый устраивался как попало: в окопах, под листами железа. Благодаря усердию рядовых участок медленно преобразился. Они углубили траншеи, устроили щиты, вырыли узкие проходы, коридоры для сообщения, организовали оборонительные пункты, устроили довольно сносные помещения для жилья на глубине нескольких метров под землей. Известковая почва легко поддавалась, и солдаты в своих окопах могли не бояться непрекращающегося обстрела. Однако, по ночам им приходилось несколько отдаляться от передовых линий и отправляться на поиски дубовых балок, проволоки в форме «Ф», клубков колючей проволоки и мешков; приходилось также устраивать перед линиями траншей заграждения из колючей проволоки, о которую они царапали руки.

Эта продолжительная работа под дождем, на морозе, под разрывающимися снарядами, часто вызывала недовольство, но все же они продолжали ее делать. Иногда немцы посылали им огромные снаряды, от грохота которых дрожала земля и гасли свечи в окопах. Жак устроился вместе с сержантом-фурьером в неглубоком, но удобном и хорошо проветриваемом окопе. Каждый день, в 4 часа он отправляется за провиантом. В Ла Шениль, в трех километрах от передовых позиций, он ежедневно получает провиант: хлеб, вино, спички и драгоценную водку.

Два солдата, один — крепкий крестьянин из Юры, другой — бывший парижский возчик, сильный, как лошадь, и ловкий, как обезьяна, несут этот паек в бочке, привешенной к еловому стволу. Водку Жак несет сам для того, чтобы быть уверенным в целости ее. Град снарядов 77-миллиметровых орудий изредка прерывает распределение.

Когда на участке спокойно, солдатам не сидится в темных, извилистых окопах. Они выходят, прохаживаются по полям сражения, останавливаются около братских могил, где их товарищи лежат, вытянувшись близко один от другого на известковом ложе. Огромная доска говорит об именах девяноста восьми несчастных, тела которых служат удобрением для тощей почвы Шампани. Кашевары приготовляют похлебку в овраге, где дымится походная кухня. Они разносят ее в котлах без крышек и, проходя окопы, задевают стены. Земля постоянно попадает в паек, и так как вода — удовольствие редкое, то никогда не моющаяся посуда сохраняет запах того, что готовилось целую неделю: риса, чечевицы и так далее.

Вечером, прислушиваясь к шумам окопов, Жак Феруль пишет.

Газеты получаются очень редко. Однажды, вскоре после октябрьского наступления, когда все тонуло в грязи и когда, возвратившись из разведки, солдаты укладывались в своих открытых всем ветрам норах, Дюкрок стал размахивать, как флагом, измятой и испачканной газетой, в которой, однако, довольно свободно можно было разобрать слова статьи: «В е с е л а я ж и з н ь в о к о п а х».

— Есть ли хоть капля совести у молодчика, написавшего эту гадость?

Однажды утром капитан позвал своего капрал-фурьера и конфиденциально сказал ему:

— Послушайте-ка! Вы знаете, со мной в окопе спит Антонен. Это славный малый, и он меня совершенно не стесняет, но только он храпит... Это раздражает. Постарайтесь устроить ему здесь поблизости угол. Но не говорите

ему, что это мое желание. Устройте это. Я рассчитываю на вас, Феруль.

Жак не очень считается с тем, что ему приказывают. Он прямо направляется к Антонену, который сегодня несет службу связи. Не подозревая того, что все окопы соединены подземным коридором и что в одном великолепно слышно все, что громко говорят в другом, Жак, как опытный дипломат, начинает:

— Знаешь что, Антонен. Ты ведь спишь в одном окопе со стариком. Ну, так вот: тебе придется убраться оттуда и поскорее. Ты, кажется, храпишь, как свинья, и это мешает ему работать.

Присутствовавшие при этом разговоре солдаты жестами показывают Ферулю, чтобы он замолчал, но уже поздно... Из глубины земли доносится голос: «Нет, Феруль, это неправда...» Жак удирает, не ожидая продолжения, и в течение долгого времени, проходя по подземным ходам, избегает своего капитана.

Сержант-фурьер рассказывает смешные истории и с необычайной изобретательностью украшает окоп.

Этот герой — южанин. И каких только любовных приключений он не испытал! И сколько он наплодил ребят в Тулоне, в Бордо, на сборном пункте, в госпитале, во всех местах, где только была расквартирована его часть!

Прошлое Феруля не богато воспоминаниями подобного рода. Война началась, когда ему едва минуло двадцать лет, и затем в этих делах ему всегда мешала его скромность. Все же хвастовство товарища вызывает в нем чувство зависти.

Он дает себе слово, что в будущем будет более смелым. Все, без исключения, рассказывают о своих легких победах. Все женщины доступны, нужно только рискнуть.

И вечером, улегшись на свое ложе из кругов свернутой железной проволоки, возбуждаемый шестью месяцами воздержания, он в мечтах переживает самое восхитительное приключение: война уже кончилась, он хорошо умыт, побрит, прекрасно одет, или же он может быть в отпуску, и на нем мундир из офицерского сукна... Он ухаживает за прелестной женщиной, блондинкой, брюнеткой, черты которой, однако, расплываются.

Эти мечтания часто прерывает сон, и Жак возобновляет их на другой день. Он добился свидания. Она сидит против него в дансинге. Пиликанье скрипок возбуждает желание. Он говорит ей красивые слова, увлекает ее. Теперь они одни. Он осмеливается ее поцеловать... и содрогается на жестком ложе.

В жажде наслаждения, которого никак не может поймать, Жака охватывает жар, он теряет голову... и иногда он ловит себя на том, что рука его заблудилась...

Очнувшись, он, наконец, засыпает тяжелым сном, полный горечи, стыда и отвращения к самому себе.

Недели проходят, одна похожая на другую. Однако, в сердце Феруля зарождается сладкая надежда: каждые две недели кто-нибудь из капрал-фурьеров отправляется в Шалон для того, чтобы закупить все необходимое для полка, и все дают поручения. Вскоре придет очередь Жака. Его состояние достигает двадцати пяти франков. Этого, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы провести день в городе и воспользоваться всеми удовольствиями, которые он может дать. Ему необходимо, по крайней мере, сто франков. И Жак начинает бороться с сержант-фурьером, который постоянно тащит его в кабачок. Он отказывается от папирос, ограничивается только полагающейся ему едой, изредка добавляя к ней только бисквиты.

Шалон! Ведь это жизнь! Это значит снова очутиться среди штатских. Это значит почувствовать прелесть ванны. Шалон! Это хороший обед, хорошая сервировка, скатерть, салфетка, рюмки. Это радость усесться за столик на террасе кафе, восхищаться проходящими мимо женщинами... Шалон! Это, наконец, главным образом возможность воплотить в жизнь так долго, во время суровых ночей в окопах лелеянную мечту: заключить в объятия еще раз в жизни, быть может, последний раз женщину, для которой любовь, правда, является профессией, но которая все же остается самкой, привлекающей самца. Возвращаясь из Шалона, товарищи хвастаются тем, как они там провели время. В течение долгих недель они говорят об этом прекрасном дне; все они, все без исключения, побывали в номере 12-м или 16-м, и там они наслаждались... О, да, наслаждались!

Однажды в 10 часов вечера двуколка, в которой сидел непомнящий себя от нетерпения капрал-фурьер, двинулась в путь. Строго запрещается пускать лошадей рысью. Совершенно прямая дорога бесконечно тянется по долине, усеянной пятнами рахитичных сосен, где в былое время паслись стада овец. Забившись вглубь повозки, укутавшись в одеяло, Жак старается уснуть, несмотря на пронизывающий северный ветер. Однако, холод одерживает верх и заставляет его вылезть из повозки и пойти пешком, чтобы разогреть окоченевшие ноги. Жак записал в записной книжке поручения, которые ему были даны товарищами и начальством: одному — кисточку для бритья, другому — мыла для бритья, лезвия для бритвы, бумаги для писем, автоматические пуговицы, сыр, консервы, фитили для карманных фонарей, а для капитана — воду Виши. Он распределяет покупки на различные категории:

писчебумажные принадлежности, галантерею, продовольствие.

Еще несколько километров — и он будет у цели.

Жак просит кучера ждать его на обычном месте и легким шагом направляется к обетованному городу. В переполненных покупателями магазинах он делает покупки, платит и затем возвращается к кучеру:

— Вот адреса магазинов, ты можешь заехать и взять пакеты.

С этим покончено. Все готово. Еще нет одиннадцати часов. Жак прекрасно знает, куда он сейчас пойдет, подстрекаемый нетерпеливым желанием. Сержант-фурьер наскоро нарисовал ему небольшой план Шалона, на котором красуются два номера: 12 и 16.

Феруль, следуя этому плану, подвигается вперед и вдруг останавливается, сбившись с пути. Что делать? Он собирается остановить одного из прохожих, но мимо проходит женщина, и это его удерживает.

Наконец, на почти пустынной улице появляется какой-то солдат.

— Скажи-ка, старина, ты не мог бы мне указать, где находится этот... Ну, этот дом?

— Какой дом?.. Ах, публичный!.. Вторая улица направо, потом третья налево. Ты понял? Ошибиться невозможно. Да, ты, повидимому, здесь первый раз, так вот... 16-й — более дорогой, а 12-й ничем не хуже, и там, по крайней мере, не рискуешь встретиться с офицером.

Вторая направо, третья налево. Жак мысленно повторяет эти указания, опасаясь их забыть. Он ускоряет шаг, почти бежит... Обитая войлоком дверь, окна с решетками, номер на видном месте. Он звонит.

Действительность значительно хуже мечты, неиспытан-

ное им наслаждение очень невелико и скоропреходяще. Несколько расстроенный и не слишком гордый Жак выходит и направляется в ванну. Он там встречает Ренара, фурьера 8-й роты.

— Да, хорошая ванна — приятная вещь. Это не излишество. Что же, старина, пойдем выпьем рюмочку, а потом можно будет и покутить.

Жак позавтракал с большим аппетитом и наслаждается приятной теплотой, распространяющейся по телу. Его голову окутывает туман, и сердце как бы тает в груди.

— Да, трудно сказать, что этот кофе имеет что-либо общее с тем, которое готовится в нашей походной кухне.

Удобно устроившись, положив ногу на ногу, они пьют ликер и курят сигары.

Жак слегка опьянел. Как хороша жизнь! Все окрашено в розовый цвет, — он забыл обо всем.

— Что, Жак, — пойдем?

— А как же!

Буфет номера 12-го теперь уже не так безлюден, как раньше. Сидящие у столиков пуалю курят, поют и пьют. Пролившееся на пол пиво оставляет широкие темные пятна. Полуодетые проститутки, приблизительно человек десять, ходят между столами, подсаживаются к новоприбывшим и щепчут им что-то на ухо. Механическое пианино пережевывает знакомые мелодии. Резкие крики женщин покрывают надломленные звуки музыки: пары уходят и приходят. Жаку не по себе, он стесняется; он предпочел бы быть один.

Женщины заигрывают с ним, «Что ж, молодой человек, пойдем?» Эти плутовки знают, что пуалю — настоящие пуалю из окопов — самые серьезные клиенты, тогда как все эти военные из интендантства, из инженерных частей, из

штаба, расположенного в Шалоне, приходят сюда только для того, чтобы смотреть и смеяться.

Какая-то женщина села рядом с Жаком.

— Неужели ты удовлетворишься тем, что будешь смотреть, как развлекаются другие?

Ее откровенные прикосновения заставляют его вздрогнуть, но, к несчастью, у нее поблекшее накрашенное лицо, отвислые щеки и дряблое тело...

Феруль обратил внимание на одну проститутку с длинными подвижными ногами, более молодую, почти красивую, но он не решается прогнать свою соседку, которой удалось заставить его угостить ее вином.

Но та, которую он выбрал, уходит с каким-то стрелком. Еще одна, которая ему тоже понравилась, не обращает на него никакого внимания. Его товарищ подает ему хороший пример и исчезает. Жак через некоторое время следует за ним. Там наверху, в комнате, где витает запах дешевых духов, женщина, сидя на измятой постели, старается вытянуть у него как можно больше денег. Она роется в его карманах, подсчитывает его богатство.

— Ты можешь дать мне еще пять франков... Да, да, мой милый, ты увидишь, я сумею тебе понравиться, и ты сможешь остаться немного больше, чем полагается.

Жак храбро боролся для того, чтобы спасти хотя бы несколько франков. С этого момента у проститутки нет никаких оснований задерживаться с этим солдатом, с этим бедным малым, который для того, чтобы иметь возможность обладать ею несколько секунд, отказывал себе в пище и папиросах в течение многих недель. Она перестает нежничать с ним, не говорит: «мой милый», «мой хороший» и больше не целует его. Ее ждут другие клиенты, и она старается поскорее избавиться от Жака. После удовлетворе-

ния любовного желания Жака охватывает разочарование и печаль. Его встречают у буфета грубыми шутками, от которых ему хочется бежать, но Ренар удерживает его. Нужно пить. Феруль пьет. Весь эшелон как будто назначил здесь свидание друг другу, и лейтенант, командующий ими, является сюда, чтобы сообщить, что пора ехать. Тяжело нагруженные повозки отправляются в обратный путь. Теперь все кончено на несколько месяцев. Жак потратил все свои сбережения до последнего су и не купил для себя ничего из того, что ему было нужно. Придется в течение долгого времени снова отказывать себе во всем, до следующей поездки.

Капитану не повезло, его фурьер не привез ему ничего из того, что он заказал.

— Я искал повсюду, нигде нельзя достать ни Виши, ни бумаги.

Не говоря ни слова, де-Валерас посылает в Шалон велосипедиста, который привозит и то и другое:

— Вам долго пришлось искать?

— Нет, капитан.

При встрече с Ферулем де-Валерас хлопает его по плечу.

— Послушайте, Феруль, когда я в следующий раз пошлю вас, будьте добры исполнить мои поручения до того как закончите свои дела в публичном доме.

VIII

5-я рота еще не успела расположиться в окопах, а стрелки уже уходят по траншейным ходам. За те пять месяцев, которые дивизия занимает этот участок, ей впервые пришлось попасть под такой обстрел. Происходит какая-то за-

минка: сначала говорят, что вычисляют, под каким углом нужно стрелять, однако эти вычисления продолжаются что-то слишком долго.

Капитан устраивается в одной комнате, а ординарец, велосипедист и фурьер — в другой.

В конце концов солдаты привыкли к траншеям, они изучили их до самых последних закоулков и без страха подымаются наверх.

— Однако, сегодня они нас жалуют.

Буркар наблюдает за полетом снарядов. Они описывают в воздухе изящную изогнутую линию, потом несколько мгновений покачиваются, словно выбирая место, куда бы им упасть, и, наконец, падают с ужасающей, молниеносной быстротой.

— Осторожно! Вот летят сразу четыре.

Буркар стремительно скрывается в свой окоп. Слышен приближающийся свист. При падении снарядов раздается глухой шум. Несколько секунд... и страшный взрыв потрясает самые глубокие окопы.

— Феруль, отправьте отчет батальонному командиру. Смена в 4 часа 30 минут. Общий обстрел наших позиций. Незначительные повреждения.

Настроение солдат бодрое.

Со всех сторон подымаются к небу клубы дыма. Не видно ни души. Капитан выходит из своего окопа. Его лицо омрачается:

«Удивительно, весь участок находится под обстрелом. Лишь бы это не было артиллерийской подготовкой». Он продолжает повелительно.

— Феруль, я хочу, чтобы вся рота была под рукой и наготове. Следите за тем, чтобы никто не отлучался. День еще не кончился, нужно быть готовым ко всему.

И действительно, обстрел становится все более интенсивным. Агенты связи, сменяясь каждые четверть часа, несут караул у входа в окоп.

— Идите со мной, Феруль.

Они идут коридорами, в которых местами уже обвалилась земля, и достигают передовой линии окопов. Бросаясь на землю при каждом выстреле, затем подымаясь в промежутках между взрывами, они перебегают от окопа к окопу, где в беспорядке теснятся пуалю.

Везде капитан дает один и тот же совет:

— Остерегайтесь газа. Скажите своим караульным, чтобы они сообщали нам о каждом снаряде. Пусть все будут готовы, винтовки на перевес. Как только снаряды станут попадать ближе, выходите быстро из окопов. Сменяйте караульных каждые четверть часа. Пусть капралы тоже несут караульную службу.

Потные, запыхавшиеся они возвращаются к себе.

Жак делает нечеловеческое усилие для того, чтобы рассеять охватившую его тревогу. Он цепляется за совершенно неправдоподобную надежду: «это, быть может, только диверсия, они хотят нас ввести в заблуждение для того, чтобы отвлечь наше внимание от Вердена».

Бомбардировка становится все ожесточеннее, взрывы следуют один за другим, грохот не прекращается ни на минуту, земляные фонтаны вздымаются вверх, дым и пыль наполняют окопы. Земля содрогается, как будто у нее есть душа, как будто она разделяет беспокойство людей, как будто и она тоже боится смерти.

— Выдержат ли наши окопы, если в них попадет 210-миллиметровый снаряд?

— 210-миллиметровый? Ты говоришь глупости. Достаточно и 150-миллиметровых.

В действительности, окопы построены крепко, и защищены земляной насыпью в два метра вышины. Торпеды словно засыпают участок, сравнивая с землей все прикрытия. Да, будет атака, больше надеяться не на что. «Сегодня вечером, — думает Жак, — быть может, мы будем спасены, быть может, попадем в плен или будем убиты». Он разглядывает окоп. Боже! Как он напоминает своей дубовой обшивкой большой гроб. «Неужели я здесь умру: буду засыпан землей, задохнусь или же буду убит осколком снаряда?» Взрыв сильнее предыдущих задувает свечу. Камни и земля градом сыплются в узкий коридор.

— Проклятье! Этот упал совсем близко.

Но что это? Не слышны ли сквозь этот оглушительный гул крики о помощи, стоны?

Жалю ранен. Нужно бежать к нему на помощь.

Его укладывают на койку, и во время перевязки он тихо стонет. На опасном посту его сменяет другой. На развороченную землю обрушивается настоящий поток огня и железа. Прежде чем перейти в наступление, немцы хотят все уничтожить и убить все живое. Ежеминутно от взрывов гаснет свеча. Чтобы слышать друг друга, приходится громко кричать. Проход обрушивается, наполовину закрывая вход.

— Принесите инструменты! Нужно очистить проход!

— Послушай-ка, фурьер! Я думаю, что сегодня вечером фрицы дадут тебе отпускной билет.

Не будучи в состоянии сдерживаться, Жак нервно смеется.

Нет, это уж чересчур. Это не война, а какое-то безумие, дикость.

Без всякого сопротивления быть отданным на произвол разъяренным зверям, которые набросятся на тебя

с ножом или с поджигательной бомбой в руке? К чему это?

— Атака сейчас должна начаться, Феруль. Пойдите, передайте караульному, чтобы он сообщал мне о каждом ружейном выстреле.

Снаружи бушует ураган. Жак колеблется, затем невероятным усилием воли заставляет себя выйти. Наполовину засыпанный землей караульный не подает признаков жизни. Еще дымится развороченная земля.

— Пусть его кто-нибудь сменит! Немедленно!

Побледневший Брено идет наверх; останется ли он в живых?

— Уничтожьте все ваши бумаги, Феруль. Важно, чтобы неприятель не нашел на вас ничего, что бы могло послужить ему на пользу.

— Выброс золу.

В окоп вваливается Брено. Он плохо держится на ногах, лицо его приняло багровый оттенок, в глазах дикое выражение, на подбородке — кровь. Думают, что он ранен. Он только контужен.

— Дюбуа, теперь твоя очередь.

Несчастный дрожит, как осиновый лист. Капитан теряет терпение.

Ужас парализует Дюбуа, у него глаза, как у затравленного зверя.

— На него нельзя положиться. Это не солдат, а тряпка. Феруль?..

Жак понял.

Он хватает сигнальные ракеты, наклоняется, и на минуту в нем пробуждается последний проблеск сознания: его «я» возмущается и сопротивляется. Затем он выскакивает, погружается до колен в рыхлую землю, спотыкаясь,

достигает наблюдательного пункта и, расположившись рядом с мертвецом, готовится нести свою трагическую службу.

Содрогается только его тело, душа же его необычайно спокойна: он согласился принести в жертву свою жизнь и, по сравнению с этим, остальное не имеет никакого значения.

В то время как небо извергает потоки огня и металла, Жак старается за что-нибудь ухватиться для того, чтобы сохранить равновесие. Он не спускает глаз с проволочных заграждений, из-за которых скоро покажутся немцы.

Он начинает различать в этом адском вихре потрескиванье пулемета; теперь снаряды попадают как будто ближе. Теряя голову, он кричит: «Начинается! начинается!..», выпускает свои красные ракеты с тремя звездочками... Капитан уже здесь, с револьвером в руке.

— Перекрестный огонь, Феруль! Перекрестный огонь!

Во второй раз ракеты взлетают к небу. Отовсюду повторяют сигналы: перекрестный огонь, перекрестный огонь!

— Боши... вот они.

Видно, как приблизительно на расстоянии 200 метров влево бегут немцы, осыпаемые собственными снарядами.

— Поглядите-ка: они хотят зайти нам в тыл.

Наконец открывают перекрестный огонь. Это что-то дьявольское, что-то неописуемое. Снаряды падают в совершенно невероятном количестве.

— Вы слышите пулемет 15-й батареи? Если ее не разрушили, мы спасены.

Неприятельская артиллерия заметно удлиняет свой прицел. Если бы знать, откуда придут боши: спереди, с тыла? Нужно ли будет защищаться, умереть с револьвером в руке

или сдаться? В ослабевающем с минуты на минуту грохоте пушек более явственно слышится треск пулемета. Да, это, конечно, 15-я батарея.

— Мы спасены! Мы спасены!

Неприятель, опрокинув наши передовые линии, ворвался в «П. 16», зашел в тыл наших укреплений и таким путем взял в плен целый батальон стрелков и одну роту инфантерии, в общем около тысячи человек

На третий день, в французском официальном сообщении говорилось: «27 февраля немцы захватили некоторые выдвинутые пункты наших позиций, но наши войска мощной контр-атакой тотчас же отбросили их назад».

Все стратеги вплоть до завсегдатая в Кафе де Коммерс радостно потирали руки: немцы атаковали нас в Шампани, существенных успехов они не достигли, но здорово за это поплатились.

IX

«Отпуск! Мой отпуск!...» Эти магические слова пробуждают в сердце солдата безумную, робкую надежду, которой он, однако, боится отдаться, так как слишком сильно радоваться — нехорошая, дурная примета. Потому что этот отпуск еще далек; потому что ему еще нужно переждать много товарищей, которые в свою очередь должны ждать возвращения других. Потому что впереди слишком еще много бомбардировок, слишком много атак; потому что на каждом шагу его предательски подстерегает смерть и потому что не следует забывать о шальной пуле, неожиданном снаряде, о возможности встретиться с врагом лицом к лицу.

Но надежда все же появляется на туманном горизонте: «Когда этот вернется, тот уедет, и когда наступит с таким

нетерпением, с таким волнением ожидаемый день его возвращения, придет моя очередь. Господи, сделай так, чтобы судьба была ко мне благосклонной, чтобы снаряды разрывались вдали от меня, чтобы пули пролетали мимо! Господи, отсрочь час наступления, дай мне дожить до отпуска! После него я вернусь и отдам в твои руки мое тело, мои страдания, мою жизнь».

Ведь столько раз их всех охватывало отчаяние, столько раз они перед боем прощались мысленно со своими, со старыми и дорогими родителями, с подрастающими детьми, с местностью, где увидели свет, с тихим домом, где научились ходить.

У Жака нет другой мысли, другой заботы, и только эта мысль привязывает его к жизни.

Теперь он уже знает приблизительно день своего отъезда; и он начинает считать дни, часы, минуты. Он авансом переживает все мельчайшие радости, строит всевозможные планы, до срока отправляется на поиски ожидающего его счастья. Он лежит уже не на узкой походной койке, а в своей кровати. Он разыскал несколько старых книг и перелистывает их перед тем, как заснуть.

Он видит неизменные обои своей комнаты, с наивными вылинявшими рисунками, на которых остался отпечаток всех его детских грез. Он уже ест не отвратительную, состряпанную кашеварами, похлебку, а все свои любимые блюда, специально приготовленные для него матерью. На столе — белая скатерть, старинный столовый сервиз. Кольцо от салфетки осталось в ящике буфета. И попало ему за то, что он забыл свернуть салфетку! «Представь себе, папа, однажды снаряд попал прямо в окоп. Разрушив крышу, прокатился в коридор и не взорвался. Это был 150-миллиметровый снаряд, и если бы ты видел,

как злился капрал». «Мама, знаешь, твои бисквиты!... Я ими угощаю своего фурьера, отец которого имеет кондитерскую. Ну так вот, он уверяет, что у них они получаются гораздо хуже». А вечерние прогулки с родителями, которые так горды тем, что идут под руку со своим пуалю, на груди которого висит железный крест...

Жак ворочается с бока на бок, он не может уснуть... Еще только три дня...

Его родители получают небольшую пенсию. Он один жил с ними в маленьком домике. Его два брата на фронте. Старший, тяжело раненый в самом начале войны, теперь офицер автомобильной роты тяжелой артиллерии, второй, бывший прапорщиком запаса, прикомандирован к одному из стрелковых батальонов. До того, как началась война, жизнь стариков протекала самым мирным образом... а сейчас они беспрестанно дрожат за своих детей.

Наконец великий день наступил. Обезумевший от радости Феруль уезжает в новой шинели, на которой болтается крест. Как невыносимо тянется время в этом поезде, идущем без всякого расписания, с совершенно непонятными остановками, который тащится медленно-медленно!

Жак не в состоянии усидеть на одном месте. Вглядываясь в окно, он узнает, несмотря на темноту, свою родину. Вокзал: четыре часа утра. Он бежит, бежит.

Вот погруженный в сон дом.

— Папа! Папа! Мама!

Ставни приоткрываются, и в окне показывается совершенно седая голова отца.

— Мать, мать, вставай скорее, это Жак.

В доме поднимается суматоха. Объятия, слезы радости!..

— Жак, Жак! О, господи, это ты?!

— Ты, вероятно, ничего не ел? Ну, конечно, ты что-нибудь скушаешь. А пить тебе хочется? Да? Хорошо, я тебе сейчас приготовлю вкусный кофе. Ложись, ты устал, Жак. Мой маленький Жак, наконец-то ты здесь! Как ты вырос! Мы не ждали тебя так скоро...

Он чувствует что-то странное и очень приятное; он больше не славный воин, даже не пуалю, он только ребенок.. «Папа! Папа!»

Весь отпуск еще впереди. Ему хватило одного утра, чтобы исчерпать все касающиеся войны темы. Старики уже знакомы со всеми товарищами по взводу и высшим командным составом. Он попросил мать хорошенько выстирать его куртку и брюки и посоветовал их подольше кипятить («блондинки»). Потом надел какой-то старый пиджак, немного узкий в плечах, о существовании которого он давно забыл. «Вот так чудеса, петли починены, дыры заштопаны... милая мама...»

Все друзья — городок очень не велик, — скоро узнали об его приезде. Жак обнимает всех, у него накопился большой запас тепла и нежности... ведь он уже отчаялся видеть их снова и был так долго лишен ласки и любви, совершенно один среди чужих людей, суровых и грубых.

— Однако ты прекрасно выглядишь, Жак. Ты, должно быть, хорошо себя чувствуешь. Ты никогда не был таким красивым.

— Никто не сказал бы, что он столько выстрадал,—говорит мать и начинает в присутствии смущенного Жака рассказывать о битвах, в которых он принимал участие, употребляя слова, которые только что узнала.

— Каким образом ты получил крест?

— Крест? Честное слово, я не слишком хорошо знаю, за что и почему его получил,— извиняется Жак с непритворной скромностью.

Наступает вечер. Устав от долгой болтовни, они наслаждаются убегающими минутами семейного счастья. Они снова видят перед собой Жака, одетого в старый костюм, сидящего на своем обычном месте, как раньше, когда, придя с работы, он усаживался за этот стол.

Солдаты, траншеи, снаряды, война кажутся теперь чем-то далеким и нереальным. В семейном кругу Жак становится таким, как в былое время. В комнате тепло, она полна любимых вещей.

Вокруг витают дорогие воспоминания. Изредка все трое вздрагивают. Погрузившись в мечты, Жак курит, голубоватый дым вьется, подымается и тает у темного потолка.

Для того чтобы понять друг друга, им не нужно слов. В тишине Жак спокойным, низким голосом только говорит:

— Папа, как хорошо дома!..

Через непродолжительное время его настроение начинает портиться. Всегда одни и те же вопросы, одни и те же похвалы, одни и те же слова утешения. Ему кажется, что в отношениях к нему всех знакомых сквозит не меньше любопытства, чем симпатии, и он думает, что все те, кто не побывал на фронте, недооценивают те страдания, которые приходится переносить солдатам. Головы всех обывателей начинены рассказами о войне, и если они расспрашивают о здоровье Жака, если они делают вид, что жалеют его, это делается автоматически, и они очень быстро снова возвращаются в круг своих интересов.

Все те, кто находится в тылу, те, кто не рискует своей жизнью, кто находится вдали от этого ада, кто не знает мучений, причиняемых жаждой и голодом, все те, кто спокойно спит на своей постели, — не должны ли они относиться с уважением к тем, кто их защищает, к тем,

кто за них страдает и умирает — с уважением и, может быть, с благодарностью?

Бедный Жак! Ты не знаешь, что все люди безудержно мчатся вперед и ничто не может их остановить. Тем хуже для тех, кто терпит крушение. Те, кто не на фронте, подчиняются велениям жизни. Не жалуйся и не возмущайся, они сражаются на фронте наживы точно так же, как ты в траншеях.

Но Жаку все же очень неприятно, когда он слышит болтовню о модах и нарядах или разговоры о торговых сделках и денежных операциях. Да, повидимому, в тылу не так горячо интересуются фронтом, как ему казалось.

Отец уже успел рассказать ему, что такой-то виноторговец, такой-то бакалейщик, дела которого были в начале войны очень плохи, давно уже выплатил свои долги и теперь богатеет. Один, отпущенный по слабости здоровья, другой — слишком старый для того, чтобы быть мобилизованным, стали дельцами. Никогда еще торговля и промышленность не переживали такого расцвета. Торговцы, как солдаты во время бомбардировки, прокладывают себе дорогу и, не обращая внимания на грозящую им гибель, обделывают свои дела и полными пригоршнями собирают золото, притекающее к их ногам. И все же спокойствие, благоденствие и жизнь этих людей зависят от пуалю, о которых они совершенно не думают.

Жак чувствует, что в нем нарастает глухое возмущение. Но особенность человеческой натуры такова: как только появляется радость, все остальное отходит на задний план.

*

Там, на фронте, Жак не раз слышал от товарищей, возвращающихся из отпуска, что «тыл на высоте». Но больше

всего они говорили о своих любовных делах. Его начальник, уроженец Монмартра, не мог нахвалиться горячим, торжественным приемом: бесплатные билеты в театр, пониженные цены в ресторанах и т. д. и т. д. Как-то вечером, выходя из Маленького казино, он встретил одну из самых очаровательных парижанок. Он покорил ее с первого взгляда. Он испытал всю гамму наслаждений: сначала легкий флирт, свиданья после обеда, потом безумные ночи любви, любви настоящей, потому что она была бескорыстна.

Ну что ж! Пусть спекулянты продолжают заниматься своими грязными делишками; лишь бы ему удалось найти женщину, которая его поймет. Да, нелегко в течение целого года валяться в грязи и сырости, осыпанным вшами. Он нашел на туалетном столике, на дне одного флакона, несколько капель духов; он бреется, приглаживает волосы и готов отправиться отыскивать ту, которая его поймет.

— Ты не поздно вернешься, Жак?

— Нет, мама.

Чорт возьми! Он надеется, что ему недолго придется искать, и для первого раза будет достаточно, если чуть-чуть поухаживает и проводит ее домой... Времени у него достаточно впереди, отпуск еще только начинается.

Вот так штука! Оказывается, не так легко найти «ту, которая его поймет».

Где она? Мимо него проходит много женщин, многие из них ему нравятся. Они подмигивают ему, но они олицетворяют собой любовь, являющуюся ремеслом, продажную, отдаваемую по мелочам, и так как в Жаке еще живо воспоминание о Шалоне, он не расположен к подобным авантюрам.

Однако его желания не так уже нескромны: ему просто хочется найти хорошенькую подругу, о которой он сможет думать в окопах, которой он будет писать нежные, ласковые письма на красивой сиреневой бумаге, подругу, которую он будет любить со всем пылом своих двадцати лет.

Он обошел все предместье, побывал во всех скверах, в самых отдаленных кварталах, кино и кабачках. Он то и дело подымал голову и вглядывался в окна, надеясь увидеть маленькую головку, мечтающую о сказочном принце, одетом капрал-фурьером. Но все женщины, казавшиеся ему желанными, как будто не замечают его. Повидимому, он ничем не выделяется из общей массы: какой-то пуалю — это вульгарно, военный крест с бронзовой звездой — это заурядно, и хотя черты его лица правильны, он все же не Адонис.

Не повесить же себе на спину объявление, вроде тех, которые печатаются в «Ви Паризьен» пуалю, ищущими себе крестных матерей*).

«Я придумал!»

Он стал ежедневно дежурить у больших магазинов в часы открытия и закрытия. Но и здесь его преследует неудача: все женщины, за которыми он идет, при свете фонарей оказываются уродливыми.

Робость вредит ему, он колеблется и, когда решается наконец подойти к какой-нибудь женщине, которая ему

---

*) В империалистическую войну во Франции установилось своего рода «шефство» дам — благотворительниц над солдатами. Эти дамы, которые назывались крестными матерями, посылали на фронт небольшие посылки, в которых были продовольствие, табак, белье и т. д. предназначавшиеся для одного солдата. В такие посылки отправительницы вкладывали письмо со своим адресом и это давало начало оживленной переписке.

понравилась, она внезапно исчезает в воротах, и дверь резко захлопывается за ней.

Решив довести это дело до конца, он отправляется в большой модный магазин. Если ему понравится какое-нибудь миловидное личико, он тотчас же купит первую попавшуюся безделушку, расточая при этом любезности и болтая всякий вздор.

Но когда он входит в магазин, он смущается. Ему кажется, что все смотрят на него насмешливо.

Жак шагает с осторожностью по натертому паркету. Как он неловок!

Он по ошибке попал в дамское отделение. Продавщица — хорошо сохранившаяся женщина лет 45 — подбегает к нему:

— Что вам угодно?

Чорт возьми! Не спросить же ему, продается ли здесь ходкий товар, именуемый «той, которая его поймет»! Он бросает растерянный взгляд на прилавок, где разложены тысячи соблазнительных предметов дамского туалета.

— Право, я затрудняюсь сказать.

Однако продавщица хорошо знает свое дело.

— Вам для дамы? У нас имеются очень красивые гарнитуры.

Гарнитур — что это такое? Это кажется украшение, которое надевают на волосы. Он подарит его своей матери, это обрадует ее.

— Да, да, пожалуйста, покажите гарнитур.

Проклятье! Гарнитур... Это не украшение для волос, а сорочка из сиреневого батиста величиной с носовой платок и пара панталон того же цвета, отделанных лентами.

Цена — 45 франков.

Уплатив деньги, растерянный Жак убегает. Его мать не любит цветного белья и будет возмущена таким подарком. Жак прячет свою покупку и направляется домой.

Каждый раз, когда он покидает своих стариков, лица их выражают такую печаль, что Жака начинают внезапно охватывать угрызения совести, и он решает не оставлять их одних до конца отпуска.

Все планы Жака проваливаются один за другим. Ему следовало стать авиатором, получить нашивки в какой-нибудь инженерной части или постараться быть зачисленным в кавалерию. Пехотинец — это слишком заурядно, слишком грубо, слишком опасно, потому что нет никакой уверенности в том, что в его одежде не найдется несколько «блондинок». Нужно оставить мечту о женской ласке. Если твое сердце переполнено, заставь его молчать, ты ведь привык к этому. Заставь его молчать, как ты уже делал это в часы атаки при грохоте канонады. А если твои чувства слишком сильно напоминают о себе, будь доволен тем, что у тебя в кармане имеется двадцать франков: такие, как ты, являются прекрасными клиентами для проституток.

*

Хорошее настроение Жака постепенно исчезает. Рассуждения обывателей о войне раздражают его своей банальностью и ханжеством. Он замыкается в горьком одиночестве. Только отец и мать находят еще дорогу к его сердцу, потому что в их словах не сквозят то нездоровое любопытство и аффектированное участие, которые его раздражают в других; в своих родителях он чувствует только растерянность, беспокойство, привязанность и жалость.

Приближающийся отъезд омрачает их счастье. Это немая угроза, с которой они пытаются бороться, но которая просачивается в их мозг и сердце, которая отравляет самые лучшие минуты, которая становится все ближе, все бесповоротнее.

Солнце скрылось, и черная туча простирается над их домом. Остается еще только один маленький клочок голубого неба.

Их терзает одна и та же мысль, они следят друг за другом, угадывают общие страхи, которые хотят скрыть. Они напрасно стараются забыть о мучительной минуте отъезда.

Отъезд, Жак, уже завтра.

Он не рискует встретиться взглядом с бедными стариками. Они, стараясь скрыть от него свое горе, делают усилие, при виде которого у него разрывается сердце.

Теперь кончено, он уедет сейчас с наступлением сумерек, последним поездом.

Жак не в состоянии сидеть на одном месте: он ходит взад и вперед, заглядывает во все комнаты, выдвигает все ящики. Ему хочется еще раз на все посмотреть, хочется запечатлеть все в своей памяти.

Мать набивает сумку едой, предназначенной на дорогу. Кладет толстые зимние носки собственной вязки, и, как благословение, на них падает тайная слеза.

— Я вас умоляю. Не провожайте меня на вокзал. Будет лучше, если мы расстанемся здесь.

— Перестань, Жак, перестань!..

Однако Жак настаивает. Он не хочет выставлять напоказ свое горе. Плакать? Но ведь это отнюдь не доказательство слабости. Минута прощания пугает его: он чувствует, что не в состоянии будет вынести отчаяния своих стариков-родителей. Ему хочется, чтобы это уже осталось позади.

— Видишь, я тебе приготовила чудесный обед.

Увы! Куски застревают в горле.

— Скоро приедет Роберт. Вы не долго будете одни.

— Конечно. Теперь отпуска дают чаще.

— Вы обо мне? Ровно через три месяца я снова буду здесь: время пройдет незаметно.

Из жалости друг к другу они говорят не то, что думают.

— Уже пора. Мама, нужно ехать.

Тогда, не будучи в состоянии больше сдерживаться, она начинает плакать. Плачут оба старика, и слезы, льющиеся из их покрасневших глаз, причиняют Жаку отчаянную боль.

К его горлу подступает комок.

Мать издает тихие стоны, отец же плачет так, словно его слезы — сочащаяся из раны кровь.

Нужно ехать... Вернется ли Жак? Ведь он идет навстречу смерти, а мать должна его отпустить.

Жак старается насмотреться на дорогие лица, которые, быть может, ему не придется увидеть вновь, он без конца целует их морщинистые щеки, пьет их слезы.

Наконец он осторожно высвобождается из их объятий. Плач переходит в рыдания. Жак убегает.

*

В продолжение восьми часов стиснутый со всех сторон Жак ехал до узловой станции. Его отпуск, такой чудесный, такой желанный, такой прекрасный, кончился. Он не сумел, как следует, его использовать. Его терзала отчаянная жажда жизни, и, набросившись на это питье, он быстро пресытился им. Если б можно было начать сначала, он бы теперь знал, как взяться за дело.

Устроившись под навесом, сотни отпускников производят невообразимый шум, орут во всю глотку, поют, ругаются.

Да, жестокая действительность снова вступает в свои права. Еще только что его баловали и ласкали, теперь же

его поглотила эта толпа, он смешался с этим пушечным мясом, и сам теперь не что иное, как пушечное мясо. Нужно поскорее разыскать товарищей по роте.

Что делают теперь его родители? Как печален их завтрак! Все их мысли, без сомнения, устремлены к нему, и их губы бесчисленное количество раз повторяют все те вопросы, которые он себе задает.

Он без аппетита принимается за густо намазанные маслом бутерброды, которые ему приготовила мать

Угольная пыль пачкает ему лицо, его руки черны, вся кожа покрывается слоем грязи. Это только начало.

Поезд в Шампань отходит только через три часа. Как их убить? Ему бы хотелось пойти погулять, но у дверей стоит караульный и никого не пускает.

Вокруг него волнуется ревущая, пьяная толпа. Грубое веселье этой толпы причиняет ему боль. Солдаты залпом опорожняют свои бидоны, отпускают сальные остроты, бранятся, толкаются. Жак жалеет этих несчастных — возможно, что он им завидует, — с которыми его столкнула судьба, несчастных, ищущих в вине забвенья своих горестей.

Он готов их ненавидеть. Не олицетворяют ли они войну? Войну, с которой ему опять пришлось столкнуться, бесконечную, уродливую и печальную. Войну, участие в которой казалось ему еще недавно славным и великим делом.

Как другие, Жак пускает в ход локти, как другие, начинает орать: «Мне бутылку лимонада, вот деньги!», потому что платить нужно до того, как подадут.

В одиннадцать часов вечера он прибыл в Сюип.

Небо из темного бархата; и только там, где находятся наши передовые позиции, оно приобретает серебристый оттенок. Печально взвиваются огни ракет, тогда как немецкие ракеты быстро описывают свои пла-

менные параболы. Где-то вдали, за Вузьером, в занятых неприятелем провинциях, там, где наши аэропланы сбрасывают над городами бомбы, там, где французские бомбы убивают мирных жителей — французов, светящиеся гусеницы всползают, угасая одна за другой, на небо.

Жак уже различает все характерные для участка звуки: мерное потрескивание пулемета, приглушенные ружейные выстрелы разнервничавшихся караульных, жужжанье крупных снарядов. Он быстро достигает леса Кюзинь, в котором расположен его полк.

— Феруль из пятой роты? Ты не во-время вернулся. Второй батальон занимает 16-й пост. Там, наверху, все время бурлит. Будь я на твоем месте, я бы обождал наступления дня.

— Дай мне пропуск, я сейчас же отправлюсь.

И, согнувшись под тяжелой ношей, он уходит, желая поскорее увидеть дружеские лица.

Он медленно подвигается вперед по лабиринту подземных ходов, не обращая внимания на падающие кругом снаряды, охотящиеся за разведочными отрядами и за возвращающимися в свои окопы отпускниками.

Коридор перекрещивается с другим. К стенке прикреплена бумажка, на ней надпись: «Коридор эрцгерцогини» и стрела: «К 16-му посту к Наваррену».

На расстоянии нескольких шагов от себя Жак замечает узкую полоску света и заглядывает внутрь палатки.

— Осторожно со светом! И какого чорта нужно здесь этому... Входи же и хорошенько закрой вход.

— Второй Батон.

— Постой-ка, да ведь это Феруль? Здравствуй, дружище! Ты бы лучше сделал, если бы вернулся дня через два. Пятая рота на 16-м посту. Тебя туда проводят.

— Поторопитесь, я очень спешу.

Тяжелый мешок давит спину, ремни врезаются в тело, Жак обливается потом.

— Еще далеко?

— Минут десять.

Провожатый ускоряет шаг. Жак собирается с силами и, согнувшись, шагает дальше, не отрывая взгляда от идущего впереди солдата. Ему хочется только одного — притти, притти поскорей и сбросить с себя ношу.

В темноте слышится глухой голос.

— Кто идет?

— Ординарец

— Ах, это ты, Феруль?

— Здравствуй, Брено! Как дела? И доволен же я, что, наконец, добрался. Есть у тебя для меня местечко?

— Да, ты ведь не в курсе дела, ты больше не служишь у капитана. А вот и он.

Де-Валерас заканчивает свой обход.

— Здравствуйте, Феруль. Пойдем.

Они спускаются по узкой лестнице в окоп, где, растянувшись на своих койках, храпят ординарцы.

— Нам не хватало сержантов. Я подумал о вас. Вы произведены со вчерашнего дня и прикомандированы к первому полувзводу первого взвода.

Эта новость действует на Жака, как удар.

— Вы знаете, ваш взвод расположен не в очень спокойном месте: взводный Верну передаст вам приказ.

Итак, нужно уходить, снова взять ружье и мешок, расстаться с славными товарищами связи, оставить эти глубокие окопы, старые привычки, пойти к незнакомым, к неведомому. Проход становится ниже и шире. Ветер приносит запах гниения.

— Живо! Торопитесь!

Жак находит еще силы, чтобы бежать.

— Тише! Мы на передовой линии. Боши должны быть не дальше тридцати метров отсюда.

Осыпающуюся, каждый раз снова разрываемую землю поддерживают железные подпорки. За поворотом вырисовывается неподвижный черный силуэт караульного.

— Мы пришли. Вот окоп твоего полувзвода. Всего хорошего!

И Брено улепетывает. Караульный не знает Жака, и Жак тоже видит его впервые. Он ощупью пробирается в темноте, наталкивается на распростертые на земле тела, потревоженные солдаты ворчат; он идет дальше, ищет кончиком сапога, рукой, тихо зовет. Отвечает ему только храп.

Как далеко отсюда его маленькая комнатка, мягкая постель, на которой было так приятно вытянуться!

Здесь пахнет псиной и плесенью.

Став на колени, Жак осторожно разыскивает на сырой земле, где валяются корки хлеба, свое место и укладывается, положив под голову мешок.

Кто-то громко разговаривает во сне. Слышатся какие-то таинственные шорохи, что-то взбирается по стволу ружья и падает вниз: крысы. Перед 16-м постом и на всем фронте Суэнского холма тянутся бесконечные ряды мертвых солдат, которых, начиная с сентября 19i4 г., косили пулеметы. Они лежат, распростертые, уткнувшись лицом в землю. Каждый ряд на расстоянии тридцати метров один от другого, как на маневрах.

Их поливает дождь, и пули дробят их побелевшие кости.

Однажды вечером, зимой, Жак, отправившись на разведку, видел, как из-под их выцветших шинелей выбе-

гали крысы, огромные крысы, разжиревшие от человеческого мяса.

С бьющимся сердцем, испуганный, он подошел к одному из трупов. Каска слетела, и он увидел ужасную застывшую гримасу лица, на котором не осталось мяса, голый череп, выеденные глаза. Одна челюсть вывалилась, и из раскрытого беззубого рта выскочило отвратительное животное.

Изглоданные до костей трупы не могут больше прокормить крыс, и изголодавшиеся животные перекочевали теперь в окопы: они съедают содержимое походных сумок, нападают на запасы провизии, тащат в свои норы остатки от обеда, безбоязненно приближаются к спящим, которых принимают за трупы и, ползая по их лицам, принюхиваются: эти тела издают характерный солдатский запах, но это еще не запах тления. Заснуть — это значит отдать себя на произвол этих мерзких тварей. Жак приподнимается и широко открытыми глазами вглядывается в окружающий его мрак, с ужасом прислушиваясь к малейшему шороху. Время от времени его веки слипаются, и голова склоняется на-бок, но он тотчас же подскакивает, разбуженный отчаянной возней крыс. И Жак снова начинает бороться с овладевающим им сном.

X

— Здорово, старина! — Шмидт с сияющим лицом подходит к Жаку.

— Ну, как твой отпуск? Доволен?

— А ты как думаешь? Что за вопрос? А ты? Ведь ты тоже вернулся из отпуска?

— Я, да, я исчерпал все удовольствия и, знаешь, я привез с собой футбольный мяч.

Когда пришла смена на 16-й пост, смененный 2-й батальон переходит на более спокойный участок.

Во время удлиняющихся сумерек, окрашивающих леса в переливающийся фиолетовый цвет, солдаты играют на траве в футбол. Они играют с воодушевлением, увлекаются, не соблюдая обычных правил игры. Жак входит в азарт, ссорится с товарищами, кричит: «Жорж, моя очередь!»

Вдруг раздается громкий голос, который покрывает шум:

— Зеленая ракета!

Игра продолжается, но через некоторое время снова вспыхивают ракеты и рассыпаются огненным дождем. На этот раз игроки застывают в неподвижности, всматриваясь в линию фронта, где от Сент-Супле до Суэнского холма зажигаются и тотчас же гаснут звезды ракет.

— Чорт возьми! Ветер дует с северо-востока. Газ! Газ!

— Немцы нас атакуют!

Все кидаются в окопы за амуницией, ружьями, противогазами.

— Держите наготове противогазы!

Линия фронта освещается, сигнальные ракеты образуют на небе огненный сноп, взлетая целыми сотнями сразу. Они подымаются отовсюду: из окопов, с укрепленных пунктов и, освещая все вокруг, рассыпаются красными звездами: красные — заградительный огонь! Зеленые — газы!

Артиллерия отвечает на беспокойные сигналы пехоты.

Де-Валерас нервничает, теряет терпение.

— Передайте приказ. Скорей! Скорей! Пусть торопятся занять боевые позиции!

Феруль, во главе своего отряда, занимает указанное ему место.

Наступила ночь.

На передовых линиях раздается грохот: артиллерия обстреливает участок, находящийся перед нашими линиями, стараясь рассеять газовую завесу.

Горит политая керосином солома. Густые клубы едкого дыма медленно поднимаются к небу: короткие вспышки, взрывы, освещают землю. Все небо охвачено пламенем, и на нем выделяются яркие ракеты. Красные и зеленые звезды медленно опускаются в это огненное море: это карнавал смерти.

Артиллерия яростно громыхает на всем протяжении участка. Батареи, о существовании которых никто до сих пор не подозревал, присоединяются к этому дикому концерту.

Величественная, ужасающая картина! И в этом аду движутся люди. Чтобы поддержать пламя, преграждающее смертоносному газу доступ в траншеи, солдаты, защищенные затрудняющими дыхание противогазами, бегут, собирая по дороге весь горючий материал, срывая руками и ногтями деревянную обшивку щитов, вырывая балки, поддерживающие окопы.

— Как вы думаете, сержант, неужели эта завеса дойдет до нас?

— Нет, ведь ты видишь, ветер гонит ее на юго-запад, нам ничего не грозит.

— А маски достаточно надежны?

— Да, мой друг, поскольку дело идет о тех газах, которые мы знаем, но если боши опять придумали что-то новое, то трудно сказать, что будет.

Охваченная беспокойством рота напряженно ждет. Быстро проходит озабоченный Де-Валерас.

— Вы поняли? Как только я дам вам сигнал ракетой, надевайте маски.

Около полуночи Верну получает приказ отправиться к месту расположения стрелков. Немцы не пошли в атаку. Эти подлецы решили отравить нас газами, уничтожить усиленной бомбардировкой оставшихся в живых, а также и резервные части.

Около склада материалов унтер-офицер саперных войск раздает солдатам лопаты, и пуалю, одетые в противогазы, колонна за колонной, под градом снарядов отправляются в опасную зону. В коридоре солдаты нестроевой части, застигнутые газами, лежат скрюченные в невероятных позах: шинели расстегнуты, лица искажены.

Охваченные ужасом солдаты крепче затягивают шнуровку противогаза, удостоверясь, что они хорошо пристают к лицу: малейшая неровность — смерть. Пот, стекая со лба, разъедает глаза Жака, но он не может его вытереть. Густой пар от дыхания, превращаясь в капельки воды, стекает к подбородку; пахнет аптекой, и этот запах вызывает тошноту. В темноте все видимые сквозь слюду предметы приобретают бурый оттенок. У него начинает стучать в висках. Его охватывает непреодолимое желание улечься здесь и ждать.

Солдаты ропщут.

— Довольно, мы больше не можем.

— Лучше сейчас издохнуть.

Офицер указывает им окоп, где находится часть, которую нужно сменить.

Действие газа было молниеносным. Все неуспевшие надеть противогазы солдаты падают и извиваются в ужасных конвульсиях. Эта газовая атака неожиданна для всех.

Сюипский госпиталь переполнен солдатами из 182-го полка, у которых газ выжег легкие. Несчастные умирают

в ужасных мучениях. Ничего нельзя сделать ни для того, чтобы их спасти, ни для того, чтобы облегчить их последние минуты.

Солдатам Феруля приходится очень тяжело. Каждое движение стоит им огромных усилий и причиняет нестерпимые муки. Артиллерия обстреливает траншею.

— Не спускайтесь в окопы!

Там образовалось такое скопление газов, что противогазы не могут защитить.

— Не спускайтесь в окопы, вы там погибнете!

— Значит, наши потери очень тяжелы?

— Да, первые линии окопов полны мертвецов.

— Правильно! Фрицы, вероятно, в восторге!

В восторге! Жак уверен, что он совсем не был бы в восторге, если бы ему пришлось увидеть, как погибают целые немецкие корпуса, отравленные удушливыми газами!

XI

Автомобили остановились на краю дороги.

— Отсчитай по восемнадцати человек.

— По восемнадцати в такой ящик? Но, кроме шуток, машины выдержат?

Солдаты пытаются смошенничать, образуя группы по пятнадцать человек в каждой, в надежде, что это пройдет незамеченным, но офицеры устраивают проверку.

— Восемнадцать по три! Все стройтесь по три в ряд!

Шесть рядов по три человека в каждом влезают в машину.

— Ах, мерзавцы! И какого им чорта до того, что мы здесь стиснуты, как сельди в бочке: сами-то, небось, они развалились в чудесных автомобилях, словно нажившиеся спекулянты.

— Скажи-ка, старина, ты нас везешь в Верден?

— Право, не знаю, ведь не я составляю маршрут.

— Положите мешки в середину, прислонив их один к другому. Это освободит место, по крайней мере, для четырех человек. Винтовки засуньте под скамейки и устройтесь по семи человек с каждой стороны.

Действительно, как это ни казалось неправдоподобным, все восемнадцать человек умещаются в машине.

Вдоль колонны, беспрестанно давая гудки, проезжает мотоциклетка.

— Вот шальной!

— Послушай-ка, ты хорошо сделаешь, если полетишь со своей машиной в ров. Вина будет не твоя, а если ты переломаешь себе руки и ноги, мы устроим сбор и будем тебе выдавать пенсию.

Моторы! Моторы! Приказ передается от одной машины к другой и замирает. Моторы загудели, и машины отъезжают одна вслед за другой.

*

Оба отделения полувзвода Феруля сильно разнятся одно от другого. Первое состоит почти исключительно из новичков набора 1916 г., второе — грозный отряд «Бирут».

Капралом этого отделения является ничем не смущающийся и всегда веселый Дюкрок; солдаты гордо именуют себя «бирутцами».

Они побывали в боях под Мюльгаузеном, Тет-а-Ваш, в лесу д'Айи: солдаты призывов 1911, 1912, 1913 гг., изведали все удовольствия казарменной жизни и ненавидят Верну, который теперь является взводным.

Новичков в свой круг они принимают с большим разбором. Только один непосвященный, бывший стрелок Шампо,

участвовавший много раз в военном совете и награжденный военной медалью, был торжественно, с большими почестями (конечно, алкогольными) принят в отделение ла-Бирут.

Во время привала бирутцы умеют найти солому там, где другие уже тщетно ее искали, и всегда занимают лучшее местечко на всем сеновале.

В Шампани, когда рота сменялась после шестнадцати дней пребывания в передовых окопах, и все, побежденные ужасной усталостью, растягивались на своих койках, Дюкрок и Вержикс, оставив амуницию, отправились со своими бидонами до самого Сомм-Пи. Просыпаясь, товарищи видели, как оба молодца возвращаются, согнувшись под тяжестью наполненных до краев бидонов.

Получая определенный процент от продажи каждого литра, бирутцы могли ежедневно пить, есть и драть глотку в свое удовольствие...

Сначала Жак их возненавидел, но впоследствии, когда он несколько к ним присмотрелся, то начал их понимать. Если бы не их сплоченность, они бы не стали тем наводящим ужас отрядом, который называется взводом ла-Бирут, а были бы такими же печальными и покорившимися судьбе пуалю, как и все остальные.

*

Машины едут не останавливаясь, за ними тянется длинный, пыльный след. Несмотря на отчаянную тряску, солдаты умудряются задремать. Но когда их отряд, замедлив ход, проезжает по населенным местам, они начинают шуметь и шутить. Дюкрок привязывает к концу веревки букет полевых цветов. Вержикс собезьянничал и привязал к длинной веревке свое кепи, стоя в заднем конце

автомобиля; они жестикулируют, обращаются с вопросами к штатским и посылают воздушные поцелуи девушкам. Прохожие останавливаются и приветствуют их движением руки. Тогда они бросают в толпу цветы и кепи. Там, внизу, толкают друг друга, подставляют руки. Раз, два — и пуалю тянут к себе веревку, а оставшаяся в дураках толпа не может все же удержаться от смеха.

Ровно в десять часов устраивают привал в открытом поле. Одни закусывают сардинками, которые едят кончиком ножа, другие — посыпанным дорожной пылью вареным мясом, которое держат грязными руками.

Какой-то крестьянин оставляет свой плуг и подходит к ним.

— Куда вы едете, ребята?

— В Верден,—отвечает Жак.

И он вкладывает в эти слова столько гордости, как будто слава уже коснулась его своим отравленным дыханием.

До Вердена шестьдесят километров.

«К чему еще сомневаться? Теперь наступила их очередь; вот и все. Не должны ли все без исключения дивизии продефилировать по этому роковому пути?

Где они будут сегодня вечером? На передовых позициях? В резерве? Живые? Мертвые?

Ранение! Это волшебное слово звучит в их ушах. Каждый втайне лелеет эту надежду. Ранение, желанное ранение! Бросить винтовку, всю амуницию и бежать своей уцелевшей ногой, собрав остатки сил, которых не отняло кровотечение; бежать, прятаться в вырытых снарядами воронках, обливаться потом и с легким сердцем лечь под нож хирурга.

Если вы остались живы, ваша рана не опасна: самая тяжелая как раз является наименее серьезной.

Выпадет ли на мою долю такая удача? Война кончена для меня навсегда. Иметь право сказать: «через неделю я сделаю то-то, через полгода поеду туда-то, через пять лет...» Иметь возможность без ужаса заглядывать в будущее. Не быть больше пушечным мясом, жить, не оспаривая свое тело у насекомых, у ядовитых газов, не быть больше затравленным зверем, а радоваться жизни, быть счастливым.. »

Терпи солдат! Избавление близко.

Пыль одела их своим серым покровом. Она проникает в походные сумки, в находящуюся в них пищу, белье, носки. Она пробирается сквозь одежду, пристает к коже, раздражает глаза, хрустит на зубах, оседает на бронхах. Бороться с ней невозможно: она все равно останется победительницей.

Подобно печальным, чахлым, побелевшим деревьям, безропотно стоящим на краю дороги, пуалю без возмущения покоряются ее непреодолимому могуществу.

*

Теперь началась сбивающая с толку суматоха.

Едущие по середине шоссе легковые мащины сталкиваются одна с другой и застревают, образуя пробки.

В полях, окаймляющих дорогу, по тропинкам тоскливо проходят с инструментами на плечах солдаты территориальных частей; в этом хаосе проезжают ротные тележки, перегруженные фургоны, запряженные мулами, пулеметы, походные кухни, повозки с ящиками снарядов, и это продолжается, не прекращаясь ни днем ни ночью, уже в течение долгих месяцев.

Прожорливая, ненасытная война поглощает все.

Иногда забрызганный грязью, внушающий своим ви-

дом ужас солдат подымается на одном из автомобилей и охрипшим голосом кричит товарищам, отправляющимся к Вердену, зловещие слова:

— Не надо ехать туда! Возвращайтесь!

Отряд сворачивает на боковую дорогу и останавливается.

Никовиль! Это конечная остановка.

Весь полк ожидает наступления ночи, когда можно будет не опасаясь начать продвижение по гребням гор.

Как это ни странно, не слышно канонады, только изредка раздается потрескивание пулеметов: это сражаются аэропланы где-то очень высоко, очень далеко...

Феруль и Шмидт расположились в высокой траве люцерны. Они молчат, каждый погружен в свои мысли.

Жаркий июньский вечер переходит в светлую, мягкую ночь. Жак лежит на спине, положив под голову руки и не видит ничего, кроме величественного глубокого неба. Колос ласкает его лоб.

— Не забудь написать моим. Пуля в лоб, осколок снаряда в сердце — это не уродует, и говорят, что это не причиняет страданий.

— Да, да, великолепная мысль, старина... Однако... возможно, что ты будешь писать это письмо.

*

Полк разворачивает в тени свою черную ленту, топча подкованными сапогами траву на дороге, проложенной по вспаханному полю другими отрядами.

Вдруг один из солдат хватает Жака за руку:

— Послушай!

Сквозь шум, производимый тяжелыми шагами, слышен едва различимый гул.

— Послушай, это пушки.

По его спине пробегают мурашки.

Пушки! Он ничего больше не воспринимает, кроме тех громовых раскатов, которые все повторяются и повторяются.

Отряд подымается по склону горы.

Грохот не прекращается. Он напоминает частый барабанный бой, изредка прерываемый более сильными ударами.

На западе начинает серебриться небо.

Солдаты остановились, и в наступившей тишине орудийный грохот растет, ширится. Все молчат, прислушиваются, затаив дыхание. В сердце каждого из них отдается эхо этих выстрелов: это пушки Вердена.

— Взводы подымаются на гребень горы один за другим ускоренным шагом.

Жак бежит. Мешок прыгает у него на спине, походная сумка и бидон съехали вниз и ударяют по животу, винтовка сползает с плеч.

— Вот так штука!

Весь горизонт окрашен в чудовищный кроваво-красный цвет, пожары внезапно вспыхивают и угасают. Пламя, вырывающееся из жерл невидимых пушек, бороздит мрак, тысячи взрывов разрывают тьму своими яркими вспышками, и над всем этим слышится грозный непрерывный гул канонады. Верден!

Солдаты выпрямляют спины, согнутые под тяжестью мешков.

Вот куда они идут с такими усилиями! Они будут брошены в эту вакханалию огня и крови, сознательно принесены в жертву, они, которые составляют часть славной и несчастной армии.

Верден! Они по наслышке знают, что те жестокие бои, в которых им приходилось участвовать, совершенно не могут сравниться по ужасу и опасности с тем, что происходит в Вердене. И теперь им предстоит в этом убедиться на деле.

Таинственно расстилается перед ними замкнутая линия огня.

Жака охватывает инстинктивный ужас: все его существо протестует.

Нет, совершенно невозможно уцелеть в этом аду.

В ночь, которую они провели в Беллерейских казармах, их преследовали ужасные кошмары. Снаряжение их стало значительно тяжелее из-за того, что к нему добавилось продовольствие на четыре дня, второй бидон и двенадцать гранат.

Встревоженные и обеспокоенные Феруль и Шмидт бродят повсюду и расспрашивают артиллеристов и пехотинцев, которым удалось вернуться с поля сражения: стрелки дивизии погибли в то время, как их сменяли. Все части остаются на передовых линиях около шести дней. Доставить туда провиант невозможно. Воды нехватает, солдаты изнывают от жажды. О двух батальонах, ушедших третьего дня, нет никаких известий. Падают снаряды. Тяжело раненые остаются лежать на поле сражения. Немцы производят ужасающие опустошения, забрасывая снарядами, а затем продвигаются вперед. Офицерам капитан дает смутные указания.

— Нам немного известно об участке, который мы должны занять напротив Во, недалеко от Данлунской батареи, пункта, который был бетонирован еще до войны. Сообщения передовых линий с тылом почти невозможны. Берегите сами и внушите своим людям, чтобы они берегли воду.

Как только придете на место, приспособьте для жилья воронки, вырытые снарядами. Обращайтесь бережно с механическими ружьями. Следует ожидать нового сильного наступления неприятеля. Нельзя уступать немцам ни одной пяди земли. Впрочем, наилучшая тактика — подойти вплотную к неприятелю для того, чтобы избежать артиллерийского обстрела, который, повидимому, достигает невероятной силы. Нужно принудить бошей сражаться гранатами, ружьями, штыками. Походное снаряжение: свернутые полотна палаток и одеяла надеть через плечо. Мешки останутся в казармах под охраной караульного. Сбор сегодня вечером в 8 часов.

XII

Для того чтобы достичь передовых позиций, им пришлось сделать громадный крюк. Они идут уже в течение нескольких часов и теперь вышли на лесную тропинку, по краям которой все время попадаются вырытые снарядами воронки, наполненные застоявшейся водой. Наконец они очутились у центра обстрела. Слыша сухое щелканье пулеметов, раскаты скрытых в кустах тяжелых орудий, они вздрагивают и со страхом прислушиваются к свисту снарядов. Их колонна идет гуськом, обходя овраги, в которых расставлены батареи. Разведчики передают сигналы пехоты, которая призывает на помощь артиллерию: заградительный огонь! Заградительный огонь! Канониры с засученными рукавами тащат снаряды. Они поддерживают адский огонь. Воздух наполняется грохотом.

Колонна останавливается.

— Вперед! Вперед!

Движение возобновляется, нужно бежать, пользуясь темнотой. Солдаты умолкли, и только, когда они спотыкаются или сталкиваются друг с другом, раздаются приглушенные проклятия. К ним доносятся шум проезжающих повозок, крики кучеров. Значит, по долине пролегает дорога? Потом слышится какой-то легкий шум и звон оружия. Не стягиваются ли сюда войска? Изрытая снарядами тропинка становится непроходимой, но вот видна дорога:

— Стой!

— Проходите, мы у Кабарэ Руж.

Солдаты опираются на бруствер. Как хорошо растянуться, раскинув руки и подставив лицо ветру, освежающему горящую кожу.

Кашевары тащат дымящиеся ведра.

— Еда, еда!

Снаряды падают совсем близко. В этом месте части встречают солдаты связи для того, чтобы проводить их на передовые позиции.

Кабарэ Руж. Темно. Ничего, кроме теней и криков. Какие ужасные преступления совершались здесь в зимние вечера, под завывание ветра? Сколько здесь было загублено солдат?

Ветер приносит смешанный запах серы, хлора и падали.

— Встать! Вперед!

Колонна уходит по погруженной в мрак дороге.

— Проходите: это дорога в Этэн.

Громадный вздутый труп лошади валяется на шоссе. Стоят приведенные в негодность походные кухни. Вот еще обезображенные трупы лошадей и мулов. Разбитые ящики из-под снарядов, опрокинутые грузовики, какие-то обломки, направо в канаве что-то чернеет. Человек?

Спящий? Мертвый? И над всем этим непрекращающиеся трагические, глухие стоны снарядов.

На склоне лежат три тела. Одно из них лишено головы.

Колонна оставляет дорогу и прямо по лесу направляется к фронту.

Когда взвивающиеся и освещающие обезображенные деревья ракеты падают, тени внезапно вырастают. Как будто какая-то неведомая сила подкарауливает на этой тропинке встревоженных солдат. Колонна проходит по небольшому холму, вдоль склонов которого видны силуэты разбитых снарядами деревьев.

— Вперед! Продвигайтесь по оврагу гимнастическим шагом.

Овраг, развороченный снарядами, дымящийся как кратер, лежит у их ног.

Жак, толкаемый товарищами, бросается вперед. Он скатывается вниз, попадает в яму, с большим трудом вылезает из нее и бросается прямо в грохот и огонь. Вокруг него как будто все разрывается. Он теряет чувство реальности.

— Эй! Ко мне!

Жак прыгает, как обезумевшее животное, которое в состоянии остановить одна только смерть.

Он падает в яму, тщетно старается ухватиться за осыпающуюся землю, выбирается наверх и бежит дальше. Наконец опасное место пройдено. Он выбирается на откос, спускается в коридор, где теснятся солдаты и, совершенно измученный, запыхавшись, при помощи локтей отвоевывает себе место.

— Первый взвод. Все налицо?

— Ранен маленький Дюбуа,—отвечает Дюкрок,— я видел, как он с криком бросился бежать.

Солдаты прижаты друг к другу. Их прерывистое дыхание смешивается. Жак подносит фляжку ко рту, но его останавливает резкий возглас Верну:

— Не подавайте скверных примеров, Феруль!

Какие нужны силы и мужество для того, чтобы оторвать от губ чудесное горлышко!

Все стремятся очутиться поскорее на месте. Передовые позиции кажутся им желанным убежищем. Снаряды ложатся рядом с полуразрушенным ходом, и солдат подгоняют стоны раненых. Тяжелый воздух наполняется отвратительным запахом гниющего мяса. Сквозь полотно палатки, в которой помещается санитарный пункт, пробивается луч света и освещает ужасное нагромождение сбитых в кучу трупов, залитых известью.

Проходит немного времени, и из-за вырываемых снарядами воронок становится трудно находить дорогу.

Ужасная картина! Мертвец выставляет свой рассеченный надвое череп, в котором не осталось мозга, как нищий — обрубок руки. Отдаленное шуршание заставляет отряд лечь на землю. Два страшных взрыва потрясают небо и землю. Раздаются крики. Вспыхнувшая немецкая ракета освещает бегущих по развороченной земле и обезумевших пехотинцев. Жак, не заботясь о том, следуют ли за ним его солдаты, гонится за своей убегающей тенью. Он различает свист пуль, значит — уже недалеко. Из одного окопа доносится шопот:

— Это 182-й?

— Да, сержант Феруль.

— Вам предоставляются четыре воронки, приспособленные для жилья. Поторопитесь! Немцы, вероятно, услышали нас.

Взвод располагается в этих слишком тесных норах.

— Тише, ради бога! Вы выдадите себя, и у нас не будет времени для того, чтобы обосноваться. Они не подозревают, что мы здесь.

— Где они?

— Здесь, совсем близко, за тем изуродованным деревом.

Почуяв, что пришла смена, неприятель стал непрерывно пускать ракеты. Раздается несколько выстрелов. Пригнувшиеся к земле силуэты склоняются еще больше.

— Торопитесь, торопитесь!

Жак, потерявший надежду увидать Верну, размещает своих людей по-двое, по-трое в каждой воронке. Сменяемые солдаты поспешно улепетывают. Беспокойство в неприятельских окопах возрастает, канонада продолжается.

— Поскорей! Поскорей!

Зеленые шары загораются по два зараз.

— Чорт возьми! Берегитесь! Сейчас они откроют огонь.

Теперь уже ничто не может удержать солдат, которых сменил отряд Феруля. Не отвечая на расспросы новоприбывших, они бегут, удирая от неприятельского огня. Начинается канонада. В ночной тьме неумолимые снаряды гонятся за солдатами. Жак забрался в углубление на дне воронки. Из-за полузакрытых ресниц он видит вспышки огня. Он закрыл руками голову, как ребенок, который боится наказания.

Начинает светать, когда выбившаяся из сил неприятельская артиллерия замолкает.

Жак перебегает от одной воронки к другой. Где второй полувзвод? Где Верну? Где капитан? 6-я рота занимает Данлунскую батарею. Де-Валерас в последний раз отдает распоряжение своим людям беречь воду и гранаты, ста-

раться не попадаться на глаза неприятелю, потому что каждая занятая нами позиция подвергается отчаянному обстрелу.

Светает! Теперь ясно виден холм, испещренный ямами, как язвами, и проходящая по нему линия окопов. Это гора Фор де Во. Направо, в глубине, вырисовывается несколько разрушенных домов — Данлун. От форта их отделяет глубокий обрыв. На одном склоне укрепились немцы. Грустный пустынный пейзаж прорезается вздымающимися к небу дымками. Жак, при помощи Бурдона, молодого парня призыва 1916 г., усердно работает лопатой. Снаряжение стесняет их движения, и ломота сводит поясницу. Но они продолжают рыть...

— Сержант! У меня глотка деревянеет.

Жак забрал у товарища флягу. В ней на двоих остается только около трех литров воды. Палящие лучи, падающие на эту бесплодную землю, не вызовут к жизни ни одного листка, ни одной травинки. Они только еще больше иссушат глотки солдат и докончат разложение трупов, в которых копошится бесчисленное количество червей.

— Попытайся заснуть, во сне тебя перестанет мучить жажда, я буду стоять на карауле.

Неприятельская артиллерия бомбардирует непрерывно тыл.

На позициях ничто не шелохнется, ничто не дышит. По обезображенным деревьям, черным и обнаженным, можно догадаться о том, что еще недавно здесь был густой лес.

Предметы снаряжения, всякие инструменты, испорченное оружие валяются вперемешку с изорванными шинелями и гниющими телами. Накренившийся крест охраняет все эти трупы.

*

Вот четыре дня, как они здесь ждут со страхом наступления вечера, когда немцы начинают осыпать их снарядами, открывают огонь из-за всяких пустяков: из-за какого-нибудь шума или просто из-за излишней нервозности часового.

Первые выстрелы вызывают ответ со стороны противника, и начинается головокружительная пляска снарядов. На батарее стреляют из старой пушки, которая дает каждый раз недолет, и которого пуалю поэтому боятся больше, чем огня всех немецких батарей.

На пятый день, после того, как нас засыпали целые вихри снарядов различных калибров, в то время как 150 и 210-миллиметровые снаряды разрывались в тылу, немцы выступили из своих траншей, как игрушечные плясуны, выскакивающие из своих ящичков.

Механические ружья выпускают все свои заряды. Дюкрок, засучив рукава, бросает гранаты, стараясь попасть в немецкие окопы, он предупреждает Феруля, что в него целятся два немца. Маленький Бурдон, который не понимает всей серьезности положения, подымается и стреляет в нападающих. Раненые бегут к своим позициям, преследуемые пулями. Внезапно падают в тридцати шагах 75-миллиметровые снаряды, и наши войска, в одно и то же время напуганные и обрадованные, снова пригибаются к земле, предоставляя артиллерии сломить натиск неприятеля. Там, где разрываются снаряды, подымается облако пыли и газа.

Атака немцев закончилась неудачей. Но наши солдаты, у которых не осталось больше гранат, бодрствуют всю ночь, следя за малейшим шумом и движением.

Агент связи наклоняется над каждым окопом и шепчет:

— Смена завтра. В одиннадцать часов вечера прибудет 3-й батальон. Сбор — в овраге. У входа в траншею.

Занимается заря, но в воздухе не чувствуется утренней прохлады. Безоблачное голубое небо предвещает знойный день. От ужасной жажды, усугубленной лихорадкой и волнением, язык прилипает к нёбу. Бурдон умоляет дать ему немного воды. Все фляги пусты. Растрескавшаяся почва тоже как будто изнывает от жажды, несмотря на то, что ее все время обильно поливают кровью.

— Сержант, я не могу больше. Я пойду обыщу трупы: не может быть, чтобы ни у кого из убитых не оказалось фляги.

Жак пытается разубедить его. Однако Бурдон, прижавшись к земле так, что почти сливается с ней, ползет, как червь, и исчезает за поворотом. Девять часов утра — еще тринадцать раз по шестидесяти минут придется провести на этом проклятом участке. Какая жара! Никто не шевелится. Можно подумать, что люди умерли или спят.

Жак дремлет, ему снится тяжелый мучительный сон, который он напрасно старается прогнать. Наконец он просыпается. Только двенадцать часов. Вот медленно возвращается Бурдон, волоча тяжелый бидон. Осмелев от того, что неприятель не обращает на него внимания, он немного приподымается и бежит на четвереньках. Еще десять шагов. Раздается взрыв. Осторожно! Осколки снарядов и пули засыпают несчастного. Жак поглубже прячется в нишу. Но что будет с маленьким Бурдоном? Если он приподымется, то в него попадет пуля; если останется лежать на земле — он погибнет от осколков снарядов. Вдруг раздается продолжительный отчаянный вопль, от которого у Жака кровь застывает в жилах. Рискуя жизнью, Жак высовывает голову. Снаряд разорвался у самой головы Бурдона.

Он опирается на руки, его лицо превратилось в сплошную кровоточащую рану, глаза закрыты. Ослепший, обезумевший от боли, несчастный подымается на ноги, руки его опущены, с них стекает кровь; испуская нечленораздельные крики, он идет по направлению к неприятелю, подставляя под удар свое превратившееся в окровавленную кашу тело. Окаменевший от ужаса Жак не может его остановить. Его пугает это растерзанное лицо, с черной большой дырой посредине. Раненый продолжает подвигаться вперед. Оцепенелые, быть может, охваченные жалостью, немцы прекратили огонь. Бурдон все идет, спотыкаясь на каждом шагу, земля жадно пьет его кровь. Крики становятся слабее. Несчастный падает, подымается, снова падает, наконец исчезает из виду, и стоны его постепенно затихают. Вот лежит бидон, орошенный кровью, бидон, который он так великодушно нес своему сержанту и из-за которого ему, вероятно, придется поплатиться жизнью. Жак остается один, потрясенный ужасом этой картины.

*

Одиннадцать часов вечера. Осыпаемые градом снарядов, они как сумасшедшие бежали вперед, топча трупы, но им не удалось добежать до линии окопов. Унтер-офицеры производят перекличку, солдаты отвечают весело: «Здесь!» или: «Такой-то бежал рядом со мной, и я видел, как он упал», или: «Он остался там».

— Что мы предпринимаем? Куда направляемся? Нас сменяют?

— Нет еще! Мы будем в резерве, там в туннеле.

Осунувшийся капитан идет впереди. Траншейный коридор сравнительно защищен, но самый вход в него, расположенный между высоких насыпей, чрезвычайно опа-

сен. Необходимо пройти пятнадцать метров по открытому месту, усеянному обломками камня и трупами, служащими целью снарядам.

— Феруль, твоя очередь.

С бьющимся сердцем, Жак напрягает все свое мужество и делает последнее усилие. Но каждый раз, как он хочет броситься вперед, у самого основания насыпи разрываются снаряды.

— Скорей!.. Ничего не поделаешь, при следующем взрыве придется прыгать.

Снова раздается взрыв. Несколько секунд... Жак, сломя голову, бросается в облако дыма и приходит в себя, очутившись только по другую сторону насыпи. Перед ним открывается сырой и холодный, как могила, коридор, слабо освещенный мигающими фонарями. Налево, у входа, находится санитарный пункт, а дальше — полутьма, откуда доносится какой-то отвратительный запах. Жак жадно хватает флягу, которую ему протягивает ординарец, и залпом выпивает ее содержимое.

— Вперед, вперед!.. Налево.

На жидкую грязь положены доски, но все же измученные люди увязают в этой грязи и не решаются лечь. Конец коридора теряется в темноте, прорезываемой тусклым светом фонарей. Здесь можно встретить всех: солдат территориальных и инженерных частей, санитаров. Солдаты, склонившись у стены, удовлетворяют здесь свои естественные потребности... В этой траншее, служащей защитой от снарядов, скопились тысячи человек. И отвратительная грязь, в которой они топчутся и на которую они, сломленные усталостью, по всей вероятности, улягутся, состоит из мочи, экскрементов и стекающей со стен воды. К ужасным испарениям этой клоаки примешивается за-

пах медикаментов. Но как-никак траншея служит некоторой защитой, и земля заглушает грохот орудий. Кашевары достают хлеб. Жак, утомленный, в первый раз за шесть дней чувствует приступ голода. Ужасающая грязь попадает на хлеб, и экскременты попадают ему в рот. Жак пьет, но вино не может уничтожить отвратительного вкуса... Нет! Это слишком! Отвращение, отчаяние еще усугубляют усталость, и для того чтобы дать отдых ноющим ногам, он опирается на штык, воткнутый в стену. Какой ужас! Какое падение! Эта темная траншея, являющаяся преддверием смерти, эта зачумленная пещера, где укрылись от опасности изможденные люди, вызывает страшные видения: чудится, что извиваются в муках грешники. Солдаты территориальных частей, склонившись под тяжестью ящиков со снарядами, рассказывают, что Данлунская батарея перешла в руки неприятеля.

— Данлунская батарея? Ты мелешь ерунду! Мы ведь теперь наступаем, и фрицам не так-то скоро удастся ее занять.

Дюкрок волнуется:

—А где же суп, водка, вино? Стоило после этого забираться сюда. Эти черти думают только о том, чтобы набивать себе карманы, но со мной это не пройдет. Не мешало бы им позаботиться о соломе, ведь не станем же мы ложиться в...

Феруль и Шмидт бродят около санитарного пункта. До них доносятся стоны раненых. Наверху канонада продолжает усиливаться. Из барака, где помещается штаб, слышится гневный голос:

— Мне нужна рота для охраны окопов.

Друзья прислушиваются. В чем дело? Но выглянувший в это время офицер генерального штаба прогоняет их:

— Отойдите!

Собравшиеся в кучку солдаты рассказывают свои впечатления о бое, причем эти впечатления очень часто совершенно противоречивы. Пулеметчики подвозят пулеметы и устанавливают их у входа в траншею.

— Это на случай, если батарея будет взята.

— Прикуси себе язык! Побереги свои силы: не стоит так утомлять себя такими выдумками.

Однако печальная весть, приправленная бранью и проклятиями, быстро распространяется между солдатами. Но когда появился капитан, бледный, с искаженным лицом, все сразу поняли в чем дело и замолчали.

— Смирно!

Кажется, что если бы не доносящаяся канонада, можно было бы услышать биение сердец под грязными шинелями. Жака охватывает дрожь, которую он не в состоянии сдержать.

— Наполните фляги. Сейчас вам выдадут ручные гранаты. Немцы атаковали только что часть, шедшую нам на смену. 11-я и 12-я роты, застигнутые врасплох, были взяты в плен. 6-я, узнав о происшедшем, пошла им на помощь,— но что из этого вышло, пока неизвестно. Известно только, что мы начнем контр-атаку не позже сегодняшнего вечера, а может быть, и сейчас. Будьте готовы выступить по первому сигналу.

Солдаты взваливают на плечи свое снаряжение. По тунелю проходят раненые, солдаты пристают к ним с расспросами о ходе сражения.

— Сплошной ужас! Вы направляетесь туда? Да, вам можно позавидовать. И каких только орудий там нет! Я никогда еще не видел ничего подобного. Нашим приходится чертовски скверно. Воронки полны раненых.

Несмотря на все эти новости, солдаты не теряют еще надежды. Если контр-атака, предпринятая 6-й ротой, увенчается успехом, наша помощь, быть может, и не понадобится. Но пессимисты придерживаются другого мнения: что бы там ни произошло, нам все равно придется их сметить; первый батальон находится на передовой линии, а нретий потерял две роты, следовательно, остаемся только мы.

*

5-я рота остается в траншее до полудня, затем, воспользовавшись коротким затишьем, она подымается и останавливается у спуска в овраг, там, где раньше была расположена артиллерия. Шестая рота добилась некоторого успеха, но понесла при этом значительные потери

8-я и 5-я роты должны будут выступить в 11 часов вечера.

Взвод Феруля расположился в одном из окопов. Солдаты мечтают, усевшись в кружок. Легко раненый Верну эвакуирован. Никто не будет скучать по нем. Его заменил молодой лейтенант Рамо.

— Крышка нам! Как бы мне хотелось, чтобы поскорее прошли эти 24 часа, Феруль! Все равно, погибнем ли мы или останемся в живых.

Чтобы не слышать грохота пушек, Жак затыкает уши. Лицо его обросло длинной бородой, глаза лихорадочно блестят, щеки его покрыты потом, смешанным с грязью. Все его существо содрогается, когда он думает о том, что товарищи будут топтать его труп, что тело его будет искрошено снарядами, изъедено червями и будет распространять тот невыносимый запах, которым, как ему кажется, пропитана уже его одежда. «Но я ведь не хочу умирать, не хочу умереть такой смертью!»

Он выходит из окопа. К стенке окопа прислонена винтовка. Жак берет ее в руки и начинает рассматривать. Затвор действует. Она заряжена. Жак с нежностью глядит на нее... А что если... в руку или ногу?.. Но что будет, если его поймают? Ну, это не так страшно, под Верденом за этим не так зорко следят; да и кроме того, шальные пули так часто залетают в окопы. Ружье, которое он держит в руках, может его спасти, а потом: белый госпиталь, санитары, родной дом, освобождение и, следовательно, конец войны...

Тяжелая рука опускается ему на плечо: «Что ты здесь делаешь, чорт возьми?»

— Ах, это ты, Жорж!

— Что с тобой? На тебе лица нет.

— Мне все надоело.

— Вот так новость!

— Нет, мой милый, хватит. Кончено. Мы все сложим свои головы. Между нами говоря, знаешь, Бланшару повезло.

— Можешь быть уверен, что мы сложим свои головы. Быть может, не на этот раз, но мы ничего не потеряем, если будем ждать. Я, видишь ли, иду в бой с этой мыслью, я освоился с ней. Поэтому у меня нет больше оснований бояться, и вот чем объясняется мое мужество и хорошее настроение.

Жак не согласен:

— Издохнуть без всякой помощи, чувствовать, как черви ползают в твоей ране.

— А револьвер не в счет?

Они входят в окоп, и Шмидт дружески говорит:

—Не дурное дельце эта контр-атака, милый лейтенант. Еще несколько часов, и последняя рота нашего полка будет уничтожена, и нам, несомненно, придется итти на смену. Ничего лучше и во сне присниться не может.

XIII

Они выступают, нагруженные сумками, наполненными гранатами. Ломаная линия окопов вырисовывается в темноте. В полном молчании все четыре взвода выстраиваются колонной. Остановка. Без пяти минут одиннадцать. Ровно в одиннадцать часов 75-миллиметровые снаряды начнут пляску, контр-атака будет происходить под прикрытием их огня.

Приближается высокая фигура де-Валераса. Он говорит тихим голосом: «Держите гранаты наготове», потом громко дает сигнал:

«Вперед!»

Кажется, что 75-миллиметровые снаряды гонятся один за другим; трещат гранаты, вспышки света прорезают мрак. Вперед! вперед!

Пули издают пронзительный свист. Люди падают. Земля впереди окопов покрывается трупами. Вперед! Вперед!

Не медля ни минуты, неприятель открывает заградительный огонь. Показывается пламя. Слышны крики:

«Эй, ко мне! На помощь!..» Ракеты освещают убегающие тени. Вперед! Жак, как животное, бросается вперед, с опущенной головой, размахивая гранатами, которые затем бросает прямо перед собой.

Внезапно он замечает, что он один. Где остальные? Неужели уже конец? Им овладевает страх. Он колеблется... Прыгает в черную яму и, чтобы немного приободрить себя, бросает на-авось оставшиеся у него в руках гранаты. Рота, вместе с другими частями, находится на передовой линии.

Бомбардировка все еще продолжается. Пулемет Во стреляет без передышки. Жак тихо зовет:

— Седьмая рота!

Ему отвечает заглушенный голос Дюкрока:

— Это ты, Феруль?

— Как нам быть?..

— Иди сюда... ты зашел слишком далеко. Остальные несколько отстали. Рамо убит. Да, да, немало наших погибло здесь. Давай окопаемся.

В двух шагах от них разрывается немецкая граната.

— Ты видишь! Я говорил тебе, что нужно окопаться.

Они отходят назад на несколько метров. Снова раздается взрыв. Ползая на четвереньках, они разыскивают своих товарищей, спрятавшихся в воронке. Дюкрок находит Вержикса. Жак спустился в глубокую воронку, в которой устроились два солдата 8-й роты.

—За дело! Давайте рыть!

Оба солдата, совершенно одуревшие, не хотят ничего делать, и Жаку, решившему до конца защищать свою жизнь, приходится работать одному, преодолевая усталость.

Начинающийся день освещает покрытую трупами равнину. Огромные снаряды разрываются совсем близко. Вздымаются клубы дыма, и изредка можно увидеть, как мелькают в воздухе подхваченные силой взрыва обрывки шинелей; попадающие в трупы снаряды ускоряют разложение. Ворох окровавленного мяса падает на Жака, и он далеко отбрасывает лопатой эти человеческие остатки, запачкавшие его шинель. Пламя! Гром! В груди как будто что-то оборвалось: Жак лежит неподвижно, боясь обнаружить, что ранен.

К нему возвращается сознание. Дым медленно рассеивается. Снаряд упал прямо в их воронку. Жак поворачивает голову, вытягивает осторожно руки и ноги: «Нет, я не ранен». Оба его товарища распростерты у его ног. У одного из них, уже мертвого, вываливаются внутренности,

другой, пытаясь освободиться от придавившего его мертвого тела, отчаянно ворочает выпученными глазами: его левая нога раздроблена, и на шинели появляется красное, все увеличивающееся пятно. Он смотрит на Жака с немым вопросом, немой мольбой и последним бессознательным, предшествующим концу жестом расстегивает брюки и умирает, испуская мочу на зияющую рану товарища. Потрясенный Жак бежит от этого ужасного зрелища. Он ищет под пулями другого убежища. Но все воронки завалены мертвецами. Он видит трупы, черты которых искажены мучительной агонией, видит спокойные лица тех, кого смерть застигла неожиданно, тела убитых вчера, трупы, лежащие уже несколько дней, восковые или черные трупы, превратившиеся в кашу, изъеденные червями, усеянные мухами.

Кто-то окликает его: «Феруль, капитан зовет тебя к себе в окоп. Тебя считали убитым. Будь осторожен: здесь опасное место».—Жак подвигается вперед и спускается в полуразрушенный окоп. Де-Валерас занимает небольшое помещение, он теперь командует всеми частями, находящимися на этом участке.

— Феруль, поручаю вам немедленно организовать защиту траншей. На наши передовые линии нельзя больше рассчитывать. Наш наличный состав убывает, и через несколько часов в моем распоряжении не останется никого. Здесь собралось несколько уцелевших солдат различных частей, имеется неповрежденный пулемет, который нужно тотчас же привести в боевую готовность. Следите сами через Северное отверстие за всеми движениями войск в районе форта де-Во для того, чтобы можно было во время открыть стрельбу.

Жак приказал почистить орудие и, ступая по распростертым телам, подошел к пробитому слуховому окну. Пули

рикошетом падают на камни, и Жак пригибает голову, склоняясь над трупами.

Направо видны изорванные клочья шинелей, которые издают запах гниения. Перевязанные наспех раненые толпятся в ожидании затишья. Но когда они, дождавшись его, уходят, многие из них падают, сраженные пулями. Окружающие Жака солдаты угрюмы и молчаливы. Цементированный навес, находящийся над соседним окопом, погнулся под повторяющимися ударами снарядов и навис на расстоянии метра от пола. Его железная арматура пока еще держится. Из темной глубины доносятся стоны, гневные возгласы, мольбы о помощи. Тяжело раненые собраны под этим вогнутым сводом. Между ними есть солдаты других полков. Некоторые из них уже восемь дней ожидают прибытия санитаров, которые не могут притти из-за непрекращающегося огня. Того, кто умирает, оттаскивают за ноги и на его место кладут другого товарища, который, умирая, уступает место следующему. Один из раненых узнал Феруля Это Раддон, товарищ по сборному пункту набора 1915 г. Жак подходит к нему и протягивает флягу:

— Вот вода, пей.

— О, благодарю. Послушай, увези меня сегодня вечером, у меня раздроблены ноги, но это ничего, ты меня понесешь на спине, я буду терпелив...

Окоп наполняется запахом экскрементов и гниющего мяса. Все лежащие рядом с Раддоном устремляют горящие лихорадочным блеском глаза на заветную флягу.

Жак подходит к каждому из этих ожидающих смерти людей и протягивает флягу. Снаряды продолжают падать, подымая целые столбы пыли и мелкого щебня. Солдаты, несущие службу связи, не в состоянии больше выносить этого. Им бесчисленное количество раз пришлось пересечь

совершенно открытый участок перед окопом для получения всякого рода сведений, и каждый раз, возвращаясь, они приносят все новые списки убитых.

Какой-то солдат, только что пришедший с поля сражения, бежит по направлению к Красному кресту. У него подгибаются колени, грудь выпячена, голова откинута, и руки протянуты вперед. Он ужасно бледен. Маленькая струйка крови течет из его ноздрей, окрашивает его губы. Он похож на трагического Пьеро, но вместо белил — смертельная бледность, вместо румян — кровь. В его застывшем от ужаса взгляде сквозит нечто неуловимое, и люди отступают, давая ему дорогу.

Они отступают перед ним инстинктивно, не отдавая себе в том отчета, как перед ужасным видением. Но у самого входа в окоп солдат падает и остается неподвижным. К нему подходят и склоняются над ним. Его тело потеряло упругость, сердце перестало биться. Этот человек, который еще только что бежал, спотыкаясь на каждом шагу, был уже трупом, и теперь только становится понятно, что так поразило тех, кто видел эти вопрошающие, широко раскрытые глаза — в них была смерть. Живой мертвец шел к ним, и их заставил содрогнуться его таинственный грозный взгляд, взгляд, отражающий бездну небытия.

Наличный состав отряда таял с каждым часом: из двухсот человек осталось сто, потом восемьдесят, затем пятьдесят. Теперь их осталось, вероятно, человек тридцать, отчаянно цепляющихся за этот небольшой четырехугольник.

Никто из тех, кого посылали в траншею, не вернулся обратно. Добежал ли кто-нибудь из них? Неприятель, по-видимому, решил во что бы то ни стало отбить занятую нами позицию, потому что все время не прекращается бомбардировка.

Раненые стонут. Капитан 6-й роты, глаза которого вылезли на лоб, обращается к Ферулю:

— Заставьте их замолчать. Из-за них нас заметят.

Жак пытается убедить несчастных, но они никак не могут сдержать стонов. Офицер возвращается и кричит в ярости:

— Эй вы, раненые, заткните свои глотки, и вы, Феруль, прикажите, чтобы было тихо! Если боши услышат эти стоны, мы погибли. Я пристрелю того, кто посмеет стонать.—И он угрожающе подымает револьвер.

Жак грустно смотрит на него, держа руку на пистолете, готовый даже ценой убийства не допустить этого безумия. В воронках под палящими лучами июльского солнца страдают, хрипят, умирают солдаты.

*

Смена! Всякий солдат, к которому подойдет стрелок, сможет считать себя смененным и сможет возвратиться в траншею. Жак собирает остатки своего взвода, семь солдат, устроившихся в полуразрушенном опустевшем окопе. Пусть они идут поскорее! Только бы они пришли. Спрятавшись за выступом стены, они внезапно замечают во мраке, который стараются пронзить тревожными взглядами, черные тени стрелков.

— Я пойду впереди, следуйте за мной, не останавливаясь, горе тому, кто будет медлить.

Раздавшийся поблизости взрыв заставляет их лечь наземлю и окатывает их с ног до головы грязью. Поднявшись они, сломя голову, бросаются вперед по совершенно изрытой снарядами дороге. Они больше не чувствуют усталости. Бегут. Вокруг свистят пули. При каждом взрыве они скрываются вглубь воронок, затем отходят, выбираются

из них, цепляясь наболевшими пальцами за осыпавшуюся землю. В них ничего не осталось, кроме желания во что бы то ни стало уйти, спастись. Все остальное отошло на задний план. Они движутся, сами не зная как. Они уже отчаялись, думая, что умирают, но вот перед их воспаленными глазами снова заискрилась надежда. Раненые с мольбой протягивают к ним руки, мертвые как будто хотят преградить дорогу; они каждую минуту рискуют налететь на колючую проволоку, жадная смерть старается удержать свою добычу...

Но эта вырывающаяся добыча продолжает бежать. Сердца солдат отчаянно бьются, в их мозгу одна мысль — бежать, бежать. Они падают, подымаются, снова падают, каждый раз находят в себе все новые силы. В овраге их поджидают предательские газы, но они об этом не думают, они бегут.

*

Они остановились в Гудэнвиле. Жак в полном изнеможении свалился на солому. Он спит, как животное, его мучат ужасные кровавые кошмары.

Артиллерийский офицер Фернан Феруль, часть которого находилась на Верденском фронте, тщетно искал с утра остатки дивизии, в которой служит его брат. Он узнал, что полк расположен в Гудэнвиле. Отправившись туда, он стал расспрашивать солдат.

— Не знаете ли вы сержанта Феруля из 5-й роты? Он здесь? Не ранен? Где находится 5-я рота?

— Феруль? Он здесь.

Братья бросаются друг другу в объятия. Фернан смотрит на Жака: как он похудел, как ввалились его глаза, лицо обросло длинной бородой, руки не перестают дрожать!

Он грязен, шинель изорвана, забрызгана кровью, покрыта толстым слоем пыли. Лицо его заострилось, и на нем лежит печать страдания, избороздившего его глубокими морщинами, плечи согнулись под тяжестью бесконечной усталости, голос надтреснут, и в его взгляде отражается мрачный ужас ада.

Фернан Феруль с любовью глядит на своего брата, своего любимого брата, и слезы текут по его щекам. Они обнялись еще раз.

— Не плачь, ведь я жив!

— Пойдем, я возьму тебя с собой. Пойдем попросим у капитана отпуск.

Фернан берет под руку своего брата, и они уходят. Жак шел мелкими шагами, спотыкаясь, в изнеможении волоча свое истомленное, истерзанное тело. Он был похож на сошедшего с креста мученика, который возложил на свои плечи и тащит за собой тяжелый громадный крест...

XIV

14 июля 1916 г. — Национальный праздник принес солдатам традиционные блага: четверть вина, бутылку шампанского на шестерых, бисквиты, сигары. Празднество это, как обычно, сопровождалось попойкой, для которой покупали водку.

Феруль и Шмидт разглядывают витрины магазинов, где вперемежку лежат всякие мелочи: открытки, точильные камни, военные кресты, швейцарские ножи, писчая бумага и карманные фонари...

Маленький город, в который бежали жители Вердена, разукрасился по-праздничному. Толпа наполняет улицы, убранные флагами и эмблемами. Штатские и военные

стремятся попасть на площадь, где полковой оркестр дает концерт.

...Потому что наши сердца устремились
одно к другому...

Эта нежная песенка трогает Жака и пробуждает в нем сентиментальную грусть, которой он покорно отдается. Его охватывает тоска, которая доставляет ему какое-то сладострастное наслаждение.

Молодые девушки прогуливаются в сопровождении своих родителей, проходят женщины под руку со своими мужьями или возлюбленными. Почему же он, Жак, такой молодой и сильный, лишен женской привязанности? Он чувствует в себе прилив невыразимой нежности. Как бы он хотел любить! Любить не физически, а почти целомудренно, целиком наслаждаясь очаровательной свежестью невинных любовных забав, как выздоравливающий наслаждается своим возвращающимся здоровьем. Его тело и дух еще омрачены страданиями прошлого, и ему хотелось бы быть совсем маленьким, убаюкиваемым песней матери, находиться вблизи любимой женщины, от которой он не требовал бы ничего, кроме возможности ее любить и встречать ее нежный взгляд. Музыка снова возвращается к прежнему мотиву, и в нем снова звучат ласкающие, обещающие слова:

Потому что наши сердца устремились
одно к другому, соединим их...

— Эх! Какая глупость. Мы живем, как животные. Все нам запрещено, все нам чуждо. Мы даже не пользуемся больше престижем бойцов: уж слишком долго тянется эта война... И нас слишком много. Эти молодые девушки, которые прогуливаются здесь, свежие и смеющиеся, не для нас. Они слишком честны или, быть может, слишком рассудительны для того, чтобы отдаться кому-либо из нас.

Они прекрасно знают, что мы скоро уйдем, исчезнем из их поля зрения и пропадем навсегда в яростном приливе наступления. Они знают, что у нас нет средств, чтобы баловать их, мы можем дарить только нежность, и все наше богатство состоит из переполненного любовью сердца. В лучшем случае они будут иметь от нас ребенка, но этим их соблазнить нельзя.

Жак уходит один, оставив своего друга с товарищами. Небо ослепительно, солнце нагревает пороги домов, но этот свет и тепло излучаются не для того, чтобы всем принести счастье. Они как бы бросают вызов его тоске, и для того, чтобы бежать от них, Жак прячется на сеновале. На соломе валяются еще остатки обеда, какой-то пьяный солдат храпит, растянувшись на полу; спертый воздух слишком низкого помещения наполнен запахом брожения. Жак садится на свой мешок. Боже! Какой непривлекательной и безобразной представляется ему жизнь и каким мрачным и грозным — будущее. Ничто не освещает его существования, и грустная цепь грядущих дней не предвещает ничего хорошего. Что-то тяжелое сдавило его грудь. Он даже не может плакать, потому что слезы появляются только тогда, когда страдание начинает таять, у Жака же сейчас нет ничего, кроме грусти и отвращения. Он не слышит доносящихся снизу грубых шуток, смеха и криков. Он сидит оцепенелый, с потерянным взглядом, согнувшись под гнетущей тяжестью, давящей его больше, чем мешок в конце самых длинных переходов.

*

— Меня одолевает тоска.

— Почему?

— Не знаю, в хорошую погоду мне тоскливо. Идет

дождь, — меня опять-таки мучает тоска. Когда нет писем — тоска, когда я получаю письма — они тоже навевают на меня тоску.

— Брось это, Жак, нужно встряхнуться. Говорят, что у нас появились две девочки, две хорошенькие девчонки — парижанки. Говорят, что с ними не трудно познакомиться. Пойдем поухаживаем за ними. Согласен? Только не говори никому ни слова, потому что неприятно будет ввалиться туда гурьбой, — итак, сегодня после ужина пойдем.

Они побрились и надели новые ботинки. До Ситтера семь километров. Ну что же: семь километров — это совсем немного для солдат, охваченных любовным возбуждением. Да и, кроме того, дорога очень приятная: ее окаймляют благоухающие леса, и кое-где виднеются прячущиеся в фруктовых садах домики.

— У них галантерейная лавочка на краю деревни. Самое главное — это уметь проникнуть в находящуюся за лавкой комнату, в которую допускаются только очень близкие знакомые. Но можешь быть спокоен, я это устрою.

Жак и Жорж теперь более возбуждены, чем в траншеях во время бомбардировок. К ним подходит кокетливая, улыбающаяся барышня. Шмидт толкает локтем своего товарища и, выбирая галстук, просит разрешения примерить его. Подойдя к зеркалу, он запинаясь спрашивает:

— Вы, вероятно, из Парижа?

— Вы думаете?

— Конечно. Вы никогда не убедите меня в том, что вы родились здесь.

— Почему?

Набравшись храбрости, Жак говорит лирическим тоном:

— Почему? Но ведь это видно по вашим глазам, по вашей улыбке, голосу и даже по вашему прелестному передничку.

Шмидт поддерживает его:

— Да, конечно, местные жительницы до того неинтересны, до того безвкусно одеваются... По вашим ногам можно угадать, что вы парижанка.

Вошедший в азарт Жак покупает галстук и шесть новых платков. Они продолжают разговаривать:

— Как вас зовут? Вы, должно быть, умираете от скуки в этой дыре? Вы здесь одна? О, простите меня за нескромность.

— Пожалуйста. Я снимаю этот магазин вместе со старшей сестрой.

— Не познакомите ли вы нас с ней?

Входит сестра, она, пожалуй, еще очаровательней: двадцать пять лет, немного подкрашенная, обольстительная, смелая.

— Было бы необычайно мило и любезно с вашей стороны, если бы вы приготовили нам хорошего кофе. Ведь нет никакой возможности пить тот кофе, который здесь подают.

Они соглашаются. Друзья проходят в комнату, о которой уже было говорено раньше. Она оказалась узкой и темной. Обе женщины живут одни, мать их умерла; что касается отца, то он мобилизован и служит в территориальном полку.

К кофе подают ликер и папиросы; знакомство заключено, и лед сломлен. Шмидт выбрал для себя старшую, Мадлен; Феруль уселся возле младшей — Сюзанны. Друзья тайком обмениваются взглядами, как заговорщики; да, это недурно обделано. Чтобы придать себе важности в глазах новых знакомых, оба бесстыдно лгут. В мирное время Жорж отдавал очень много времени делу своего отца, которое

в будущем перейдет к нему. Что касается Жака, папенькиного сынка, то он еще не решил, какую ему выбрать профессию. Их дивизия находится сейчас в этих краях на отдыхе и простоит здесь еще несколько недель. А затем, когда их отправят, они будут помнить Сюзанну и Мадлену, будут обмениваться с ними письмами. Решено? Какой сюрприз эта неожиданная встреча!

— Отпразднуем это счастливое событие. Нет ли у вас шампанского?

— Для вас, конечно. Разрешите угостить вас бисквитами, господа.

— О, мадемуазель, предоставьте это удовольствие нам.

— Нет, нет, дессерт — это наше дело. Право, можно это сделать для пуалю, прибывших из Вердена.

Они опорожняют бокалы и закусывают печеньем. Феруль угощает английскими папиросами, и все четверо курят, придвинув стулья. Шмидт положил руку на спинку стула своей соседки, и рука его почти касается ее талии; затем он вызывается проводить Мадлену в погреб, когда она спускается за новыми бутылками. Жак, оставшийся наедине с Сюзанной, внезапно чувствует себя очень смущенным. Ему кажется, что по его глазам видно, как он взволнован. Он понимает, что наступил момент, когда нужно действовать, и что Сюзанна этого ожидает. Но он не смеет, не знает, с чего начать. Он смеется, как дурак. Однако его рука сжимает руку Сюзанны.

— Вы очень милы.

Но внезапно возвращается Жорж. У него веселое выражение лица и горящие глаза.

— Вы вероятно, — говорит ему маленькая Сюзанна — натворили немало глупостей?

— Никто не мешает вам последовать нашему примеру.

Послушавшись этого совета, Жак и Сюзанна поцеловались в губы. Несколько неловкий Жак скорее получает поцелуй, чем целует сам.

Первый шаг сделан; потеряв голову, Жак покрывает поцелуями затылок Сюзанны и ее надушенные волосы. Он совершенно пьянеет от любви и шампанского.

Шмидт говорит Мадлене о своих чувствах, и она, поджав ноги, с трудом отбивается от его атак.

Раздавшийся звонок спасает Мадлену от поползновений нетерпеливого поклонника.

— Не беспокойтесь, это друзья.

Двое молодцов в форме инженерных войск запросто вваливаются в комнату и располагаются, сердечно встреченные хозяйками дома. На мгновение воцаряется несколько смущенное молчание. Но новоприбывшие чувствуют себя очень свободно и рассказывают истории, которые чрезвычайно заинтересовывают дам. Они знают по именам всех, о ком идет речь. Оба друга почувствовали, что отошли на второй план. Шмидт много раз пытается ввязаться в разговор, но это ему не удается, потому что один из пришедших, Бебер говорит очень громко и бесконечно долго. Приносят третью бутылку и еще два бокала. Чокаются. Бебер — молодец, который не даст себя затереть. Начальники дрожат перед ним, он ведет их на поводу, насмехается над ними и устраивает им всякие пакости.

Обе женщины хохочут, как сумасшедшие.

Потом начинает говорить Шарло. Становится поздно.

— Неужели они никогда не уберутся, окаянные? — бормочет Шмидт.

У них совсем не такой вид, как если бы они собирались уходить. Ну, что ж, увидим, кто кого пересидит.

— Еще бутылку, — заказывает взбешенный Шмидт, и он начинает так усердно пить, словно каждый новый глоток еще больше возбуждает его жажду.

Табачный дым все больше и больше наполняет комнату. Жак видит как сквозь туман лица присутствующих. Он чувствует себя хорошо, несмотря на присутствие развязного Бебера, и охотно остался бы здесь всю ночь, не переставая курить.

— Дайте, пожалуйста, еще вина.

— Это последняя бутылка, господа, надо быть благоразумными. Нужно закрывать.

Они обороняются, упорно желая сохранить за собой позиции и дождаться ухода соперников.

— Да, да, нужно собираться. Если подойдут жандармы, не поздоровится ни вам, ни нам.

Против этого ничего нельзя возразить. Они допивают свои бокалы и подымаются, нетвердо держась на ногах.

— Сколько мы вам должны?

— Два кофе — два франка, четыре сигары «Бепе» — десять франков и пять бутылок по пятнадцати — значит, два, двенадцать, семьдесят пять, восемьдесят девять франков.

Для того чтобы уплатить, им приходится обоим вынуть кошельки.

— Заходите к нам, господа. Очень рады были с вами познакомиться.

В довершение неудачи они принуждены были пожать руки Шарло и Беберу, который свысока простился с ними.

Когда они вышли из освещенной комнаты, ночь показалась им еще более темной. Они делают несколько шагов, не произнося ни слова, потом Шмидт разражается:

— Ах, эти девки, и провели же они нас. Этого следовало ожидать. Ах, мерзавки, я готов лопнуть, а ты?

— Я тоже. Нужно будет снова пойти к ним в один из ближайших вечеров.

— Нет, что ты? Я не желаю кормить этих девок. Для того, чтобы они после еще послали меня к чорту. Если тебе хочется, можешь пойти туда один, с тебя этого станется.

Они идут не совсем уверенным шагом, спотыкаясь о камни.

— Это ты виноват.

— Я виноват? Я виноват в том, что они мерзавки? Молчи!

Жак проводит рукой по своему влажному лбу.

— Хуже всего, что придется тащиться пешком эти семь километров. Не лучше ли нам обождать повозки?

— В это время? Ослеп ты, что ли? Знаешь ли ты, по крайней мере, что меня больше всего возмущает? Это то, что мы очистили поле для их любовников. Думай что хочешь, Жак. Я уверен, что те наслаждаются, а мы остались в дураках. Ты понимаешь, я совершенно не желаю служить ширмой.

— Выругали бы мы их, по крайней мере.

— Знаешь, если это тебе может служить утешением, подумай о том, что Бебер и Шарло ласкают этих девчонок в то время, как мы принуждены ласкать мостовую. Ну, танцор!

— Противный алкоголь. Никак не могу его переварить.

Отвыкший от вина Жак, который, кроме того, еще очень устал, отдает себе только теперь отчет в том, что он пьян. Голова его отяжелела и кружится. Непреодолимый позыв к рвоте заставляет его остановиться и наклонить голову, опираясь рукой о телеграфный столб. Вино потоками выливается из его рта, оставляя привкус бенедиктина.

— Ну, как, лучше стало?

Они снова под руку отправляются в путь; Шмидт поет во всю глотку. Жак стонет и икает. Он чувствует ужасную тяжесть в желудке, но, несмотря на все усилия, ему не удается вызвать рвоту.

— У меня болит голова, если бы ты знал, как у меня трещит голова!

— Правда, там было очень жарко и душно. И потом, ты слишком много курил!

— Я все равно не дойду, пусти, я лягу здесь на земле. Обессиленный Жак чувствует сейчас одно лишь непреодолимое желание: растянуться в траве на краю дороги.

Но его товарищ, который не потерял еще способности рассуждать, не оставляет его, поддерживает, утешает.

Теперь у него начинается горькая и кислая отрыжка. Его новый галстук весь испачкан. Цветными маленькими такими красивыми носовыми платками он вытирает свой испачканный подбородок.

Да! Вот так история! Эти девки лишили его иллюзий и денег. Теперь у него не осталось ничего, кроме стыда перед самим собой, отчаянной головной боли, тошноты и необходимости шагать по этой бесконечной дороге.

XV

Вдали гремят пушки: глухой и непрекращающийся шум, который с наступлением сумерек становится слышнее. Война продолжается без жалости и без передышки. После Шампани — Верден; после Вердена — Сомма. А что после Соммы? Другие наступления, сопряженные с еще большими потерями, с еще большими трудностями... И оставшиеся в живых после последнего боя идут в следующий с беспокойной душой, с сжатым сердцем; раненые тоже не избе-

гают этой участи, и они также возвращаются на передовые позиции, с плохо закрывшимися ранами, с едва сросшимися болезненными швами. Пока у вас целы обе ноги, обе руки и оба легких, вас все снова и снова будут гнать на бойню, восхвалять в газетах и книгах и в то же время мучить и причинять отчаянные страдания, гноить в окопах и на полях сражений.

Итак, им известно, что через несколько дней снова придется месить грязь Соммы, для того чтобы вновь пойти в какую-нибудь бесполезную атаку, и ничто не в состоянии предотвратить их судьбу. Они только стараются поменьше об этом думать и не отказывать себе ни в чем, поскольку это разрешают их тощие карманы: «Нужно плевать на все».

Они плюют на все. Так, они сбили как-то раз камнями несколько яблок в соседнем фруктовом саду, принадлежащем какому-то помещику. Сторож услышал и спустил на мародеров собак; затем он отправился жаловаться начальству.

— Сержант, ваши солдаты крадут яблоки из нашего сада, я только что поймал двоих на месте преступления. Они уже должны были вернуться, и я попрошу вас назвать мне их имена.

— Есть о чем говорить, — возразил на это Феруль.— Не мешайте мне спать.

— Вы их, конечно, знаете. Скажите мне их имена, иначе я буду жаловаться коменданту.

— Ну, что ж! Отправляйтесь жаловаться, но только меня оставьте в покое

На другой день они выступают. Во время сбора мажордом не отходит от взвода Феруля, не переставая заглядывать в опустошенную конюшню, которая служила спальней

пуалю. Он подозрительным взором окидывает походные сумки, как будто солдаты в них смогут унести имущество его хозяина. Раздраженный Жак наблюдает за ним.

— Ваши солдаты разрушили кормушку.

— Ах, так! — Жак выходит из себя. — Разрушили вашу кормушку? И что еще? Там на фронте разрушают еще многое другое. Вы должны их благодарить за то, что они не разрушили ваших конюшен. Вы, который спускаете на них собак!

Солдаты пересмеиваются. Жак входит в раж:

— Вы вели себя, как последний негодяй, понимаете? Собак спускают только на злоумышленников. Солдаты не дикари и не бандиты. Они, право, честно заслужили эти несчастные яблоки, когда изнывали от жажды под Верденом, защищая от неприятеля поместья вашего хозяина. Вы их обязаны уважать, понимаете! Они сейчас пойдут в атаку; они отдадут свою жизнь, и это для того, чтобы защитить от неприятельского вторжения этот замок, этот фруктовый сад и сохранить вам службу. Посмотрите на них, да посмотрите же на них; среди них есть много таких, которым не суждено вернуться с поля битвы, посмотрите на них и обнажите голову или же убирайтесь ко всем чертям! Да, да, ко всем чертям...

Бледный, как смерть, мажордом бормочет какие-то бессвязные слова, тогда как Жак, весь дрожа, с полными слез глазами дает выход накопившемуся в нем возмущению, бессильному гневу и горечи. Все еще не успокоившись, он докладывает о случившемся своему капитану.

— Успокойтесь, Феруль. Право, не стоит волноваться из-за таких пустяков. Нам придется привыкнуть еще ко многому другому! Перестаньте расстраиваться, а если он будет жаловаться, я это улажу.

Грузовики ожидают их там, где кончается деревня. Погрузка происходит очень быстро, в полной тишине. После Амьена начинается таксе же медленное продвижение, как когда они подъезжали к Вердену.

Территориальные войска заняты исправлением дороги, которая портится от тяжести проезжающих тракторов и набитых солдатами грузовиков. В Брэй бесконечное количество офицеров генерального штаба и инженерных частей. Теперь уже им не придется увидеть ни одного штатского. Брэй встречает их бесконечной грустью, свойственной местам, по которым раньше проходила линия фронта: дома, от которых остались одни только стены, — обитаемы одни лишь погреба, холмы, на которых разбили свои палатки артиллеристы, и на мягком сером фоне Соммы большие прямоугольники, обнаженные и холодные кладбища. Эти огромные квадраты черных низких и совершенно одинаковых крестов не производят на наших пехотинцев никакого впечатления. Эти мертвецы — умиротворенные, успокоившиеся мертвецы тыла, — не вызывают в них чувства жалости. Ведь, быть может, еще до наступления ночи придется увидеть ужасных мертвецов, тела которых продолжают валяться на полях сражения.

Отряд останавливается. Небо нависло совсем низко, легкий туман колышется в воздухе. Вокруг не видно ничего, кроме обнаженных полей, — вдали вырисовывается какая-то деревня. Солдаты собираются в группы, и их мешки и составленные в козлы ружья глубоко погружаются в грязь.

Наступает полный печали вечер. Идет дождь. И тогда солдаты начинают чувствовать себя более одинокими, более покинутыми. Нужно ждать, снова ждать. Одни, борясь со сковывающим их тела холодом, месят ногами грязь; другие — неподвижны и стоически переносят все невзго-

ды, подобно все ниже опускающим головы впряженным в повозки лошадям. Господи! Какая тоска! Нужно стоять, с ногами, погруженными в воду, не зная, куда ты должен будешь пойти, не зная, найдешь ли убежище, где можно укрыться, солому, на которой можно будет вытянуть свои измученные ноги, найдешь ли окоп, который послужит тебе защитой от неприятельских снарядов.

Деревня кажется теперь темной враждебной массой. В темноте смутно вырисовываются молчаливые силуэты пехотинцев. Ревут пушки, ветер приносит их свирепый лай.

Один из солдат подходит к неподвижному и промокшему до мозга костей Ферулю.

— Какого чорта мы здесь?

— Не знаю.

— Никогда никто ничего не знает. Нас ведут и обращаются с нами, как с вьючными животными. Почему мы здесь стоим, а не отправляемся куда-нибудь, где можно найти пристанище?

— Не воображаешь ли ты, что для нас построили бараки? Нет у них других забот, что ли?

— Ах, бандиты этакие!

Сержант Милло дает волю своему возмущению.

— Какой порядок! Можно подумать, что мы заблудились. Никто не смеет проявить разумной инициативы. Все ожидают приказаний. Право, может случиться, что нам придется ждать их до самого утра. Я бы хотел, чтобы все это провалилось сквозь землю.

— Ну, нет, благодарим покорно.

— А что потом? Я предпочитаю издохнуть сегодня вечером, а не завтра, не послезавтра, через полгода, через год. Не пришлось бы, по крайней мере, столько страдать. Тебе до сих пор везло, Феруль, но не воображай, что так

будет продолжаться и дальше. Твоя очередь придет так же, как и моя — это неизбежно, и эта бойня не кончится до тех пор, пока все французы и немцы не пойдут к чорту. Это называется ставкой на истощение. Мне это надоело до чортиков! Постой, посмотри-ка, до чего мы дошли: непролазная грязь, которую мы не перестаем месить, пропитанные водой, совершенно промокшие походные сумки, отсыревший хлеб, шоколад, превратившийся в какую-то липкую массу, пачкающую бумагу для писем, потом насекомые, которыми мы осыпаны с головы до ног. И ты думаешь, что я буду продолжать воевать? Пусть с нами сделают, что хотят, но пусть этому будет положен конец.

Это правда. Жак заражается пессимизмом Милло. Ни у кого больше нехватает мужества, чтобы шутить, а вскоре его нехватит и для того, чтобы двигаться. Солдаты застывают, прижимаясь друг к другу, как стадо овец. Можно подумать, что они уснули, стоя в грязи. Большинство вечеров на фронте проходит в тоскливом ожидании, под непрекращающимся дождем, в темноте, в холоде. Курить запрещается. Нет ничего, что бы помогло убить время. Нет даже звездного неба, в котором можно было бы отыскивать те звезды, которые приковывают внимание тех, кто остался там далеко, в тылу.

Наступает совершенно черная ночь. Пушки умолкли. Изредка тишину прерывает чей-нибудь сухой кашель. Не прекращается только шум падающего дождя. Пехотинцы один за другим укладываются в грязь, истомленные до того, что не могут протестовать.

*

Взводные поспешно проходят вдоль линии окопов, с укреплениями и щитами, параллельно шоссейной дороге,

по краям которой деревья вздымают свои обнаженные силуэты. Солдаты, лежащие в засаде в двух шагах отсюда, прижимают к себе штыки, дребезжание которых могло бы выдать неприятелю их присутствие.

Таинственный шопот проносится вдоль линии:

— Проходите, соблюдайте тишину. Проходите, окопы должны быть готовы до наступления дня.

Здесь сломлен последний натиск французских войск, здесь погибли под пулеметным огнем наши солдаты. Немного дальше виднеются их тела. Одни пали лицом к лицу с врагом, другие были застигнуты пулей, когда тщетно пытались вырыть себе окопы. Все, от первого до последнего — как солдаты, так и офицеры, — работают с лихорадочной поспешностью. Они осторожно срезают траву для того, чтобы потом замаскировать щит. Свист нескольких пролетевших мимо пуль еще подымает их работоспособность. Уже два часа ночи. Остается еще только три коротких часа, а потом немцы могут их заметить.

Солдаты утомлены продолжительной и трудной ходьбой по глинистым тропинкам и разрушенным траншейным ходам. Глухой стон иногда выдает их усталость, но все же работа быстро подвигается вперед. Будьте спокойны: до наступления дня окопы в восемьдесят сантиметров глубины будут готовы — ведь здесь поставлено на карту спасение своей шкуры. На этом участке наше командование пытается прорвать неприятельский фронт, точно так же, как немецкое командование пытается прорвать наш фронт у Вердена. Результатом атаки, повторяющейся через каждые две-три недели, обычно является продвижение наших войск на линии Перронь-Комбль, на один-два километра, но самый ничтожный успех оплачивается огромным количеством крестов. Каждый ар, иногда каждый квадратный метр

земли стоит жизни какому-нибудь солдату. Ну, что же! Пусть! Необходимо вдохнуть мужество тем, кто сидит в тылу! Необходимо их успокоить, необходимо дать им иметь возможность каждое утро говорить: «Под Верденом мы сломили две неприятельских атаки, у Бушавень мы продвинулись на триста метров» Необходимо иметь возможность провозглашать: «Мы сильнее бошей, мы их не оставляем в покое ни на минуту». Необходимо давать жвачку влиятельным газетам, забивающим всякой дрянью человеческие мозги. Необходимо иметь чем хвалиться, превозносить геройство наших солдат, необходимо опьянять славой ту часть населения, которая посещает кинематографы, мюзик-холлы и дансинги, потому что другая часть — та, которая страдает и трудится, смиренно несет свой тяжелый крест, и ей совершенно ни к чему такие подбадривания.

Официальное сообщение, часто умелым освещением несколько искажающее факты, приводит в восторг прочно устроившуюся в тылу толпу «патриотов». Но каждая сводка сообщений с театра военных действий, даже если она трубит о блестящей победе, все же звучит, как похоронный колокол, в сердце отца, матери, любящей жены.

Наступление на Сомме, блестяще проведенное при помощи наших славных союзников-англичан, — вот достойный ответ на Верден, это хороший пинок ногой в зад кронпринцу. Ура нашему командованию!

Нам же, пехотинцам и артиллеристам, ушедшим из-под Вердена после жестоких потерь и невыразимых страданий, нам предлагается снова тащиться по глинистой дороге долины Соммы, под непрекращающимися дождями проходить в ночной тьме по оврагам, по которым разрываются неприятельские снаряды, волочить свои измученные ноги по грязи траншейных ходов, итти в наступление со штыком

на винтовке и с гранатами в руках, подвергаясь жестокому пулеметному обстрелу, падать ничком, стонать забытыми во мраке, истекая кровью, обогащать Францию славой, вышивать на свернутых знаменах наших полков имена героев и издыхать... в грязи.

*

Весь день рота томится в траншеях. Никто, под страхом смерти, не может выйти. Солдаты стараются придать окопам несколько более жилой вид. Устраивают ниши у парапета, укрепляют щиты.

С наступлением темноты можно выходить, уже не рискуя жизнью, и, как только сгущаются сумерки, один за другим начинают тянуться ряды за провиантом, за амуницией, за строительным материалом. Впереди идут охранные патрули. Вот, кажется, взвилась ракета. Патрули тотчас же делаются неподвижными, и немецкий часовой не может их отличить от распростертых повсюду трупов. Капрал Бире участвовал во всех этих экспедициях. Однажды ночью Феруль заметил, что он переходит от одного трупа к другому. У Жака зародилось ужасное подозрение.

— Послушай, что ты там делаешь?

— Ничего. Я только достал из походного мешка одного убитого капрала журнал его роты. Вот он.

— Да, да...

Уже три ночи под ряд капрал Бире отправляется добровольцем в эти опасные путешествия. Ему, как и всем остальным, известно, что солдаты пехотного 42-го батальона не только не были похоронены, но что даже тем из них, которые были ранены, не было оказано никакой помощи, и они погибли ужасной смертью в открытом поле. Их тела лежат еще там, где их застигла пуля, в бидонах у них

сохранилось вино, в походных сумках — провиант, в кошельках — деньги. И именно деньги служат приманкой этому бандиту Бире. Каждый вечер он рискует жизнью для того, чтобы обшаривать карманы мертвецов. Было бы еще хорошо, если бы он довольствовался грошами этих несчастных, но в спешке он забирает содержимое их портфелей, выбрасывает на ветер фотографические карточки, последнее письмо к родителям, прядь волос маленькой дочурки — все те реликвии, которые так ревниво хранят солдаты.

На рассвете, когда становится возможно подвезти продовольствие, солдатам раздают вино, водку, хлеб, воду, по куску сыра и холодного мяса, и они сейчас же принимаются за еду.

*

Солдаты — со множеством предосторожностей занялись минированием траншей. Изредка над их головами проносятся аэропланы с черными крестами, тогда солдаты застывают, пока мрачные птицы не скроются из виду.

Между тем неприятель обнаружил их убежище, и 150-миллиметровые снаряды начинают падать все ближе и ближе.

На четвертый день обстрел становится более ожесточенным. Солдаты умолкают, и когда их обжигает прерывистое дыхание гранат, они содрогаются от ужаса.

Один из снарядов разрывается совсем близко. Слышатся отчаянные крики. Кто-то, повидимому, ранен. Жак вскакивает. Ужасное зрелище пригвождает его к месту. Снаряд разорвался на парапете траншеи, и осколки изранили ноги солдата, туловище которого было защищено бруствером.

Жак узнает его. Это безобидный и кроткий полковой сапожник. Он остался недвижим, в оцепенении созерцая свои раздробленные ноги, затем закрывает глаза и теряет сознание. Его правая нога наполовину оторвана от колена, другая изуродована еще больше: обмотки на икрах, мясо, кости — смешались в одну кровоточащую кашу.

— Санитары! На помощь! — орет Жак.

Гурдон спокойно приближается и с недовольным видом кривит губы.

— Если бы его оперировать сейчас, то, быть может, его бы удалось спасти, но ведь немыслимо среди бела дня перенести его на санитарный пункт. И потом еще вопрос, вынес ли бы он это путешествие? Санитар проворно перевязывает ноги, затем наламывает полоски из гранатной трубки и очень ловко поддерживает ногу в этом импровизированном лубке. Раненый медленно приходит в себя. Он не видит своих ужасных ран, потому что ноги его покрыты брезентом.

— Мне здорово попало,—произносит он тихо.

— Тебе очень больно?

— Нет, я ничего не чувствую.

Он говорит спокойным, слабым голосом. Ему вливают в рот немного водки и подносят папиросу, которой он несколько раз затягивается, потом выпускает ее и перестает интересоваться окружающим. Лицо его принимает восковой оттенок, нос заостряется, и голова покачивается из стороны в сторону. Санитар подымает свои окровавленные руки, словно хочет сказать: «Все кончено». Бомбардировка усиливается, но товарищи раненого не уходят, не желая оставлять его совершенно одиноким в час смерти.

Голоса солдат, когда они обращаются к нему, становятся нежнее и мягче, но он не отвечает. Им не в первый раз

приходится присутствовать при смерти товарища, и они созерцают это зрелище без любопытства и проявления скорби. Они окружают умирающего, серьезные и мрачные, немного наклоняются, когда снаряд, разрываясь, осыпает их щебнем, но потом снова становятся на свое молчаливое дежурство. Раненый внезапно вздрагивает и начинает вращать испуганными глазами. Это агония. Кончено. Тогда они расходятся по своим окопам. Мертвый остался там, где лежал: в вырытой им самим нище. Когда начинает темнеть, двое товарищей пробираются к нему и осторожно поднимают его на насыпь траншеи, где он остается распростертым, с широко раскрытыми глазами, устремленными в бесконечную пустоту.

— Какая жалость! Вряд ли кто-нибудь сумеет так хорошо чинить обувь, как он, — говорит капитан.

Вот надгробное слово, произнесенное над трупом солдата призыва 2-й очереди Куртуа Лерона, сапожника 5-й роты 182-го пехотного полка.

XVI

Смененный после шестидневного пребывания на линии огня полк расположился лагерем на равнине. Скоро ему снова придется принять участие в атаке. Сентябрь на исходе. Нужно торопиться. Начнутся дожди, а Комбль все еще находится в руках неприятеля. Взводный Верну, вернувшись после выздоровления, снова вступает в командование взводом. Перед его приездом начинается чистка сапог и одежды. Нужно соскоблить ножем засохшую на шинели грязь, затем выбить пыль. Феруль представляет ему взвод. Чистка сделана довольно поверхностно, чувствуется недостаток в воде, и ни походные сумки, ни чехлы с фляжек не выстираны. Ружья плохо вычищены, а совер-

щенно обтрепанные обмотки затвердели от грязи. Верну торжествует.

— Нужно все начать сначала: полный беспорядок, солдаты грязны, как свиньи! Сержант, представьте мне взвод в четыре часа. Я требую, чтобы все блестело!

Как только он отходит, солдаты начинают ворчать. В то время как солдаты других взводов дремлют или разглядывают тяжелые орудия, ребятам первого взвода приходится чистить и скоблить без конца. Вторичный осмотр все еще не удовлетворяет Верну.

— Я требую, вы слышите, я требую, чтобы солдаты имели приличный вид. Ваше дело наблюдать за этим, следить за ними, заставлять их работать. Это ваша обязанность, сержант. Пора вам это знать. Жаль, что не я муштровал вас в казармах. Посмотрите на этого капрала. Ведь это чорт знает что такое.

Он подходит к Дюкроку, с гримасой отвращения выворачивает его походную сумку, осматривает внутренность патронташа и обнаруживает повсюду грязь.

— Относительно всех остальных на этот раз пусть будет так, что же касается вас, — вы снова должны явиться ко мне вечером, к шести часам, и, разумеется, чистым.

Дюкрок вызывающе смотрит ему в лицо.

— В шесть часов — и вылощенный, в противном случае я доложу по начальству.

— О! Вы не будете так злы.

— Что? Что вы говорите? Я приказываю вам привести в надлежащий вид вашу одежду и оружие.

— А я вам говорю, что останусь таким, как есть. Я и так слишком хорош для того, чтобы растянуться в грязи завтра или когда придется. В других взводах люди выглядят гораздо хуже, чем мы, а им никто не делает замечаний.

— Сержант Феруль, если у вашего капрала не будет совершенно безупречный вид, вы будете отвечать.

Верну удаляется. Солдаты подстрекают Дюкрока.

— Отправь к чорту этого дурака. Тогда он не будет таким злым. Пусть не важничает.

Напрасно Жак пытается успокоить их. На карту поставлена репутация Дюкрока. Он не собирается сдаваться и разражается угрозами. Шмидт, произведенный в сержанты после боев под Верденом и прикомандированный к 8-й роте, хочет перевести разговор на другую тему.

— Хочешь, я тебе помогу?

— Отстань! Я и не думаю слушаться его приказаний. Пусть он меня разжалует, пусть посадит под арест, ну, и чорт с ним! Когда-нибудь я с ним посчитаюсь. А пока что, я иду за вином, пусть поищет меня.

Взволнованный Жак отправляется доложить о случившемся вновь назначенному капитану. Де-Валерас, недавно получивший четвертую нашивку, командует теперь третьим батальоном. Однако, Верну уже опередил его. Жак всячески старается оправдать поступок Дюкрока.

— Он с самого начала войны находится в действующей армии, ни разу не был в отпуску. Один из самых храбрых солдат в нашей роте.

Капитан Бозей делает сержанту выговор, но Жак прекрасно понимает, что это только пустая формальность, необходимая для успокоения Верну.

— Можете итти. Вы пошлете ко мне Дюкрока, как только он вернется.

Никогда еще за всю свою жизнь Жак не испытывал ни к кому такой ненависти! Каждая черточка Верну противна ему. Противны его атлетическая фигура, его костлявое, как бы высеченное из камня, лицо. Он страстно желает,

сам не замечая всей чудовищности этого желания, чтобы Верну был убит при ближайшей атаке. Если бы пришлось присутствовать при агонии Верну, Жак, наравне с Дюкроком, принялся бы осыпать его бранью.

*

Однажды утром пришел приказ разобрать палатки и быть готовыми выступить.

— Дождались! Вероятно, нас опять пошлют на передовые позиции.

— Да, очевидно, это так.

Жак напрасно старается развлечься. День кажется ему бесконечно длинным. Он передает старшему сержанту бумаги и просит в случае несчастия уведомить его родителей. Он нисколько не взволнован, он чувствует только страх. Не только страх смерти, а страх перед ужасным неизвестным, боязнь быть раненым или страх перед муками смерти, боязнь страданий, бомбардировки, заградительного огня и в особенности страх перед врагом, — немецким пехотинцем, с которым, без сомненья, придется схватиться в рукопашную. Никогда еще Жаку не приходилось стоять лицом к лицу с противником. Ему еще не приходилось нападать на противника и убивать его, для того чтобы не быть убитым самому.

Небо окрашивается в розовато-лиловый цвет, который на западе переходит в желтый. На холмы ложатся тени.

— Собирайтесь!

Когда солдаты уже выстроились в колонну по четыре человека в ряд, появляется Дюкрок, на поясе у которого висят наполненные вином фляги. Он нетвердо стоит на ногах и громко выражает свою ненависть к Верну, который идет во главе колонны, делая вид, будто ничего не

слышит, опасаясь, что пьяный Дюкрок выкинет какую-нибудь штуку.

— Увидим, как ты будешь сражаться, мерзавец. Я думаю, что, очутившись лицом к лицу с противником, ты перестанешь задаваться. Не думай только, что тебе удастся спрятаться, как под Верденом: я буду за тобой следить.

— Не отвечайте, — советует Бозей.

Излишний совет. Верну идет, не оглядываясь, только время от времени поглядывает по сторонам, прислушиваясь к заглушенным посмеиваниям солдат. Среди пустынной равнины высится столб. На нем надпись: «Морепа». Солдаты тщетно оглядываются в надежде найти дом. Только несколько красных сломанных кирпичей, валяющихся на дороге, и полуразрушенная, спускающаяся в погреб лестница говорят о том, что еще недавно здесь была деревня. Наступает ночь. Нагруженные бесчисленным количеством различных вещей — ружье, фляжка, мешок, походная сумка — солдаты идут согнувшись. Они идут по-двое в ряд. Линия окопов, к которой они медленно направляются, освещается то тут, то там зигзагами вспыхивающих огней. Мимо них проезжают артиллерийские повозки с зарядными ящиками, и обезумевшие лошади обдают их своим дыханием, но они подвигаются вперед, совершенно безучастные ко всему окружающему. Все дороги, все тропинки похожи в ночной темноте на катящие черные воды ручьи. Оголенные стволы деревьев, изрешетенные пулями стены, крики людей, понукающих животных, возгласы! Ночь как бы готовится к какому-то чудовищному преступлению. Из расщелины скалы пробивается луч света: неужели человеческие существа могут обитать в этой стране призраков? Солдаты сторонятся воронок. Не рассеявшийся еще после последних взрывов запах гари заставляет колонну ускорить шаг.

Привал. Направо шумное сборище: походные кухни дивизии выставили огромные бочки с кипяченой водой. Рота медленно движется по склону длинного рва, на дно которого падают начиненные газом снаряды. Безоружные солдаты территориальных войск передвигаются, согнувшись под тяжестью мешков с ручными гранатами. Медленным шагом подвигается вверх караван привязанных друг к другу осликов, которые кажутся меньше, чем нагруженные на них огромные, наполненные водой сосуды. Проходя мимо, солдаты протягивают им куски хлеба. Их охватывает жалость к этим терпеливым животным.

Жаку вспоминается, что ровно год тому назад, в тот же день, 24 сентября 1915 г., он шел так же, как и в этот вечер. Ничто не изменилось с тех пор, если не считать того, что они потеряли веру, и что многие из них легли на полях Шампани и Мааса, и что теперь на фронт посылают новобранцев призыва 1916 г. Жак вспоминает свой пылкий энтузиазм, вспоминает, как он гордился тем, что будет воевать. Как все это далеко! Сколько пережито с тех пор!

Ров, вероятно, никогда не кончится. Ужасно трудно продвигаться вперед по скользкой тропинке. Снаряды почти касаются их голов. Солдаты торопятся, толкают друг друга, топчутся на месте. Затем колонна начинает двигаться вперед: солдаты бегут, спотыкаются.

— Проходите, проходите, — ускоряя шаг, повторяют покорно солдаты. Там, где кончается ров, один за другим с оглушительным треском разрываются снаряды. Отряд с замиранием сердца идет в этом направлении. Во время остановок они покорно валятся в грязь, дрожа от холода и обливаясь потом, и затем снова идут вперед, все более

и более измученные. Теперь открывают стрельбу 75-миллиметровые орудия; раздаются крики. Откос становится ниже. Скоро он не будет больше защищать их от больших снарядов, осколки которых уже долетают до них.

— Вперед! Гимнастическим шагом по краю оврага. Скорей, скорей: место, по которому мы пойдем, находится под обстрелом. Да, действительно, место скверное — вот валяются четыре изуродованных трупа.

Солдаты собирают остатки сил и бросаются бежать. По дороге они видят полоску света, носилки: это перевязочный пункт.

Идут дальше. Останавливаются, в десяти шагах от них разрываются сразу четыре больших снаряда.

— Какого чорта мы здесь ждем? Давайте продвигаться!

Новый залп заставляет их растянуться на земле. Между взрывами слышны душу раздирающие крики: «Ко мне! На помощь! Я ранен»!

— Окапывайтесь!

Чорт возьми! Опять рыть, рыть без конца! Вы будете рыть окопы до тех пор, пока они не станут вашей могилой. Вы должны день и ночь бороться за свою жизнь. Все стремится к тому, чтобы вас уничтожить. Химики изобретают все новые газы; инженеры подводят мины; летчики высматривают расположения частей для того, чтобы забрасывать вас бомбами и гранатами, артиллеристы яростно засыпают вас снарядами. Вы должны бороться за свою жизнь, укрываясь от преследующих вас пуль, от пулеметного огня, косящего вас целыми колоннами, и даже от неба, извергающего огонь и металл.

Ройте же окопы, друзья, для вас не существует ни отдыха, ни передышки, не существует сна, кроме ожидающего вас неподвижного, холодного вечного сна — смерти.

*

Вот уже три дня, как эти разрозненные, рассыпавшиеся по окопам роты находятся здесь, против неприятельских позиций. Им пришлось переносить дождь, холод, солнечные лучи, и теперь их трудно отличить от земли, которую им поручено завоевать, которую один за другим они удобряют своей кровью и которая завладевает ими постепенно, покрывая их ноги, шинели, руки, лоб.

Сколько из них еще осталось в живых? Многих скосил пулеметный огонь, немало пало под снарядами артиллерии, и ружейные пули не щадят тех, кто имеет неосторожность высунуть из-под прикрытия голову.

Жак достоверно знает только то, что капитан находится под тем изуродованным деревом и что с десяток товарищей расположены здесь неподалеку в воронках.

Однако, их все еще слишком много, и каждый раз, когда кто-нибудь выбывает из строя — все равно, ранение или смерть — все радуются, ибо это приближает час смены. Потому что все их мысли заняты теперь исключительно сменой. По вечерам, дрожа от холода, они собираются по нескольку человек и говорят только о ней, произносят только ее чудесное имя. Они надеются только на нее и молятся единственно о том, чтобы она пришла поскорее. Быстрая, склонившаяся к земле тень показывается вдали, приближается запыхавшись и останавливается подле Жака: это солдат службы связи.

— Ознакомься с приказом.

Жак расшифровывает:

«127-я батарея взяла на прицел обе траншеи Тюрка. Отсюда следует, что 182-й пехотный полк не будет сменен до взятия этой позиции. Атака должна

возобновиться в течение дня 28-го с. м., причем инициатива предоставляется ротным командирам».

Значит, не сражение, а война до полного уничтожения, и как будто нет больше места надежде.

Ах, если б можно было погрузиться в сон и спать не просыпаясь до того момента, когда будет заключен мир, когда жизнь станет более легкой!..

Траншея Тюрка находится на расстоянии шестидесяти метров. Она была вырыта наспех, но, несмотря на это, она очень глубока и прекрасно защищена. Жак направляется к окопу капитана. Он боязливым пристальным взглядом всматривается в лицо своего начальника, но тот теперь уже тоже не что иное, как покорившийся судьбе человек, который старается прочесть во взгляде Жака свой приговор. Общий страх сближает их.

— Итак?

— Но это невозможно, Феруль. У меня нет ни людей, ни снаряжения — ничего.

— Итак?

— Итак! Будем выжидать, не двигаясь с места.

Жак в восторге. Бозей угощает его водкой, и Жак жадно пьет. И снова в нем зарождается надежда. На огонь наших 75-миллиметровых снарядов отвечают немецкие 150-миллиметровые. Снаряды не попадают в части, расположенные на передовых позициях, но в частях, расположенных поодаль, начинается паника.

Который теперь час, и что должна означать эта жестокая канонада?

Две огромные дымовые завесы отрезают солдат от остального мира. Никто никогда не услышит их отчаянных воплей; замкнутые среди этих огненных стен, они не могут двинуться ни вперед, ни назад. Что-то должно произойти...

Жак распустил ремешки своего кепи, отбросил сумку и фляжку, готовый вцепиться в горло врагу или бежать. Еще минута — и они побегут...

— Посмотрите, что делается у фрицев!

Отчетливо видны массивные каски немцев, которые выходят из-под прикрытия. Затрещал ручной пулемет. Наши спускают курки винтовок, и Жак с изумлением замечает, что и он тоже стреляет.

Сержант Шампо подымается на ноги и бросается вперед, производя своими гранатами большое опустошение в неприятельских рядах. На участке, протяжением в сто метров, немцы даже не пытались выступить: остальные, застигнутые врасплох, колеблются. Их не меньше двухсот человек, медленно подвигающихся по равнине и подставляющих свои тела пулям.

Вдруг эта толпа изголодавшихся, покрытых с ног до головы грязью людей, дико, исступленно ринулась вперед. Жак чувствует себя захваченным этим вихрем и теряет над собой всякую власть. Он бежит вместе с другими с высоко поднятым штыком, глаза его широко раскрыты, но он ничего не видит, кроме марионеток, автоматически подымающих и опускающих руки. Раздается продолжительное, звериное, многоголосое рычание: «А! а-а-а-а!...»

Жак видит еще, как Шампо бешено набрасывается на одного из немцев, тогда как другие бросают свои ружья, амуницию. Он нападает на них.

— Эй, черти! Подвигайтесь!

Серые солдаты не спешат. Жак торопит их ударом ноги.

— Живей! Подвигайтесь!

Потом он прыгает в траншею Тюрка, наконец завоеванную. Справа доносятся еще звуки разрывающихся гранат. Немцы пытаются еще обороняться. Части запасной

роты принимают пленных немцев; изувеченных направляют в тыл, тогда как здоровых заставляют переносить раненых.

— Мы взяли в плен триста человек!—восклицает капитан, и Жак не в состоянии сдержать нервного смеха.

XVII

Наступление на Сомме в предсмертной агонии. Оно дотянуло до октября, и теперь каждый вечер его лихорадит, как чахоточного больного, и бомбардировка возобновляется, как приступы кашля. Изредка то тут, то там частичная атака пытается выравнять линию фронта, но этой активности хватает не надолго, и сражение скоро приходит к концу. Потерпезшие большие потери части отправляются в Нормандию для того, чтобы пополнить свои ряды и поднять свой дух. Потом они возвращаются без энтузиазма на какой-нибудь незащищенный участок фронта и устраиваются в траншее, вырытой вечером, накануне атаки.

5-я рота находится в Бушавенской котловине. На расстоянии ста пятидесяти метров легко различимые неприятельские линии развертывают свои громадные крылья. Но артиллерия вынуждена, к сожалению, не щадить их: артиллерийский огонь сделал бы их совершенно необитаемыми, и таким образом они не смогут быть убежищем для французских солдат. Теперь французские и немецкие солдаты проводят все время стоя, ноги их погружены в воду, одежда в грязи и пропитана осенней слякотью. Они мокнут под дождем, который как будто никогда не кончится. Продолжающаяся уже двое суток атака на Перонну встревожила весь участок. Позиции, расположенные несколько поодаль, засыпают снарядами, как в самые славные дни.

Отправившийся за провиантом отряд возвратился ни с чем, так как ему не удалось пробраться к походной кухне. Капитан вызывает Жака:

«Феруль, вы мне нужны. Совершенно необходимо раздобыть провиант: солдаты принялись уже за запасные пайки. Вы пойдете, как только стемнеет. Я вам дам по четыре человека от каждого взвода. Принесите с собой все, что будет возможно. Идите, Феруль, я рассчитываю на вас.

На Жака этот приказ подействовал, как удар палкой. Он был так спокоен! Какое неприятное поручение! Рисковать вернуться ни с чем, после того как часами, преследуемый снарядами, будешь шлепать по грязи.

Солдаты, которым было поручено сопровождать Жака, ворчат, протестуют и придумывают всяческие предлоги для того, чтобы не итти. Потом, наконец, собираются и выступают. Солдаты идут по едва различимой тропинке, которая перерезывается около огромных воронок, наполненных прогнившей водой, и временами кто-нибудь из них проваливается. Тогда раздается крик: «Ко мне!»

И товарищи соединенными усилиями вытаскивают провалившегося наверх. Жак, который боится заблудиться, спрашивает всех, кого они встречают: «Еще далеко до кладбища Клери? Мы идем правильно?»

Жак идет вдоль протянутых над самой землей телефонных проводов. Вот, наконец, овраг Клери, который еще продолжает обстреливать неприятельская артиллерия: они проходят по нему быстрым шагом, убегая от снарядов. По ту сторону оврага огромное скопление всевозможных повозок, кухонь, лошадей, солдат, словно здесь какая-то необычайная ярмарка, нечто вроде тайного торга. Взвод входит в эту толчею, и солдаты беспрестанно кричат:

— 182-й! 182-й! Один — восемь — два!

Все еще идет дождь, но они не обращают на него внимания. Их помыслы направлены к одной только походной кухне; все остальное им безразлично. И даже более близкий, чем остальные, взрыв снаряда, заставляющий взволнованную толпу шарахнуться в разные стороны, не производит на них почти никакого впечатления.

— 182-й! 182-й!

Никто не может им сказать ничего определенного: их посылают то в одном, то как раз в противоположном направлении. В конце концов они все же отыскивают кухни, которые задержались и чуть было совсем не застряли по дороге.

Капрал тотчас же, как обычно, приступает к распределению пайков. Одному — мясо, другому — каша, третьему — хлеб. Вино и кофе наливают в свободные бидоны, и Жаку достается двенадцать литров водки. Вот, наконец, желанная награда: капрал наливает каждому по четверти литра кофе, добрую порцию вина, и, получив все это, пуалю вновь отправляются к далеким окопам, где их с нетерпением ожидают товарищи. Они уходят согнувшись под тяжелой ношей, грудь их сдавлена кожаными ремнями; они обливаются потом, скользят, падают, подымаются на ноги и снова идут, идут. До передовых линий нужно пройти около восьми километров. Феруль слышит молящий голос одного совершенно измученного солдата:

— Передние ряды, не торопитесь так!

Но Жаку сейчас хочется только одного: выбраться из оврага и как можно скорее возвратиться в свой окоп. Вызванный взрывом снаряда обвал заставляет их приостановиться. Территориальные войска спасаются бегством, обезумевшие лошади становятся на дыбы. Теперь отряд по-

двигается очень медленно. Солдаты изнемогают под тяжелой ношей. Они теперь здесь совершенно одни. Наступила полная темнота. Они все время попадают в глубокие ямы, и ежеминутно приходится выручать попавшего в такую ловушку товарища. Хлеб, который они несут, весь забрызган грязью и совершенно отсырел от дождя.

— Сержант, пора устроить привал.

Сначала Жак не хочет и слушать об отдыхе, но когда все хором начинают требовать: «Пора отдохнуть!» — он подает сигнал и они в полном изнеможении падают на землю. Кожа их горит, колени окоченели, судорожная дрожь проходит по телу. Снизу из долины подымается острый запах аптеки и гнили, и снаряды в своих жалобных стонах изливают все отчаяние обреченной на смерть природы. Эти печальные и молящие стоны, имеющие нечто человеческое, замирают и раздаются вновь, не прекращаясь ни на минуту, как будто они воспевают человеческие страдания, тоску, переполняющую человеческие сердца. Глухое оханье изнемогающих от своей непосильной ноши солдат служит достойным аккомпанементом этой безнадежной мелодии.

Жак внезапно провалился в яму. Его руки погружаются в глинистую землю, ему кажется, что он никогда не сможет выбраться на поверхность, что земля хочет его поглотить и что, пожалуй, было бы разумнее отдаться ей не сопротивляясь.

— Немного терпения, сержант, мы вас сейчас вытащим.

Вот он опять на ногах. Колонна снова двигается в путь, так как нужно во что бы то ни стало до рассвета прибыть на место.

Они уже приближаются к линии окопов. При вспышках ракет тени их удлиняются, танцуют. Повсюду раз-

даются взрывы, и, несмотря на ужасную усталость, солдаты, пригнувшись к земле, ускоряют шаг. Сердце Жака бьется, как испуганный зверок. От одного из взрывов, раздавшегося совсем близко, у них прерывается дыхание. Снаряд попал в хвост колонны. Они бросаются бежать, но их удерживают душу раздирающие стоны, которые заставляют остановиться. Один из солдат поддерживает свою руку; льющаяся из раны кровь омывает его грязную ладонь. Другой, распростертый без движения на пропитавшихся кровью хлебцах, показывает зубы: он мертв.

Раненый, освобожденный от своей ноши, мчится, как помешанный, безумие овладевает всем отрядом. Потеряв голову, они сбиваются в узком траншейном ходе и отдыхают в нем, будучи не в силах сделать ни шага. Взволнованные и напуганные, они, предварительно перевязав руку раненому товарищу, снова пускаются в путь, беспрестанно прислушиваясь к шуму, производимому пролетающими снарядами.

На месте их встретили криками радости. Смерть Жардона — только незначительное происшествие; самое главное — это то, что прибыли съестные припасы, вино и водка.

Дождь так силен, что кажется, будто все небо упадет на землю.

Солдаты устроили у каждого окопа стоки для воды, потому что вода потоками заливает траншею.

Жак, закутавшись в брезент и в одеяло, растянулся под защитой парапета. Он хорошо покушал и счастлив, что так легко отделался; он выпил свою порцию вина и целую бутылку водки. Голод и жажда удовлетворены, и на душе у него почти радостно. Он опьянел и теперь не чувствует ни усталости, ни боли в ногах, ни сырости, ни холода. По его телу разливается приятная теплота, и он засыпает...

Непрекращающиеся дожди в конце концов подмыли парапет траншеи. Земля осыпается и заставляет солдат топтаться в ледяной воде в поисках сухого угла. Но если такие уголки и есть, их счастливые обитатели, несмотря ни на какие мольбы, не желают уступать свои места другим. Несчастным остается только одно — вылезть на поверхность земли и растянуться в траве. Да и чем они рискуют? Только тем, что шальная пуля размозжит им головы.

Боши, там напротив, находятся в таком же положении. Как немцы, так и французы слишком несчастны для того, чтобы желать друг другу зла. Общие невзгоды создают между ними большую близость, чем та, которая существует между ними и сидящими в тылу патриотами, призывающими их к мужеству и обогащающимися. И если бы пуалю могли понимать солдат кайзера, то они протянули бы друг другу руки.

Парапет в конце концов обвалился на Жака, который в течение нескольких минут не мог понять, что произошло. Засыпавшая ноги земля тяжела, как свинец; он напряг все свои мускулы для того, чтобы освободить из-под нее свои ноги, и в конце концов ему это удалось. Его вещи тоже засыпаны землей, и усилия, приложенные для того, чтобы вытащить их, окончательно лишают его сил и мужества. Он чувствует, что им овладевает невероятная усталость, шинель давит ему плечи, кожу на лице раздражает покрывающая ее грязь, руки горят.

Что делать? Шмидта нет. У него нет больше друзей. Не прогуливаться же ему по этой канаве после бессонной и такой мучительной ночи? Оставаться стоять здесь, с погруженными в воду и ноющими ногами, не иметь даже камня, чтобы присесть?

Нет, это слишком несправедливо. Он все же не заслуживает такой жестокой участи, он так мужественно выполнял свой долг и еще только что был счастлив. Солдаты вокруг него молчат. Неужели они до такой степени придавлены, что у них даже нет сил возмущаться, и они переносят все невзгоды, как лишившиеся сознания раненые? Ах! Чорт возьми! Неужели это никогда не кончится?

Безжалостное небо изливает потоки дождя на пустынную, равнодушную равнину. Жак, прислонясь к стенке траншеи, остается здесь стоять, дрожа от холода, с поникшей головой и повисшими руками. Вода мелкими ручейками стекает с его пальцев. Он чувствует, что его непреодолимо охватывает горькое чувство, как обиженного ребенка.

И никто не скажет, что струится по его осунувшемуся лицу — слезы или дождь.

*

Солдаты провели еще сорок восемь часов без прикрытия, стоя по колени в воде. А затем те, которых не эвакуировали из-за того, что у них отморожены ноги, разбежались из траншеи. Немцы последовали их примеру. Таким образом, установилось молчаливое соглашение, и офицеры не подавали виду, что они его замечают. Наконец пришла смена. Дождь идет только изредка. Солдаты до того обессилели, и грязь до такой степени одолела их, что, не будучи в состоянии с нею бороться, некоторые из них обрезывают полы шинелей. Дюкрок вырезал только перед, и его шинель приобрела оригинальный вид — хвост висит, как у сороки. Небо прояснилось, и тропинки покрываются тонким слоем льда. Солдаты идут, не торопясь, груп-

пами по нескольку человек. Затвердевшая обувь ранит их распухшие мокрые ноги.

Они подошли к лагерю, расположенному неподалеку от позиций. Их накормили горячей похлебкой, напоили кофе, и они тотчас же заснули, растянувшись на голом полу Адриановского барака.

Жак проснулся от холода. Он укутал ноги в брезент, набросил на себя одеяло и шинель, но промокшее сукно плохо защищало от холода. Некоторые солдаты пытались согреться, шагая по бараку. Несмотря на то, что Жаку хотелось спать, ему скоро пришлось последовать их примеру. Так как ему не удалось надеть ботинки на распухшие ноги, он совершал эту прогулку в одних носках. Но все же у Жака было хорошее настроение, потому что он сознавал, что сможет хорошо отдохнуть в течение долгих недель, и если бы ему не было так больно, он бы запел. Он снова лег, мечтая об объемистых охапках мягкой соломы и вкусной еде. Но даже во сне он бессознательно боролся с холодом, который пытался отнять у него крупицу счастья.

XVIII

Полк занимает в департаменте Эны более или менее спокойный участок. Небо после декабрьских снегов прояснилось. Ветер треплет проволочные заграждения, сталь ружья обжигает руки, патроны примерзают к обледенелому парапету, и замерзшая грязь скрепляет осыпающуюся землю. Траншеи кажутся необитаемыми, забившиеся за щиты караульные солдаты, одетые в кожу и меха, напоминают пещерных людей.

Жак возвратился из отпуска. Для того чтобы избавиться от нареканий, он несет караульную службу вме-

сте с товарищами. Во время четырех часов своего караула он прогуливается по всему участку. Долгие часы стояния на карауле приучили его думать. И когда он размышляет в мертвой тишине, ему кажется, что он достоин лучшей участи. Ему кажется, что если он останется в живых, то не будет уже таким же человеком, каким был раньше, и он инстинктивно ощущает необходимость облагородиться, поднять умственный уровень, вкусить от чистых и спокойных радостей, которые дает знание. Бесконечное небо говорит ему о суете человеческих страстей, о жалкой пустоте их тщеславия. Звезда на севере привлекает его внимание. Он ее знает: это роза Сада ночей; он поджидает ее появления каждый вечер, как ждут подругу. Она мигает и принимает то пурпуровый, то фиолетовый оттенок. Можно подумать, что у нее есть душа, можно сказать, что она живет и страдает.

Черный силуэт часового поворачивается и шепчет:

— Сержант, идите сюда, здесь что-то шевелится...

Жак с недоверием подходит. Ничего не шевелится. На снегу несколько черных пятен: пни, связки железной проволоки. Часовой дрожит: от холода, от страха?

«Он так утомлен, что все пляшет перед его глазами», думает Жак.

— Пойди пройдись, согрейся, я на несколько минут заменю тебя.

Но несчастный не решается отойти. Перед ним лежит револьвер и ручная граната — все необходимое, чтобы в случае чего покончить с собой.

— Закрой на минуту глаза, не всматривайся так пристально — и ты увидишь тотчас же, что около тебя ничего нет.

Как тихо кругом! Кажется, что жизнь остановилась.

— Сегодня вечером нечего ждать нападения, для этого слишком холодно.

— Сержант, вы никому ничего не скажете?

— Не беспокойся. Но почему, чорт возьми, тебя мучает такой нелепый страх?

— Не знаю. Я думаю, что во время наступления мне не было бы так страшно, особенно если бы я шел за вами.

— Ну что же, я возьму тебя с собой.

Жак горд своим превосходством. Его мужество возрастает. Ему кажется, что никогда больше он не будет испытывать страха, даже перед лицом смерти, и возможность быть убитым в данный момент совершенно не волнует его. Однако, ему знакомо чувство страха. Это внутренний неуловимый враг! Солдат, которого невозможно уничтожить. Он принимает всевозможные формы и атакует самым неожиданным образом. Во время бомбардировки вам кажется, что снаряд падает на вас, раздробляет на части и подбрасывает в воздух ваше тело. Этот страх незаметно закрадывается в вашу душу в продолжение длинных темных ночей, подрывает силы, отравляет мозг, заставляет бесконечно тянуться время, заставляет бешено биться ваше сердце. Этот страх под градом пуль доводит вас до безумия, заставляет вас броситься в первую попавшуюся яму или рыть ногтями землю. Этот страх парализует вас, когда нужно выйти из окопа, пригвождает вас к земле, когда нужно продвинуться вперед, и утраивает ваши силы, когда вы обращаетесь в бегство. В часы, предшествующие атаке, страх разъедает вашу душу, как ржавчина железо, и вы чувствуете себя близким к изнеможению. Это инстинкт самосохранения животного, не желающего умереть, который охватывает даже наиболее смелых, покрывает смертель-

ной бледностью их лица и заставляет сжимать скрюченными пальцами ружье. И люди внезапно чувствуют себя бесконечно слабыми против всего этого огня и железа, с ужасом думают о ранении, о том, что никто не придет к ним на помощь и что их оставят умирать на поле битвы. Рассудок борется против этого страха, одерживает верх, хотя лицо ничего не выдает, сердце продолжает бешено биться.

Страх этот в критический час заставляет страстно любить жизнь, цепляться за тысячу таких незначительных, но дорогих воспоминаний: место, где протекло ваше детство, солнечный и счастливый день вашей юности, в уютной комнате, склоненную под лампой голову... И тогда все ваше существо содрогается перед неизвестным, перед разверзающейся у ваших ног землей, перед направленной в вас пулей, перед чудовищным снарядом. Страх сбивает людей в кучу, подобно тому, как сбиваются в кучу овцы во время грозы. Страх этот, легко передающийся слабым, которого они не в состоянии скрыть, тайный, пробирающийся исподволь, является для солдат врагом на ряду со всеми другими: немцами, дождем, холодом, насекомыми и скукой. Прислонившись к стенке окопа, Жак прислушивается к той массе разнообразных шумов, которые может расслышать только его привычное ухо. Сначала — величественное молчание, затем — глухое гудение грузовиков, скрип рельс, отдаленный возглас: подвезли припасы. Целый мир, пользуясь благоприятной темнотой, выполняет здесь свое назначение.

Пулеметчик, неподвижно стоящий тут поблизости, тоже весь превратился в слух; он узнает все далекие шумы и, заметив волнение Жака, говорит:

— Весной здесь будет не очень приятно.

И действительно: мы снова начинаем готовиться к наступлению. Беспрестанно прибывающие снаряды образуют уже огромные пирамиды.

Инженерные части устраивают новые дороги для тяжелой артиллерии, территориальные части мостят дороги; к окопам подвозят огромное количество мин: строят колоссальные бараки с крышами, украшенными красным крестом.

Солдаты говорят о готовящемся наступлении с какой-то странной гордостью. Зараженные надеждой пуалю доверяют как самым невероятным, так и самым основательным слухам: Нивелль дал президенту Совета формальное обещание сломить неприятельский фронт и сегодня же вечером занять Лаон; англичане получили 600-миллиметровые орудия. Нам будут доставлены целые тысячи танков; еще немного — и во французской армии будет больше пушек, чем солдат, и на этот раз неприятельские силы будут сломлены и распылены.

Да, приготовления к новому наступлению идут полным ходом. Дивизия Жака участвует в больших подготовительных маневрах. Окопы, которые нужно будет завоевать, отмечены маленькими флажками, и кавалеристы, размахивая знаменами, симулируют заградительный и пулеметный огонь. Тема развивается с математической точностью: H+1; H+2+3, и так далее и так далее.

Каждый взвод разделен на два полувзвода. Первый — состоит из гренадеров и отдельных ручных пулеметчиков, т.-е. из наилучших солдат; во втором — простые пехотинцы.

Суровая зима кончается, и теперь стоит сырая погода. Жизнь не весела, развлечения редки, но все же недели бегут с неимоверной быстротой, и время проходит быстро.

Это потому, что большими шагами приближается весна, прячущая в свободных складках своей мантии не только мощный расцвет всей природы, не только возрождающуюся жизнь, но и невообразимые страдания и... смерть. И при мысли о том, что, быть может, им придется умереть еще до того, как успеют распуститься новые листочки, еще до того, как земля согреется под горячими поцелуями апрельского солнца, при мысли о том, что им придется умереть в то время, как все оживает, все цветет, в них зарождаются негодование и возмущение. После ученья, в часы отдыха Жак, которому хозяева разрешили пользоваться библиотекой их старшего сына, увлекается чтением. Он жадно глотает произведения Гонкуров, Рони, Гюи де-Мопассана. Он начинает находить прелесть в поэзии, которая до сих пор была ему чужда. Некоторые прекрасные, мелодичные сонеты он перечитывает до тех пор, пока не запоминает их наизусть.

Бодлэровские «Цветы зла» так чудесно выражают его отчаяние, что временами, когда ему становится особенно тяжело, он декламирует и чувствует при этом некоторое успокоение. «Будь рассудительной, моя тоска, держи себя потише!» Но горечь горести превозмогает разочарование и: «Моя тоска, дай руку мне и удалимся от них вдвоем...»

Пусть его товарищи волнуются, пусть орут, напившись на сеновале, пусть осыпают друг друга бранью; Жак, растянувшись на соломе, упивается рифмами: «Погляди, как склоняются прошедшие годы на галереях неба, в своих стареньких платьях».

Его характер изменился. Он уже не так общителен, как раньше. Он уединяется. Он переживает часы невероятной по силе радости. Случается, что он презирает все окружающее. Но иногда, увидев, что какой-нибудь солдат пишет

карандашом письмо, положив бумагу на походный мешок, солдат, у которого дома двое детей, карточки которых он показывает с наивной гордостью — девочка в локонах и толстенький малыш, — Жак чувствует, что его охватывает невыразимая нежность к этому неотесанному человеку, рука которого, повидимому, не привыкла держать карандаш, и который, по всей вероятности, пишет домой. Его обуревает жалость, великая жалость ко всем пуалю, и внезапно он начинает понимать, что связан со своими товарищами неразрывно братскими узами. Ему теперь становится понятно отчаяние, которое он читал во взгляде этого солдата накануне сражений, отчаяние отца, который бы так желал видеть, как вырастут его дети, который бы хотел научиться любить их еще больше, который знает, насколько он им будет нужен, и все существо которого противится смерти. Да! Конечно! Война — это нечто бесчеловечное и дикое, и против этого неумирающего инстинкта, против этого понятия, которое внушал своим детенышам пещерный человек, понятия еще более старого, чем понятие родины, против этого инстинкта бессильны великие слова, опьянение героизмом, старые традиции и старая ложь.

XIX

Глубокая и широкая Эна разделяет две армии. Часовые расставлены по обоим берегам. Настоящие линии окопов, хорошо укрепленных, благоустроенных и уютных, расположены значительно дальше.

Полувзвод Жака устроился на берегу реки, далеко от зоркого ока начальства. Немцы на другой стороне занимают маленький лес. Иногда можно видеть, как они идут по узким тропинкам. Днем все, кроме часового, дремлют,

Но ночному отдыху всегда грозит опасность нападения: немцы могут убить часового и совершенно неожиданно напасть на спящих. Поэтому маленький отряд бодрствует в продолжение всей ночи. Никогда не прекращается песня пулемета, и каждый раз, когда приносимые ветром звуки раздаются более явственно, обеспокоенному часовому кажется, что он слышит приглушенный шум весел. Тревога! Высоко взлетает ракета. Пехотинцы прячутся по темным углам. В воде отражается дрожащий свет. Какой-то немец, для очистки совести, стреляет. И снова все погружается в тишину и мрак.

Однажды вечером солдаты заметили на немецком берегу огни и красивые отблески на холмах. Что это обозначает? Каждый строит свои предположения. На следующий день, около полудня, приходит загадочный приказ: «Быть готовыми выступить с минуты на минуту».

Опять посыпались всевозможные гипотезы, но новый приказ кладет конец всем этим разговорам:

«Выступление назначено на 4 часа. Немедленно предлагается присоединиться к своей роте».

Солдаты поспешно укладывают свои мешки, и отряд двигается.

Встретившись с товарищами, они узнают о том, что немцы отступают. По всей вероятности, наше наступление будет грандиозным. Вот почему немцы уже удирают.

Рота вскоре выступает в путь и идет по траншейным ходам по направлению к Суассону. По узкому мосту, в полном мраке, они один за другим переходят Эну.

Неужели начнется новое наступление? Или, быть может, какая-нибудь атака снова отбросит их на берег реки? Они осторожно подвигаются вперед и устраиваются, как тому учила довоенная тактическая наука.

Далеко выдвинутые караульные вглядываются в темноту: ничего — ни звука, все неведомо и таинственно. Рассвет поднимается над трагическим пейзажем: дома Круйи, до сих пор пощаженные пушками, взлетели на воздух от взрыва мины, вишневые деревья и яблони, у которых уже стали набухать почки, обломаны на высоте человеческого роста, наиболее крепкие стволы отмечены глубокими трещинами. Лишенный коры лес как бы оплакивает смерть деревьев. В великолепном парке замка, где истекают кровью вековые деревья, красуется надпись: «Французы, восхищайтесь!» Над одним из кафе огромными буквами написано: «Господи, накажи Англию. 1914 — 1915». Весь Суассонский департамент разрушен, бесцельно, бессмысленно... Нигде ничего не уцелело. Ах, негодяи! Они делали зло из любви к злу, из садизма. Инстинкт мести просыпается в пуалю, которые с возмущением смотрят друг на друга. Ах, мерзавцы!

— Офицеры, к капитану!

Бозей разложил карту на сырой траве.

— Неприятель, повидимому, отходит на заранее приготовленные позиции, расположения которых мы еще не знаем. Поэтому необходимо будет продвигаться с осторожностью, взвод за взводом, дистанция — сорок шагов, под прикрытием двух передовых патрулей, с которыми вы должны будете держать связь. Приблизительно в пяти километрах слева будут каменоломни, направо — ферма Су-ля-Периер. О дальнейшем нам будет сообщено. Вперед! В путь! Феруль командует правым патрулем.

Солнце рассеяло туман, разорванные клочья которого тают на горизонте. Небо покрыто дымкой, но, несмотря на это, утро ясное, и краски ярки.

Жак заходит в густые кусты, спускается в глубокие

овраги, карабкается по крутым тропинкам. Он узнает направление по компасу и внимательно оглядывается кругом, опасаясь засады. Поднявшись на вершину холма, он видит участок невспаханной земли. В ста шагах проволочные заграждения, за ними траншея. Есть ли в ней кто-нибудь? Жак ползком пробирается вперед, ежеминутно останавливается, всматривается, прислушивается. Если он выдаст себя неловким движением — смерть. Он в нерешительности. Сердце его бешено бьется.

Но вдруг он замечает, что левый патруль спокойно продвигается вперед. Он продолжает свой путь более уверенно и быстро. Земля, по которой он ступает, в продолжение трех месяцев находилась под пятой неприятеля, и сегодня он как бы покоряет ее, бодро шагая вперед. Их обгоняет французский аэроплан, который летит совсем низко. Пилот наклоняет голову, Жак салютует ружьем. Оба солдата отдают друг другу честь. Неужели эта весна будет весной победы и этот год — годом мира? 1917!

Немцы, признав свое поражение, отступают на всем фронте, неприятель освобождает землю Франции. Жак дрожит от энтузиазма, ему хочется расцеловать своих солдат. Вперед! Вперед! Они перелезают через проволочные заграждения, спускаются в оставленные неприятелем окопы. Вперед!

Остальные взводы роты не поспевают за ним и несколько отстали; для того чтобы не потерять с ними связи, Жак располагает своих солдат цепью. Ферма еще не видна, но до нее, вероятно, уже недалеко. Жак хочет занять ее первым.

— Прибавьте шагу, нужно торопиться!

Они почти бегут, но вдруг останавливаются, как вкопанные. Перед ними внезапно вырастает скрытая раньше за выступом холма ферма; с башней, огромной двустворчатой

дверью и высоким каменным забором — она скорее похожа на укрепленный замок, чем на современную крестьянскую постройку.

Не спрятались ли в ней немцы? Жак оглядывается. Кроме него добежали сюда еще только двое солдат. Втроем они устраивают совет.

— Конечно, они нам дадут подойти поближе для того, чтобы легче было в нас целить.

— Что ж! Тем хуже!

Театральным жестом Жак вынимает из кобуры автоматический револьвер и уверенным шагом идет вперед. Ферма расположена несколько в стороне от шоссе, и он сворачивает на узкую, заросшую травой дорогу, по которой теперь уже не ездят крестьянские повозки. Он подходит к дому, но над таинственно запертой дверью он замечает тихонько раскачиваемую шкурку кролика. Левый патруль опередил их.

— Ах, подлецы!

— Маршан, пойди к капитану и передай ему, что мы достигли фермы Су-ля-Периер и что мы в ней устраиваемся.

Жак еще не успел обойти вокруг здания, когда подошло подкрепление: состоящий из десяти человек отряд под командой сержанта Жанена.

— Вот это от капитана.

«Сержанту Ферулю от капитана Бозей. Мы получили известие, что в наших кавалеристов стреляли близ винокуренного завода у Пон Руж (на перекрестке дороги).

Есть предположение, что это дело рук нескольких немецких велосипедистов. Проверьте это сообщение и, если неприятель окажет сопротивление, приостановите продвижение и начните рыть окопы».

— Вот это называется войной, старина! Отправляешься на поиски приключений и стараешься обмануть неприятеля. А потом делаешь, что тебе угодно.

Маленький отряд идет по шоссе, поперек которого немцы, для того чтобы задержать наше продвижение, сложили срубленные деревья. Вскоре они догоняют спешившихся кавалеристов — спаги.

— Здорово, братцы!

— Значит, теперь очередь за кавалерией? В вас, кажется, стреляли из винтовок у Пон Руж?

— Из винтовок? Ничего подобного! Из пулеметов. В винокуренном заводе засела, по меньшей мере, целая рота бошей. Если не хотите сложить свои головы, поворачивайте назад. Еще несколько шагов — и они нас увидят.

Земля здесь образует крутой склон. Сейчас они находятся на самом высоком пункте, с другой стороны оврага отлогость, и по ней идет дорога к Пон Руж, до которого теперь осталось не больше полуторы тысяч метров.

Решено, что Феруль с тремя солдатами отправится на разведку, тогда как Жанен и остальные подождут здесь, не теряя, однако, из виду разведчиков. Скрытые ветками сваленных деревьев, они быстро подвигаются вперед и зорко оглядываются кругом. Все спокойно и имеет такой вид, что они начинают думать, не обманули ли их кавалеристы. Теперь уже довольно хорошо видны винокуренный завод, фабричный корпус, окружающий его лесок и вырытые вокруг него траншеи, но все еще царит полная тишина, и кругом не видно ни души. Жак, однако, не вполне доверяет этому спокойствию. Для того чтобы посмотреть и разузнать, достаточно и двоих, и поэтому он решается пойти дальше, взяв с собой только одного из пуалю.

Они пробираются между ветвей деревьев, ежеминутно останавливаясь, вглядываясь и прислушиваясь. От траншей их отделяет расстояние не больше ста метров. Вдруг солдат схватывает Жака за руку.

— Посмотрите... Вот там...

Жак ничего не видит.

— Там, там... Они, боши...

И действительно; немецкие солдаты в походной форме один за другим пересекают лесок и исчезают в отверстии траншейного коридора, ведущего в окопы.

Жак и его товарищ начинают считать. 18 человек, а сколько еще есть, которых они не видели!

— Нас заметили, старина. Придется удирать осторожно. Они поворачивают назад и через несколько минут замечают Жанена, который со своими людьми спокойно, не подозревая того, что немцы так близко, идет им навстречу.

— Что за дьявольщина! Как тут быть?

Потеряв их из виду, сержант Жанен, вероятно, подумал, что они благополучно достигли Пон Руж. Его отряд теперь находится на расстоянии не более четырехсот метров от неприятеля, который ничем не выдает своего присутствия, очевидно, желая подпустить их поближе. Да, совершенно ясно: они попадутся в ловушку или же дадут себя перестрелять.

Жак, рискуя быть настигнутым пулей, высовывается из-за служащих ему прикрытием деревьев и, не замечая того, что ветки хлещут его по лицу, старается обратить на себя внимание кого-либо из маленького отряда.

При каждой остановке он делает им отчаянные знаки и вполголоса кричит:

— Ложитесь на землю!

Но Жанен ничего не видит и не слышит.

— Берегитесь! Пулеметы!

Наконец-то Жанен их увидел. Жак начинает выразительнее жестикулировать и кричит:

— Ложитесь, чорт бы вас побрал!

Не сознавая опасности, солдаты не спеша растягиваются на земле.

Еще минута, и Жак подбегает к ним.

— В чем дело?

— В том, что вы помешались. В окопах полным-полно фрицев. Если бы они захотели, они бы вас уже сотню раз могли укокошить. А не стреляют они, вероятно, потому, что готовят какой-нибудь приятный сюрприз.

— Пойди посмотри, что делается по ту сторону дороги.

Тишина как будто стала еще более напряженной и угрожающей. Капрал возвращается назад ужасно взволнованный.

— Нас окружили, боши приближаются по траншейным ходам.

При этом известии солдаты разлетаются, как стая воробьев, и их невозможно остановить. Затрещали ружейные выстрелы, заглушаемые изредка пулеметами. К счастью, пули падают низко, и видно, как каждый раз земля взлетает в воздух. Жак кричит изо всех сил:

— Бросайтесь все в придорожный ров!

Никто не слушает его. Правда, трудно услышать друг друга в этом ужасающем шуме. Никто из солдат не ранен; паническое бегство продолжается... Жак задыхается и с трудом продолжает путь.

Отряд несколько приободрился. Вдруг грозный свист укладывает солдат на землю, как марионеток. Воздух еще дрожит от грохота взрыва, а солдаты уже поднялись и бегут от смерти. Батарея 150-миллиметровых орудий взяла их

под обстрел, и вскоре снаряды начинают падать в бегущих. Не видно ни оврагов, ни окопов, где бы можно было укрыться. Снаряды образуют в мокрой земле большие воронки. Жаку и его людям иногда кажется, что снаряд попадет в них прежде, чем успеет разорваться, и они содрогаются всем своим существом.

Они пробежали уже более восьмисот метров, и пот крупными каплями стекает по их лицам. Более сильные опередили слабых, которые едва волочат ноги и подвигаются только тогда, когда их подгоняет приближающийся грохот. Пулемет замолк. Клубы дыма поднимаются к небу. Никто не ранен. Все же необходимо остановиться. Жак решил опередить их и, разыскав какое-нибудь прикрытие, преградить им дорогу. Сделав отчаянные усилия, он собирает остатки сил и бросается бежать. Сердце его бьется бешеным темпом. Он ничего не слышит, ничего не видит. Все его тело изнемогает от усталости, но дух торжествует. Он продолжает бежать, обгоняет наиболее сильных, достигает вершины склона, оставленного кавалеристами, которые бежали, опустив поводья. На противоположном склоне остатки разрушенной траншеи в случае необходимости могут служить прикрытием. Жак поворачивается, протягивает руки и кричит изо всех сил:

— Стой! Сбор в траншейном ходу. Все сюда!

Жанен передает приказ. Солдаты подходят один за другим, обессиленные, и, как загнанная дичь, валятся наземь в канаве.

— Мы находимся вне поля зрения артиллеристов. Это уж чего-нибудь да стоит.

Батарея, переводящая свой прицел на все более дальнее расстояние, наконец начинает обстреливать участок, расположенный далеко позади разведчиков.

Опасность миновала. Никто не пострадал. Солдаты смотрят друг на друга с видом победителей, из их уст срываются слова, поносящие врага.

*

Несколько спустя, после беспорядочного боя, перипетии которого известны только тем, кто в нем непосредственно принимал участие, третий батальон занял Пон Руж.

Немецкие батареи направили все свои орудия на этот клочок земли, на немногочисленные кирпичные постройки, вскоре рухнувшие, и винокуренный завод стал служить кладбищем.

Наступила плохая погода. Идет холодный смешанный с снегом дождь. Люди устраиваются, как кому удается, в крытых каменоломнях Суассона, а чаще в вырытых ими самими окопах. Наконец прибыли подкрепления. Батареи, до сих пор установленные просто в поле, выстраиваются. Неприятель начинает обстрел; продвижение теперь происходит с небольшими перерывами, которые становятся все продолжительнее. Снова начинается старая война, нелепая, грязная и безрадостная.

В Пон Руж, все еще обстреливаемом, части сменяются через короткие промежутки времени. Изредка в окрестностях какая-нибудь рота бросается в атаку продвигается на три сотни метров вперед и кладет начало новой линии окопов, той самой, которая, обведенная красным, вскоре будет фигурировать на карте военных действий.

Когда приходит смена, солдаты уходят с лопатами за спиной и начинают рыть окопы; потом их снова отправляют на передовые позиции, и так без конца.

Насекомым раздолье. Уже в течение двенадцати дней солдаты ни на минуту не раздеваются, не могут сменить белья, и вечером, когда они вытягиваются на своем холод-

ном ложе, они чувствуют, как просыпающиеся отвратительные, ненасытные вши ползут по их грязной коже. При каждом посещении врачу приходится эвакуировать тех, кто заболел бронхитом или дизентерией.

В полувзводе Феруля числится один несчастный солдатик из северных провинций Деробель, заразившийся во время своего отпуска от проститутки с Восточного вокзала. Он возвратился на фронт с ярко выраженной гонореей. Старший врач задал ему хорошую головомойку, надавал ему пилюль и послал обратно в полк:

— Если бы эвакуировали всех венериков, эти свиньи нарочно бы старались заразиться, для того чтобы удрать с позиции. Отправляйтесь на фронт, отправляйтесь поживее!..

Ужасно страдая и худея с неимоверной быстротой, несчастный нес свою службу так, как мог, несмотря на то, что был абсолютно неспособен не только сражаться, но и просто выполнить какое бы то ни было поручение. Вначале товарищи терзали его своими насмешками, но в конце концов они его начали жалеть, и тогда мишенью для их острот стал... врач:

— Возможно, что у него есть все основания для того, чтобы получить патент на право торговли табаком, поэтому он с нами совершенно не церемонится.

Однажды утром Деробель не вышел из ниши, так как не в состоянии был подняться со своего ложа. Фельдшер нашел, что его нужно эвакуировать, и его унесли на носилках, как раненого героя.

■

Смена пришла совершенно неожиданно. Батальонный командир и полковник остались на передовых позициях

для того, чтобы отдавать приказания. Капитан, бывший офицер запаса, принял командование и назначил сбор у перекрестка дороги Круйи. В действительности потери были невелики: несколько раненых, пятеро убитых во втором батальоне и только в третьем серьезный урон. Две пулеметные части еще не успели подойти. Их, повидимому, во что бы ни стало следует разыскать. Разместившись кое-как, солдаты разыскивают товарищей, здороваются с ними. Все время ждут.

— Куда они запропастились?

— Ну их к чорту! Что мы будем здесь делать?

Собралась группка певцов со своим запевалой. Феруль и Шмидт, чтобы убить время, ходят взад и вперед.

Канонада как будто приближается, и к ней прислушиваются уже с некоторым беспокойством. Как всегда по вечерам, неприятель на фронте обильно «поливает» дороги. Внезапно разрывается снаряд над кружком поющих и слушателей. Видно пламя, слышен ужасающий гул, отчаянные крики. Те, кто не пострадал, спасаются бегством, увлекая за собой остатки батальона. Составленные в козлы ружья падают под бешеным натиском объятых ужасом людей. Да, солдаты согласны были оставаться под огнем на фронте, но не здесь, не после смены, когда следовало бы быть уже далеко, за пределами досягаемости пуль, как будто так необходимо здесь сидеть и поджидать сбившихся с пути товарищей.

На дороге, на том месте, где произошел взрыв, высится бесформенная груда человеческих тел. Самый губительный по силе разрыв снаряда, — это разрыв на камне. Полковой командир, который понимает, что виною этому — его преступная недальновидность, жалобно повторяет своим скрипучим голосом:

— Спасайтесь, спасайтесь, боже мой, и так достаточно погибших!

Шмидт, Феруль, Турлон, санитар и еще несколько опытных товарищей пустились бежать в поле, потому что снаряды обычно преследуют беглецов по дорогам.

Слышатся стоны раненых, нетерпеливые и умоляющие. Спускаются сумерки. Жак приближается дрожа. На дороге в липкой крови валяются отдельные части тела. Несчастные, раны которых нужно искать ощупью, испускают ужасные стоны. Тут есть живые, которых не отличить от мертвых, и есть трупы, к которым обращаешься с вопросами.

— Погасите фонари, чорт возьми! Вам кажется, что слишком мало жертв?

Перевязывать раны приходится в полной темноте. В отчаянии Жак констатирует, что он абсолютно не способен быть полезным: вид крови и ран вызывает у него головокружение. Он увлекает своего друга:

— Пойдем, пойдем отсюда! Я, право, больше не могу, пойдем со мной.

На совести у капитана смерть восьми солдат, которые еще несколько минут тому назад, желая прогнать скверное настроение, распевали песни, потому что, торжествуя над ударами судьбы, в них била ключом молодость. Восемь убитых; а сколько раненых, сколько искалеченных, сколько умирающих?

XX

А п р е л ь 1917 г о д а. — Полк на четыре дня остановился в деревне: он получил подкрепление и амуницию и отправился по направлению к Фимам и Бренн, откуда французы предполагали повести грандиознейшее наступление.

Амуниция сложена вдоль рельс железной дороги. Здесь можно видеть снаряды и орудия всевозможных калибров. Люди, как муравьи, работают день и ночь.

Пехотный полк с трудом прокладывает себе дорогу. Все находящиеся здесь увлечены грандиозностью происходящего и чувствуют себя ничтожными частицами, захваченными этим колоссальным движением. Личность стушевывается, исчезает. Вдавленные в землю Адриановские бараки, совсем черные под своей просмоленной крышей, предлагают пехотинцам ненадежный приют и грязную солому.

Освобождайся от тяжелой ноши, товарищ, отдыхай до следующего похода, пользуйся случаем. Немного времени пройдет и под безжалостным небом, на земле, кажущейся твоему измученному телу еще более твердой, в ожидании угрожающей тебе смерти, ты пожалеешь о скромном гостеприимстве этих плохо защищенных бараков, с прорванной бумажной крышей. Скоро ли? Где и когда? Где? Не все ли равно. Когда? Как можно раньше.

— Феруль, тебя ищет какой-то артиллерийский офицер.

Жак вскакивает со своего ложа. Оба брата обнимаются. Нет конца вопросам.

— Что поделывает Робер? Ты его видел? Где он?

— Он находится неподалеку от Краонны, и я боюсь, что ему тоже приходится участвовать в наступлении.

— Но в таком случае, каково протяжение этого наступления?

Оно начинается у Реймса и кончается у Суассона.

— И ты полагаешь, что его результаты будут благоприятными?

— Да все ведь, кажется, так думают, а главным образом те, кто участвовал в подготовке к наступлению у Соммы и Вердена. На этот раз кое-что изменилось.

Солдаты окружают их и прислушиваются, любопытные, жаждущие объяснений и больше всего — ободрения.

— Наши батареи выстроились у самых передовых линий. Мы пойдем в атаку у Супира вместе с недавно причисленным к нашей дивизии батальоном сенегальцев.

Офицеры надеются быть в Лаоне еще сегодня вечером. Солдаты охвачены нетерпением и гордостью. И под влиянием офицерских разговоров, они опасаются, что неприятель откажется от боя и отойдет в тыл.

Фернан Феруль получил от капитана разрешение увести своего брата завтракать с условием, что он вернется как можно раньше, так как приказ о выступлении может быть получен неожиданно.

Жак сидит за столом с офицерами автомобильной части, обслуживающей тяжелую артиллерию. Полковник, подполковники и поручики с любопытством разглядывают его. Он — тот, кто завтра со штыком в руке пойдет на врага, он — тот, кто завтра встретится лицом к лицу с бошами, тот, кто убьет или будет убит. Жак сознает свое трагическое превосходство, и между ним и его соседями устанавливается нечто вроде особой боевой иерархии. Сладострастие опасности, гордость риска снова окутывают душу пехотинца своими ядовитыми чарами. Жак входит в роль, и для него перестает существовать все, кроме Наступления, Славы и Смерти. Все инженерные территориальные войска, генеральный штаб, весь обоз, — все это здесь для того, чтобы служить ему, чтобы очистить ему путь, — ему, Жаку, простому солдату, не чувствующему своих отяжелевших ног, ноющей спины, бренного тела. Оба брата вернулись в полк. Нагнувшись над разостланной на столе картой (масштаб 5/1000) подполковник развивает план наступления.

Феруль со своим полувзводом выступает первым в х часов без двух минут.

— Советую вам не итти по дороге, где вы рискуете попасть под огонь пулеметов. Вы будете продвигаться со скоростью трех километров в час, не больше, но без остановок. Заботу о пленных оставьте тем, кто последует за вами. Через два часа привал у фермы Супир. Там мы восстановим связь.

Раздают зажигательные гранаты. Фернан Феруль наблюдает за этим, как завороженный.

Полк провел четыре дня в ожидании наступления, которое ежедневно откладывалось на завтра. Обоз направляется к Супиру. Жак узнает тот пункт, откуда ему предстоит двинуться, и он мечтательно разглядывает вспаханное поле, по которому он пройдет ничем не защищенный.

*

15 апреля 1917 года. Ясное весеннее утро. Дымки, образуемые направленными в пролетающие аэропланы снарядами, сливаются в лазурном небе с барашками легких перистых облаков. Тяжелые орудия делают не торопясь свое дело! Пехотинцы еще раз проверили содержимое своих мешков.

Чудесный день, такой свежий, новый, обещающий столько радостей! Молодежь, несмотря ни на что, чувствует, что ее душа сливается с юностью всего существующего, земли и пространства.

Жаку необходимо побыть одному, и поэтому он поднялся по склону горы. Его мускулы жаждут движения, и, стоя на вспаханной земле, он открывает объятия утренней свежести.

Звонят колокола, их задушевные, нежные, рассыпающиеся звуки доносятся из долины и заглушают глухой шум сражения. Эти скромные деревенские колокола звонят для того, чтобы напомнить солдатам далекие колокóла их родной деревни. Их волнующий чистый звук заставляет солдат перенестись к себе на родину, в те места, которые им в действительности, быть может, уже никогда не придется увидеть.

Жак думает:

«Эти колокола призывают, гремят изо всех сил, но пусть это будет в последний раз. И вы, дорогие мне колокола наших сельских местностей, не забывайте нас. Звоните немного вечером, когда старые колокола, усталые и печальные, будут отдыхать в своих каменных нишах, присоедините и ваши голоса к глухому и печальному похоронному звону».

Отправиться нужно будет сегодня в восемь часов вечера. Оба брата прогуливаются. Это их последняя беседа. Жак нервничает, Фернан настроен грустно, так как сержант Лило, большой пессимист, рассказал ему о своих черных предчувствиях.

Их мысли наполняют тишину последней встречи, и все обыденные разговоры в этот великий час были бы лишними. Готовые сорваться с их уст, подымающиеся из глубины сердца слова слишком тяжелы и торжественны для того, чтобы хватило сил их произнести. Наступающие сумерки способствуют слиянию их душ.

У бараков оживление возрастает.

— Видишь, уже время.

Они обнимаются. Жак сжимает в объятиях своего брата, который сильно вздрагивает, и он чувствует, что Фернан — более слабый, более покинутый из них...

Он обнимает его в последний раз еще крепче и вкладывает в этот последний поцелуй последнее «прости» всем своим.

16 апреля 1917 года. Этой ночью тысячи солдат немыми процессиями шествуют по пути к своей Голгофе, подобно несущим тяжелую ношу муравьям, которые падают при каждом препятствии, вырастающем перед ними на пути к муравейнику.

Дороги? Они все одинаковы: размытые, разрушенные, темные, параллельные. Процессии? Они все одинаковы: длинные и медленно разворачивающиеся нити. Люди? Все одинаковы, стремящиеся преодолеть силу притяжения земли, — поднимающие взор только для того, чтобы определить, в каком месте зажигаются короткие огни выстрелов. Чудовищная тайна. Для того, чтобы достигнуть гавани, для того, чтобы получить право умереть, необходимо столько выстрадать неспокойной душе, истерзанному и истомленному телу. Необходимо падать в вырытые снарядами воронки, падать, подниматься, бежать, останавливаться, изнемогать под тяжестью амуниции, бояться отстать, потерять свою часть; необходимо ложиться в грязь, услышав шум взрыва, необходимо вдыхать отравленный газами воздух — необходима вся эта сумма страданий для того, чтобы спасти родину.

В эту ночь, в то время, когда страдая стонут тысячи людей, Монмартр ослепительно сверкает. «Фоли Бержер» переполнен проститутками, сутенерами и спекулянтами. Для того чтобы разжечь возбужденных самцов, обнаженные женщины выставляют безупречные груди и ноги. Шикарные кокотки появляются в роскошных туалетах, мехах и драгоценностях, легко доставшихся им от военных поставщиков. Оркестр начинает играть томное танго, пары

танцующих обнимаются, весело выскакивают пробки шампанского, в то время, как там юный солдат умоляет, чтобы ему дали глоток воды, а какой-то раненый в ужасных мучениях дотащился до воронки для того, чтобы хлебнуть немного застоявшейся там заплесневелой воды. Париж иллюминируется, но там, по направлению к Шмен-де-Дам невидимое небо опускается на людей, как будто для того, чтобы их раздавить. И, блуждая этой ночью до самого рассвета, которого они не замечают, задевая касками балки закрытых коридоров, как стадо, погоняемое бичом пастуха, они тянули свою лямку. Вот, наконец, передовые линии. Небольшой пост, который Феруль должен был занять, находится под обстрелом наших орудий. Солдаты размещаются, как могут. Жак, желая ориентироваться, подымается на парапет. Совсем близко от его головы пролетает пуля. Побледнев, он спрыгивает на согнутые спины товарищей. Значит, еще не всех их уничтожила, несмотря на свое обещание, наша артиллерия, ведь они еще стреляют. Бомбардировка продолжается, хотя и несколько слабее. Немцы не отвечают. А час х еще неизвестен. Тем хуже. Тем лучше.

Неожиданно показывается капитан. Его щеки прорезают широкие черные полоски стекающего пота, глаза его выступили из орбит, как у сумасшедшего.

— Феруль, час х — 6 часов. Сейчас без пяти минут.

Озноб охватил Жака.

— Стройся! Вперед! Вы готовы? Время выступать!

Он берет свой револьвер и дрожа взбирается на парапет. От этого усилия ему стало легче.

— Марш! Марш! Вперед!

Отверстие в проволочных заграждениях, как раз против них. Они проходят через него. Туман застилает глаза.

В ушах шум. До них ясно доносятся крики и неправдоподобно громкий голос капитана:

«За Францию! За Францию! Вперед!»

Жак движется. Да, движется. Неприятельские позиции подернуты дымкой. Из свеже разрыхленной земли подымается запах серы.

Он подвигается вперед и лучше себя чувствует. Теперь у него появляется необычайно отчетливое представление о малейших неровностях почвы. Странно. Он спокоен. Он себе представлял, что он один в поле. Но он замечает, что с правой стороны, насколько может охватить глаз, по склонам гребня тоже движутся солдаты. Справа — одетые в более темную форму стрелки, позади него еще солдаты. Ротный Бозей шагает рядом с ним, опираясь на палку.

— Ваш револьвер. Возьмите револьвер.

Капитан заливается безумным смехом.

— Возьмите револьвер. Там есть еще боши. В меня только что выстрелили из ружья.

Пройдено уже сто метров, и пока не слышно ничего, кроме сухого треска наших орудий. Вот, без сомненья, оставленная немцами траншея: валяются куски сморщившейся кожи, заржавленное и изогнутое оружие. Они находятся почти на вершине откоса. Заглушенный треск пулемета. Немецкого, французского?

Жак яростно обыскивает взглядом хаотичное скопление мешков с землей и различных материалов, в которых он угадывает разрушенную траншею.

Кто-то кричит нараспев. «Гранаты... Осторожно... Гранаты!..»

Многочисленные взрывы, затем невыносимый треск пулемета... совсем близко... Жак смутно видит, как кружатся в воздухе брошенные гранаты, и прижимается ли-

цом к земле. Окутанный дымом, он боится сделать малейшее движение.

А остальные? Что они делают? Теперь у него в памяти всплывают крики. Он вспоминает, что получил удар в область почек. Пулеметы «поливают» землю, как мощный луч прожектора. Гранаты падают несколько реже.

Доносится голос:

«Раненые, не двигайтесь».

Капитан ранен. У Жака спирает дыхание. Кончено, кончено. Он никогда не вернется, у него обожжено бедро. Из какой-то дыры товарищ делает ему знаки Он ползет к нему, как краснокожий.

— Ах, мерзавцы! Как они нас угостили!

— Много убитых?..

— Я думаю, все из службы связи. Капитану очень скверно, у него целая горсть пороху в бедре.

— У меня сзади ничего нет?

— У тебя брюки в крови.

— Не может быть? Значит, я ранен.

— Конечно, но подожди, пока стихнет, потом пойдешь на пункт.

— Не беспокойся.

Пули периодически пролетают над их дырой, и тогда они замолкают, пряча голову в мягкую вонючую землю.

— Боши засели в укрепленном месте. Я *их* видел. Я предупреждал относительно гранат.

— Который час?.. Что нам делать? Рядом, быть может, продвигаются?

Жак не дождется момента, когда можно будет бежать. Бой немного стихает. Проносят капитана с развороченным бедром. Солдаты переговариваются друг с другом.

Узнают убитых, лежащих на открытом месте, неподвижных и пронзенных пулями.

Немцы в форте стали более осторожными. Влево поднимается колонна пехоты. Жак набирается смелости. Он ползет от одной воронки к другой и, наконец, останавливается возле Бернара, который чистит ручной пулемет.

— Если бы пробраться туда, сержант, мы бы заняли их коридор.

— Что ж, пойдем.—Он стреляет по солдатам, которые пытаются удрать. Положение улучшается. Вот и лейтенант. Пулемет, у которого нехватило больше дыхания, умолк. Затем на неприятельских позициях наступила тишина.

Наши продвигаются со всех сторон. Белый платок подымается на дуле ружья. Они сдаются.

— Я ухожу, лейтенант.

Жак осторожно возвращается в траншеи, откуда последовало наступление, и где теперь находятся запасные части, предоставляя товарищам из полка делать их тяжелое дело. По дороге, в парке замка Супир, он попадает под перекрестный огонь и после поверхностной перевязки на санитарном пункте присоединяется к бесчисленному шествию раненых.

*

Огромный флаг с изображением красного креста беспрестанно колышется. И это волнующее колыхание, в утро битвы, взывает о милосердии. Вот дальнобойные орудия с огромными снарядами, тут черные аэропланы с чудовищными бомбами, вот разнесенное в клочья человеческое тело, вот солдаты, переставшие уже быть опасными для немецкой родины и превратившиеся в дергающихся марионеток. Не стреляйте!

И большой флаг на башне замка, кровавый крест которого виден со всех концов холма, колышется для пехотинцев, для артиллеристов, разрозненных жалких обломков, которых сражение, подобно разбушевавшемуся морю, выбросило на берег. И солдаты на костылях тащатся по развороченным дорогам и тропинкам и по вспаханному полю. Они приходят небольшими группами, оборванные, грязные, в лохмотьях, с красными, все увеличивающимися пятнами на перевязках, теряющие капли крови — зерна четок. Можно подумать, что это изнеможенные странники, стремящиеся к дающему чудесное исцеление источнику.

И санитарные автомобили — вот этот быстро мчащийся, спешащий опять уехать за новой партией; тот, подвигающийся медленно и осторожно,—также направляются к этому оазису милосердия. Двор и все проходы загромождены носилками. Неподвижные тела накрыты шинелями, и санитары очищают от засохшей грязи поблекшее золото нашивок. Этих перевяжут сейчас, тех — после. Врачи перегружены. Слишком много раненых, и недостаточно врачей. Могущие самостоятельно передвигаться настаивают, чтобы их перевязали, крадя очередь у товарищей, которые стонут на носилках. Окровавленные повязки быстро снимаются, несмотря на крики боли. Кучи испачканных бинтов все растут. Один из врачей возмущается:

— У тебя ничего нет, кроме царапин, мерзавец, возвращайся в свою роту!

Какой-то сержант шумит у эвакуационных тележек:

— Где твое свидетельство о столбняке? Пойди, дай себя поцарапать, ты потом вернешься. Ничего не поделаешь, уверяю тебя.

А повозки все приезжают. Сопровождающие их санитары ищут свободных носилок. Их больше нет. Видно, как санитары подходят во дворе к раненым, приподымают шинели, вглядываются в лица и иногда опрокидывают носилки. Раненый вываливается на землю. Он больше не нуждается в помощи. Очутившемуся посреди этой толкотни Жаку кажется, что он здесь лишний, и что так как он ранен легко, то должен уступить место тем товарищам, положение которых серьезно. Его почти против воли отправляют в операционную. Узкие столы с никкелевыми ручками, на которых извиваются от боли страдающие люди, имеют вид демонических орудий пытки. Тут счищают догола кожу с черепа — пациент подскакивает, испуская глухие стоны. Там прочищают тампонами ваты ужасную рану на руке, солдат ворочает вытаращенными глазами, он весь — страдание, страх. Вот лицо трагическое и неподвижное, не реагирующее на движение ножа, режущего тело.

Жак, убедившись в том, что его рана не опасна, становится в очередь и, спустив брюки, терпеливо ожидает, в то время как фельдшер беспрерывно впрыскивает раненым противоядие от столбняка.

Несколько неглубоких порезов, несколько осколков гранаты, застрявших под кожей — вот и все. Эвакуации в центр Жак предпочел лечение в полковом лазарете. Он живет в палатке врача, и все известия о сражении доходят до него в совершенно искаженном виде. Дивизия продвинулась на семь километров, захватив орудия и пленных; потери были очень серьезны, в особенности вначале. Через неделю он увидел капитана, который хотя еще немного хромал, но вернулся к исполнению своих обязанностей.

Полк расположился в оставленной жителями деревне, близко от передовых линий, потому что смена задержалась.

4 мая, атака там вверху возобновилась с удвоенной силой и с еще более относительным успехом. Последние части дивизии, не пострадавшие 16 апреля, на этот раз оказались в очень скверном положении. Солдаты ни на что не надеются. Теперь они знают, что наступление окончилось большой неудачей. Командование сделало непростительные ошибки, за которые тысячи товарищей заплатили своей жизнью. Они по слухам знают, что в направлении к Краонне наступавшие войска были прикончены еще прежде, чем успели подойти к передовым позициям неприятеля. Их уверяют, что Шмен де-Дам — ад, и между ними распространяется слух, передается из уст в уста и, наконец, подтверждается, что придется итти в этот ад. Они возмущаются, затем в конце концов постепенно привыкают к этой мысли и принимают ее с покорностью.

Выступить приказано завтра.

Офицеры утверждают, что пребывание на передовых позициях продолжится не больше сорока восьми часов, потому что нам придется сменить уставших товарищей только на время, пока подойдет свежая дивизия. Перед выступлением унтер-офицеры опорожняют в кабачке последнюю бутылку вина.

Показывается перегруженный письмами и пакетами обозный.

— Послушай-ка, старина, выпей стаканчик.

Он на ходу достает из кипы бумаг адресованную сержантам корреспонденцию.

— Вот, Феруль, получай, тебе телеграмма.

Жак неловко, торопясь, вскрывает ее.

Наступило молчание.

По внезапно изменившемуся выражению его лица можно догадаться, что известие неприятное. Он стоит, не двигаясь, с глазами, прикованными к голубому прямоугольнику, и сдавленным голосом шепчет:

— Мой брат — не тот, которого вы знаете... из стрелкового полка... у него двое детей... Неподалеку от Краонны 17 апреля.

Он выходит. Голова его горит, мысли путаются. Он уже вышел за пределы деревни. Телеграмма, которую он все снова и снова перечитывает, лаконична.

«Робер убит 17 апреля. Приезжай. Мама».

Робер убит. А он, эгоист, даже и не думал о нем, хотя и знал, что он в опасности. Он смеялся в то время, как несчастье уже коснулось его.

Нужно двигаться. Он пошел лугом, ничего не видя, натыкаясь на комки сырой земли.

«Робер... Папа... Мама... Ох...» Тихий стон вылетает из его горла. Утомленный ходьбой он растягивается на сырой траве. Его каска ударяется и падает... Уехать к ним. Но это невозможно, отпуска запрещены всем. Теперь он сокрушается о своей судьбе. Вернуться туда в подобном состоянии, опять познать все ужасы бомбардировки, атаки. Нет, это невозможно. Быть раненым, убитым... это слишком жестоко.

Вдруг чья-то рука прикасается к его горящему лбу. Шмидт садится подле него.

— Бедняга, бедняга...

Это такое банальное слово, но в нем так много сочувствия, оно смягчает и расплавляет его горе. Он плачет сначала тихо, потом разражается рыданиями.

— Бедняга, мы недолго останемся на передовых линиях, наступление приостановлено. Дивизия, которая нас должна сменить, уже в пути. Ты скоро получишь отпуск. И потом ты еще не знаешь. Я хочу поменяться с каким-нибудь товарищем и снова вернуться в нашу роту, в наш взвод.

Он помогает ему подняться. Ужасные страдания, которые невозможно облегчить, причиняет ему мысль о бесконечном горе родителей, о горе, которое черной тенью траура омрачит до конца дней их старость.

Полк остановился на сутки в обширных лесах Шамези, затем истощенные солдаты, с мешками на спине, двинулись по направлению к грозной, окутанной дымом Шмен де-Дам.

Сожие взял на себя командование ротой, Феруль — командование взводом. Они идут ночью. Жак внимательно прислушивается к жалобному стону снарядов. Вот этот предназначен не для них. Но там на гребне холма, который им придется перейти, беспрестанно разрываются огромные снаряды, и каждый шаг приближает их к опасности. 16 апреля они шли в атаку с надеждой, что все эти усилия, все эти страдания будут последними, и сознавали, что они необходимы. Даже мысль о смерти воспринималась ими с ярко выраженным чувством того, что она будет залогом освобождения. Сегодня же в них нет ни мужества, ни огня. Их жалкое существование все еще тянется. До каких пор? Однако Жак Феруль упорно решил выкарабкаться. Он должен выйти отсюда целым и невредимым, должен хотя бы один раз побывать у своих бедных стариков. Когда снаряд разрывается близко от Жака, он пригибается к земле. Во время затишья он ищет наиболее защищенное место, чтобы спрятаться.

Шмен де-Дам, название которой вызывает в памяти всю утонченную учтивость XVIII века, которая представляется

нам в виде тенистой аллеи, на самом деле не что иное, как печальная, изрезанная железом и содрогающаяся от выстрелов равнина.

Колонна, почувствовав опасность, ускорила шаг. Земля дышит смертью. У Феруля осталось только одно желание: бежать из этой опасной, осыпаемой снарядами зоны. Вот в углублении почвы нечто вроде прикрытия, видны темные силуэты, слышится щепчущий голос. Это первый взвод 5-й роты.

Дорогу колонне указывает солдат стрелкового полка. Жак засыпает его вопросами:

— Еще далеко? Есть у вас защищенные места?

Тот отвечает ему усмехаясь, и в тоне его слышится превосходство:

— Вы потерпели большие потери?

— От каждого взвода осталось не больше десяти человек.

— Вас часто обстреливали?

— Случалось, и часто попадали.

Они идут по вырытым траншеям, спускаются в длинный, идущий вдоль леса проход, затем, очутившись в глубокой рытвине, пересекают ее и входят в лесок.

Солдат службы связи как будто не вполне уверен в том, куда нужно итти. Он часто останавливается, ищет сделанные им зарубки, уходит вперед, возвращается и едва слышно говорит:

— Это здесь. Осторожно, потише. Самое главное — не шуметь.

Однако, продвигаться становится очень трудно. Они подымаются по крутому откосу, сухие ветки трещат под их ногами, ружья цепляются за кусты и изредка слышится проклятие какого-нибудь споткнувшегося солдата. Раздаются заглушенные ружейные выстрелы. Из темноты показывается луч света.

— Они что-то услышали: они догадываются, что к нашим идет смена.

Стрелок останавливается в нерешительности.

«Нет, это здесь, я в этом уверен», и зовет: — Мартен, сержант Мартен!

Лес не отвечает...

Жак ужасно взволнован. Подымая голову по направлению к неприятельским окопам, он замечает, что прожекторы участили свою деятельность. Все чаще слышатся ружейные выстрелы. Потом, объятые ужасом солдаты видят, как вздымаются два зеленых шара: немцы сигнализируют, требуя заградительного огня.

— Осторожно, ложитесь на землю!

Над испускающим стон лесом проносится вихрь. Деревья падают как бы с вскриком отчаяния. Со всех сторон вздымается огонь, и солдаты, закрывшие обеими руками голову, чувствуют себя погибшими в этом кошмарном хаосе.

Жак, принявший на себя ответственность начальника, овладевает своими нервами, подымается и согнувшись отправляется на поиски взвода, который нужно сменить.

Он ступает через тела товарищей, не зная, живы они или мертвы. Взрыв снаряда ослепляет, лишает его дыхания и бросает на распростертых на земле солдат, короткое дыхание которых он слышит.

После ослепительного света ночь стала еще темнее. Все как будто устремляется против них, — железо, огонь, огромные стволы деревьев. Солдат связи исчез. Вытянув вперед руки, Жак снова принимается за поиски. Наконец, в неглубокой яме он находит какого-то распростертого человека.

— Эй, стрелок!..

Ответа нет. Он наклоняется, ощупывает и чувствует под своими неуверенными пальцами бешеное биение сердца. Оно бьется так, как у пойманной и зажатой в руку птички.

— Где ребята?

— Где-то тут, не знаю.

— Какого ты полка?

Солдат не отвечает.

Ничего не добьешься от этого дрожащего тела. Стрельба начинает ослабевать. В темноте показывается какой-то человек.

— Стрелок?

— Да, сержант Мартен из 2-го стрелкового. Вы из 182-го? Чорт возьми, вот повезло.

— Сержант Феруль из 5-й роты? Кто командует твоим взводом?

— Я. Нашего взводного уложили. Мы занимаем пространство приблизительно в двести метров на склоне холма, как раз против бошей.

— Взвод здесь?

— Да, двенадцать человек.

Захватив с собой Бернара и еще трех человек, они идут по направлению к маленькому посту. Вдруг ослепительный свет, гром. Падающие тела.

Затем ничего, кроме запаха пороха и бегущих теней.

— Бернар... Бернар... Сержант Мартен?..

Молчание...

Жак в унынии возвращается к своему взводу.

— Сержант Курми здесь?

— Это я...

— Мы попали в скверную историю. Я не знаю, куда девались остальные.

Какой-то солдат жалуется, — повсюду раненые.

— Нельзя с этим считаться, чорт возьми. Мы выполним, как сумеем, то, что нам приказано. Курми, ты займешь маленький пост там внизу. Я наверху.

Жак старается ориентироваться при сумрачном свете наступающего дня. Неприятель находится внизу. Они представляют прекрасную мишень для его снарядов.

Какое отвратительное, мерзкое место! Нет возможности укрыться. Находящееся над ним плоскогорье покоится на скалистой цепи. Что, если попытаться прорыть в ней ходы?!

— Ребята, нужно пробраться к этим отрогам. Они выдержат. Иначе у нас не будет никакого прикрытия и...

Все работают лопатой, киркой, руками; нет надобности их подгонять, и никто не старается удрать.

Горизонт проясняется. У подножия холма можно различить деревню Парньи-Филен, справа по ту сторону рва — Контрфоре, укрепленную позицию, занятую стрелками, на заднем плане — ферму Боветт. Вдали виднеются большие леса и долины Лаона. Занимаемый ими выступ является местом для наблюдения, которое боши несомненно будут пытаться получить обратно.

Тела Бернара и сержанта Мартэна были разысканы.

Взвод насчитывает изрядное количество пропавших без вести,—раненых или дезертиров. Теперь в нем осталось всего пятнадцать человек.

— Бернар? Его брата убили под Верденом.

Эти слова открывают затянувшуюся было рану в сердце Жака, и снова его начинает терзать ноющая боль.

Несмотря на то, что лес изуродован, он все же скрывает их от глаз неприятеля. Солдаты роют без отдыха. Скоро они все семеро сумеют устроиться под камнями. Возможно, что они под ними будут похоронены, но, по крайней мере, эти камни их защитят от осколков снарядов и от пуль.

Сейчас наступило абсолютное спокойствие — до следующей тревоги.

Время мучительно тянется. Ночи, в которые можно работать над устройством траншеи, коротки. Смена все еще не приходит. Сорок восемь часов, о которых им говорили, растягиваются необычайным образом. По их раздраженной коже начинают ползать вши.

Жак живет в состоянии полнейшего отупения. Он мало спит, считает дни, часы, минуты. Ежедневно посылает домой письмо, обманчиво извещающее о его незамедлительном приезде. Они убивают время, наблюдая за передвижениями неприятельских войск и пытаясь найти места, где установлены их батареи. И то, что неприятельские позиции у них как на ладони, очень беспокоит Жака. Он нюхом чувствует в воздухе атаку, как охотничья собака — дичь.

Уже семнадцать дней живут они под этими камнями; их руки грязны, волосы полны песку, бороды отросли, они изнывают от чесотки. От солдат, привезших им съестные припасы, они узнают странные новости: взбунтовались будто бы целые полки, как раз из тех, которые должны были их сменить.

Полковник предлагает им не терять мужества и взывает к терпению и патриотизму. Теперь, когда их маленькая траншея закончена и даже защищена найденной в лесу колючей проволокой, наступило вынужденное безделье, скука.

Однажды в полдень, в то время, как они дремлют, прибегает солдат связи: один дезертир уверяет, что сегодня ровно в пять часов немцы начнут атаку. Ротный командир передает, что наша артиллерия предупреждена, что он надеется на них всех и что нужно будет привести себя в боевую готовность не позже половины пятого.

Они сильно побледнели.

«Дождались. Так должно было случиться с этой дрянной сменой, которая не желает итти. И придется же нам попробовать угощения». Жак боится, ужасно боится. «Боже, сделай так, чтобы все кончилось благополучно, чтобы я не был убит и не попал в плен». Они ждут в своей траншее с надетыми на голову касками, под рукой у них немецкие гранаты.

Пять часов. Артиллерийская перестрелка начинается с обеих острон. Немец не солгал.

Вдруг снаряд падает на землю на расстоянии нескольких метров от их убежища.

— Быть раздавленными французскими снарядами. Поздравляю!

Они возвращаются к своему убежищу. Концерт продолжается. Скала дрожит. Они вздрагивают при каждом осыпающем их мелким песком ударе...

— Ты думаешь, наша траншея выдержит?

Жак через отверстие разглядывает склон. В обычном гуле пушек он старается расслышать характерные для наступления звуки. Камни сыплются градом. Дым и запах пороха доносится теперь к ним.

— Молчите, как будто пулемет..

Они замолкли, насторожились. Это атака.

— Взгляните, там на вершине холма развертывается стрелковый полк.

— Ребята, живо все в траншею!

Увидят ли они, как немцы будут подниматься между нагромождениями скал? Нужно будет сдаться, или же защищаться?

Действительно треск пулемета слышен с плоскогорья.

— Сержант, они нас обошли. Если они нас захватят, наше дело плохо.

Наверху битва продолжается с тем же жаром. Повидимому, началась контр-атака, так как бомбы разрываются беспрестанно.

Время тянется, тянется...

Они со страхом ожидают исхода битвы, от которого зависит их свобода, и которая затягивается в темноте, смешивая взрывы с ружейными выстрелами, ружейные выстрелы со стонами, напрасно взывающими о помощи, о милосердии...

XXI

Родители встречают его на перроне.

— Бедное дитя, какой у тебя утомленный вид!

Не переставая болтать, он украдкой разглядывает их. Боже!.. Как они изменились!

Молчание для них слишком тяжело. Во избежание этого они засыпают друг друга вопросами, но думают о другом.

Жак тотчас же заметил на камине в траурной рамке фотографию Робера, однако сделал вид, что не замечает ее. Пока мать приготовляет завтрак, отец и сын серьезно рассуждают о войне, о новом главнокомандующем, о зимней кампании и даже о незначительных событиях жизни родного города.

Мать появляется с миской дымящегося супа в руках.

— Готово... Идите есть. Ты знаешь, надо хорошенько задать отцу, он ничего не ест с тех пор, как...

При упоминании об ужасном событии они все опустили головы. К горлу Жака подступают слезы. Он еще сдерживает их, но чувствует, что если откроет рот или поднимет глаза, то разрыдается. Крупная слеза скатывается с его ресниц и тяжело падает в тарелку. Все делают вид, что не заметили этого.

Наконец, отказываясь от борьбы с собой, Жак отодвигает свой прибор и начинает плакать.

— Жак...

Мать поднялась, обняла руками голову сына и обливает ее слезами.

— Бедный...

Эти простые слова, сказанные ею от всего сердца, с выражением, которое умеют в них вкладывать только матери, утешающие своих детей, окончательно растрогали его.

Теперь он плачет, закрыв лицо руками, и видно, как дрожат его плечи. Все, что он так долго сдерживал, изливается теперь наружу.

Они плачут долго... Сын — изредка всхлипывая, старики — тихо. Потом они говорят о Робере...

Один из его товарищей известил кюре, но тот не решился сам принести им печальную весть и поручил это их другу Воклеру. Тот сперва хотел скрыть от них это известие, но мать подбежала к нему и крепко сжала его руки. В его избегавших ее взгляда глазах она прочла то, чего опасалась.

«Они его убили?»

Он наклонил голову, и тогда она, словно пронзенная кинжалом, повалилась на стул.

Ее голос оборвался. Снова воцаряется тишина, изредка прерываемая глухими рыданиями.

Старики начинают рассказывать о своей поездке в *** к жене Робера, о том, как она кричала, о том, что дети не понимают, что произошло.

Они рассказывают о его последнем приезде во время отпуска, о терзавшем его, подобно раковой опухоли, беспокойстве, которого ему не удавалось скрыть и которое омрачало его лучшие часы. Они рассказывают о том, что ноги

его болели от ходьбы и от тяжелых твердых сапог, и о том, как они за ним ухаживали.

Они рассказывают о его добром сердце, о том, как он их баловал, как гордился маленьким Марселем, о том, как он подбрасывал на руках свою девочку, какими влюбленными глазами глядел на своих малышей.

Они рассказывают об его детстве, о перенесенном им в четыре года воспалении легких, о том, как они тогда волновались: они вспоминают его шалости, его мальчишеские выходки, и при воспоминании о нем, на глаза навертываются слезы, и на лицах появляется страдальческая улыбка.

Подробности его смерти? Они узнали от товарищей.

— Вот как было дело, — начинает отец, потому что мать потеряла голову, все время ошибается и путает.

Он находился у Краонны. Его рота, попав под обстрел пулемета, не могла двинуться с места. Оставшиеся в живых затем отхлынули обратно в траншею, но Робера тогда уже не было. Только через десять дней тело его было найдено патрулем. Он лежал на спине. Они не могли в темноте найти раны, а возможно, что они плохо искали. Эти добрые души смастерили крест и несколько дней спустя снова пробрались к нему. Они дотащили труп к вырытой снарядом воронке и, засыпав его землей, водрузили над ним крест и прикрепили к нему медаль покойного.

Для того чтобы не засыпать его лицо землей, они накрыли его тарелкой. Выражение его лица было спокойным. У него был такой вид, как будто он не очень страдал...

Голос ослаб, затем умолк. Изображение Робера улыбается в золоченой рамке под крепом. Его больше нет. Никогда... Кончено — навсегда и безвозвратно.

В глубине души каждый из них терзается ужасным сомнением, которое они скрывают жалея один другого; они

надеются облегчить свои муки, делая вид, будто верят в то, что он умер не страдая. К испытываемым ими терзаниям прибавляется еще одно, — быть может, более мучительное, чем все остальные, которое их будет неуклонно преследовать: быть может, он долго звал на помощь, и на его зов не явилась ни одна живая душа, которая бы перевязала ему рану, которая вытерла бы его потный лоб. Им кажется, что если бы они были там, они бы спасли его от смерти, что они бы согрели его в своих объятиях, и что их ласки, поцелуи и слезы сделали бы менее печальной его кончину.

Своими дрожащими руками мать перебирает содержимое его портфеля, подаренную ею тросточку, фотографии семьи, которые он всегда носил с собой, написанное карандашом незаконченное письмо. Вот все, что осталось от их сына, которого они так баловали, — несколько вещей, пропитанных еще его запахом.

— Я буду хранить все это, — говорит мать. Впоследствии, когда нас не станет, вы передадите эти вещи его детям.

— Да, он не был создан для войны. Таких, как он, не следовало бы посылать на фронт.

— Видишь ли, его взяли последним. И как раз о нем мы беспокоились меньше, чем об остальных. Не знаю почему. Мы всегда воображали, что он не может участвовать в сражении.

*

Жак все время проводит со своими родителями. В часы неизбежного забвения у него появляется сознание неясного и вечного страдания.

Мать жалуется.

— Я ни на что не годна, целыми днями сижу не двигаясь. Однако, ведь есть все же нужно...

Они были нежны, более внимательны друг к другу, чем всегда. Они надеются облегчить свои страдания нежностью своей привязанности; однако, все, что они делают, все, что они говорят, все, что они видят, напоминает им сына, убитого вдали от них, в условиях, которых они себе не могут представить: в траншее, брошенного на произвол судьбы, истекающего кровью — того сына, над кроваткой которого они сколько раз наклонялись, сына, которого у них забрали.

Время отпуска тянулось долго, однако дни чередовались очень быстро. И родители не перестают говорить об отъезде Жака.

Он их бранит.

— Вы ведь прекрасно знаете, что мы теперь долго будем отдыхать. Крупные операции невозможны еще в течение очень продолжительного времени. Войска слишком демо-рализованы.

— Бедный Жак, твой отпуск был очень невеселым.

— Послушай, папа...

Из письма Шмидта он узнал, что их полк выступил в неизвестном направлении.

Наступил час отъезда, Жак вырвался из объятий своих родителей. Приехав на узловую станцию, он не садится в поезд, направляющийся туда, где должна находиться его дивизия. Его мучает тайное желание, в котором он не хочет сознаться себе самому. И он садится в поезд, направляющийся в Париж.

XXII

В 1917 г. большинство отпускников, возвращаясь на фронт, останавливалось хотя бы на несколько часов в Париже.

С Западного вокзала днем и ночью лился поток солдат всех возрастов и всех видов оружия, приехавших поселиться в обещающую столько развлечений столицу.

В поезде Жак подсчитал свою наличность. У него есть полученные при отъезде от отца двести франков, и если к ним прибавить сбережения от сержантского жалованья, сделанные на фронте, получится сумма счетом в четыреста франков. Первый раз в жизни у Жака в руках было такое богатство; не вполне ли этого достаточно для того, чтобы провести двадцать четыре часа в Париже, заплатить за хороший обед в ресторане, номер в гостинице, пойти в театр и даже... еще кое-что.

Жак идет по бульвару. Проститутки начинают уже к нему приставать.

— Эй, ты, сержант, пойдем со мной.

И так как он их с удовольствием рассматривает, они настаивают, хватают его за руку, уточняют свои предложения, называют цену.

Однако, у Жака другое на уме, и для того чтобы от них избавиться, он говорит:

— Ничего не поделаешь, я возвращаюсь к себе домой.

— Ты возвращаешься к себе? Садись тогда в поезд, болтун...

Он снимает комнату в каком-то сомнительном отеле, сбрасывает вылинявшую шинель и походную сумку и просит приготовить ванну.

А теперь вперед, навстречу счастью.

Когда-то во время каникул отец позволил ему съездить в Париж, и тогда Фернанд служил Жаку проводником. Они поднимались на Эйфелеву башню, посетили церковь Сакрэ-Кэр, побывали в Гравене и даже в Версальском дворце.

Теперь же он прибыл сюда не для того, чтобы осматривать музеи и любоваться лепкой Нотр Дам.

Его отпуск прошел слишком скромно и печально, нельзя же вернуться на фронт «так». О, он не создает себе иллюзий, он прекрасно понимает, что парижанки не упадут к нему в объятия ради его прекрасных глаз, и он готов платить, сколько окажется необходимым. Женщина, о которой он мечтает, не проститутка в короткой юбке, надушенная дешевыми духами, которая будет стремиться поскорее вернуться на бульвар, — нет, это изящная парижанка с хорошими манерами, с которой он решился бы быть галантным, и которая хотя бы на миг забыла в его объятиях все окружающее.

Бульвар, со своей праздной толпой, со своими размалеванными женщинами, которые все без исключения элегантны, которые все без исключения кажутся ему прекрасными, развлекают его. Это час, в который толпа устремляется в кабаре и, когда Жак входит в «Фоли Бержер», там не оказывается ни одного свободного места. Входной билет за пять франков удовлетворяет его. Занавес уже поднят. Жака ослепляет бессчетное количество огней. Женщины прогуливаются взад и вперед. На сцене двое: она, с султаном на голове, произносит тираду, а он, элегантный молодой человек с гладко выбритым лицом, подает ей реплики. Он вызывает в Жаке чувство отвращения. Жак схватывает отдельные слова из куплетов и диалогов, но смысл их остается для него скрытым.

Во время антракта публика выходит в фойе, и Жак, желая выбрать самую красивую, внимательно разглядывает женщин, которые гуляют парами. Повидимому, он отдает себе отчет в том, что одетый в солдатское сукно пехотинец не слишком лакомый для них кусок. Его при-

нимают за случайно забредшего рядового, за крестьянина, приехавшего в Париж, имеющего в кармане монету в двадцать франков. Если бы он поверх почетного креста приколол свои сотенные билеты, он, несомненно, заслужил бы большего внимания.

Он не решается усесться в тростниковое кресло, заказать какой-нибудь напиток и пригласить к своему столику какую-нибудь женщину.

Он все-таки остается до самого конца. Вся труппа, в полном составе, разворачивая разноцветные флаги — флаги всей Антанты, превозносит родину и ее солдат: как всегда, после сальностей публике преподносят патриотические куплеты. На улице все бросаются к автомобилям. Какая-то женщина уходит одна. Жак прибавляет шагу.

— П с т!..

Она не поворачивает головы. Он нагоняет ее и говорит нараспев:

— Добрый вечер. Вы очень торопитесь? Разрешите проводить вас.

— Послушай, мой милый, ты мне нравишься, и поэтому я тебя предупреждаю: сто франков, и то только для тебя. Сорок франков нужно будет уплатить за комнату. Ты понимаешь, я не гожусь для простых рядовых.

— Ну, и убирайся к чорту, подлая тварь!

Лакеи собирают посуду, террасы пустеют, кафе закрывается.

Жак еще долго блуждал по улицам. Повсюду кучки женщин, и каждый раз одна из них подходила и заговаривала с ним. Он ходил так долго, что надоел им, и на него перестали обращать внимание. Утомленный, он отправился в гостиницу. Он уже собирался войти, когда вдруг его охватило непобедимое желание.

— Ах, дьявол! Тем хуже!

Все прилегающие к Западному вокзалу улицы полны женщин. Вот эта при свете электричества не кажется ни слишком вульгарной, ни чересчур неряшливо одетой, и у нее не такое уж потрепанное лицо.

— Да, за ночь я тебе дам пятьдесят франков.

— Ты ангел.

Она хочет его поцеловать, но он уклоняется от ее рта.

Кончено. Лежа на краю кровати, он не только избегает прикосновения к ее коже, которая вызывает в нем отвращение, — он старается отодвинуться от ее утомленного тела. Она уже спит. Он поворачивается с боку на бок, сожалея о том, что оставил ее у себя, когда она уже больше ему не нужна. Он поднялся рано. Женщина, которую он не хотел будить, медленно приподымает свои тяжелые веки, с которых стекает каплями краска.

— За комнату уплачено?

— Да, до полудня.

Небо грязное, словно оно еще не умылось. У решеток вокзала бродят женщины.

Значит, они сменяют друг друга, эти девки?

Они нас поджидают днем и ночью. Они видят, как мы прибываем с сумками, раздутыми словно мехи, в грубых сапогах, в плохо скроенных штанах.

Какие мы прекрасные клиенты. Мы не требовательны, не долго задерживаем, и хорошо платим. И как, вероятно, легко заманить этих добродушных крестьян из Морвана, никогда до сих пор не вылезавших из своей норы, этих молодых жаждущих любви парней! Они присасываются к ним, как пиявки. Когда слова недостаточно, чтобы пробудить в них желания, они не задумываясь вызывают его нескромными прикосновениями. Даже самые рассудитель-

ные из нас, когда нас охватывает чувственная лихорадка, дают себя увести в сомнительные комнаты сомнительных отелей. На простыне, измятой другими, в отвратительном, загаженном запахом сырости и грязных уборных воздухе герои Вердена удовлетворяют свое желание и затем постыдно уходят с опустошенными карманами, обеспокоенные за свое здоровье.

127-я дивизия. Направление Нанси. Поезд уходит в два часа. Вот тебе на... Эта задержка его злит. Он оставляет свою шинель в одном из баров и снова отправляется бродить по Парижу. В двенадцать часов он завтракает на террасе кафе чашкой бульона. Его самочувствие несколько улучшается, и скверное настроение рассеивается. При виде кокетливых, грациозных и аппетитных парижанок, в нем снова оживает желание.

«Ну что ж, мне нечего торопиться. Еще день. Никто не станет проверять моего отпускного билета».

Однако, он, конечно, не повторит вчерашней ошибки. Времени у него достаточно. Он в глубине души сознает, что совершает нехороший поступок, транжиря с таким трудом собранные его родителями деньги и развлекаясь на завтра после ужасной потери, но проснувшаяся в нем жажда женского тела берет верх над его сомнениями. Он зашел в кафе на одном из бульваров. Пьет кофе и с независимым видом курит одну за другой английские сигареты. Неподалеку он замечает довольно чистый профиль, склонившийся над бумагой для писем. Скрипит перо. Когда, в поисках вдохновения, женщина подымает голову, она встречает устремленный на нее прямой взгляд молодого сержанта с бледным лицом и маленькими усиками.

Он пробует улыбнуться, и она поощряет его улыбку.

— Не разрешите ли что-нибудь заказать вам?

— Благодарю.

Он почти галантно выражает свое желание, и через несколько минут они исчезают.

Они идут в отель.

— «На ночь», — сказал Жак.

На лестнице он шепчет своей кратковременной подруге на ухо.

— Мы вместе пообедаем, а затем пойдем в театр, вы согласны?

Какое наслаждение обедать вдвоем за маленьким столиком после того, как в течение двух лет приходилось наспех закусывать из алюминиевой тарелки в походной столовой. Он не одобряет Мюзик-Холля, он был бы счастлив повести ее в театр, в Опера-Комик. Но она предпочитает Кафе-Консер, и он уступает. В «Олимпии» в первых рядах кресел Мадо — ее зовут Мадо — громко смеется. Это его немного раздражает. Его совсем не интересует то, что происходит на сцене. Нет, он занят другим, его рука ласкает ее икры, ее ляжки. Но она остается холодной. Под легкой тканью он чувствует тело безучастной к его ласкам женщины, и это ему неприятно.

А ее беспокоит иное, ее ноги болят от слишком тесных ботинок. Жак, как может, утешает ее. В гостинице он незаметно кладет стофранковый билет в оставленную на видном месте сумочку. Затем он бешено отдается наслаждению. Это ее удивляет.

— Будь рассудителен, мой милый, спи, тебе завтра нужно ехать, и я хочу спать. — Когда он лежит рядом с этой храпящей незнакомкой в чужой комнате, у него появляется чувство полного одиночества. Париж поглотил

весь его капитал. Как он далек от нежных забот, которыми его окружали родители, и от своих товарищей по полку. Воспоминание о брате обжигает его, как удар хлыста. В нем подымается чувство стыда и отвращения при мысли о том, как он провел эти дни. И почему только он прямо из дому не отправился на фронт? Упреки, которыми он себя осыпает, прогоняют сон. В том, что он сделал, нет ничего хорошего — все это грязно, печально и противно, и он об этом ни за что никому не скажет. То, что его ожидает, тоже не очень хорошо. Он не некрасивее других и сумел бы любить с бесконечной нежностью и тонкостью чувства. Однако, он никогда не встречал ничего, кроме корысти и порока. Неужели же в этой Франции, которую он защищает, нет ни одной женщины, ни одной молодой девушки, способной его оценить и помочь его бедному одинокому сердцу? Его сердце — словно раненый, стонов которого никто не слышит; оно скрыто под покровом ночи, оно жаждет, ему холодно, и он страдает.

*

Поезд шел долго. На следующий день, после полудня он остановился в ***., в Вогезах. На вокзале Жак узнает, что его полк находится сейчас неподалеку от Ленжа, в совершенно спокойном и далеком от передовых линий месте. Омнибус в Фрез отправляется ежедневно в десять часов утра. Здесь для отпускников имеется недорогой ресторанчик и бесплатный ночлег.

В вагоне он съел провизию, которую ему дала с собой мать.

Что ж, он пойдет в ресторан. Немного больше, немного меньше — все равно он не будет богатым. Он обедает в сто-

ловой и разрешает себе выпить чашку кофе, последнюю перед тем, которым его будет угощать походная кухня. Какая-то проститутка не спускает с него глаз. Однако его больше не прельщает этот товар, и он не отвечает на ее заигрывания.

Она начинает разговор.

— Ваш полк расположен в этой местности?

— Да, сударыня.

Она с улыбкой:

— Возвращаетесь из отпуска?

Он опускает голову.

— Не весело, не так ли?

— О, нет.

— Вы бывали в *_*?

— Ноги моей здесь не было до сих пор и никогда больше не будет.

— Так все говорят.

— Такая дыра, зачем я сюда поеду?

— Кто знает!

Молчание...

— Вы уезжаете завтра?

— В шесть часов.

— Вам будет скучно сегодня вечером. Где вы ночуете?

— На вокзале.

— О, на досках. Но вы не сможете спать, мне больно от сознания, что вы так одиноки.

Она подходит ближе и говорит вызывающе:

— Вы любите кино? Я его обожаю. Если бы вы пошли в кино... можно было бы пойти вместе.

— О, если это вам доставит удовольствие. Я могу вас пригласить.

На улице он берет ее грубо за руку и говорит...

— Ты знаешь, я должен тебя предупредить. У меня осталось только двадцать франков.

— Какое мне дело до этого?

Она наклоняется к нему и ласково шепчет:

— Они останутся у тебя, глупый.

Пораженный и растроганный, Жак ищет ее рот, который ему кажется таким нежным и тающим, что напоминает ему большие, пахнущие медом сливы-ренклоды из отцовского сада.

*

Товарищи встретили Жака криками радости.

— Вот повезло! Ах, старина, это изумительно. Образцовые траншеи, исключительной чистоты окопы, электрическое освещение. Участок фронта без снарядов, абсолютно нечего делать. Но ты увидишь сам.

Стоит прекрасная погода. Летнее солнце сжигает траву, на которой Жак любит отдыхать. Кузнечики — эти маленькие стрекозы запада — поют под солнечными лучами. Жак вдыхает крепкий аромат горных трав, и ветерок приносит запах ели.

Неприятное воспоминание о Париже мучает его, как раскаяние в скверном поступке. На дрожащем и меняющемся фоне перед ним проносится неясный образ смеющейся девушки. Лилиан! Это ее псевдоним военного времени. Какое ему дело до ее настоящего имени? Лилиан! Ее молодое, содрогающееся ароматное тело, дарящее радость, наслаждение. Лилиан... ее прохладные руки обвиты вокруг его шеи. Как она ему принадлежала, без задних мыслей, без расчета. Лилиан, маленькая, желанная Лилиан! Спасибо...

XXIII

Наступила осень. Ночи становятся все прохладнее, и в ветвях рябины ссорятся лакомки-воробьи. Рябиновые грозди украшают тысячью маленьких коралловых браслеток или большим извивающимся ожерельем короткую, всю в изгибах, дорогу.

На склоне горы все еще имеются зияющие раны: многострадальные, опустошенные, разоренные Ленж, Компкопф, Рейхакер, Ла Тэт де Фо. Зато война пощадила немало прелестных пейзажей. Зябко укрывшийся в ущельи Сульцерн, расбросанный по холму Пэри Крэдаржан, имя которого журчит, словно прозрачный ключ, Нуармон со своим темными елями, Черное озеро, расположенное посреди дикой котловины, Зеленое озеро со своей колышущейся травой, и на другом склоне лениво спускающиеся к равнине озера: Лонжемер, Ретуример, Жерардмер, драгоценные камни, изумруды в оправе из зелени, сверкающие под лучами солнца серебряные водные пространства. И повсюду тоскующие и одинокие, печальные и прямые, как души солдат, высокие ели, волнующие и неподвижные леса, бесконечные, теряющиеся вдали перспективы лесных зарослей, темные и высокие контуры церквей, на которых сохраняется отпечаток торжественной тишины и приторного ладана. Солдаты снова превратились в здоровых ребят, с свежим цветом лица. Их будущее, по крайней мере на ближайшие несколько месяцев, не внушает опасений. Процент отпусков значительно увеличен, и каждые три месяца эти счастливцы уезжают к себе домой. Безделье вызвало в них жажду развлечений. Одни без устали играют в замусоленные, почти черные карты, другие поют, третьи пишут. Корнет привез свою скрипку, и у него собираются несколько неизменных

слушателей: Шмидт, Феруль, недавно прибывший взводный и молодой врач, оба чудесные товарищи, развитые и симпатичные. Они молчат, растянувшись на своих койках. Голубой дым папирос заполняет воздух. Изредка, когда скрипка прерывает свои стоны, раздается мечтательный голос:

«Увертюра к «Поэту и крестьянину», пожалуйста. Моя жена любила ее играть на рояле».

Все они предпочитают печальную, вливающую в их сердца свое отравленное очарование музыку. Они любят свою печаль. Из любопытства, из желания убить время, Жак согласился завязать переписку с одной молодой девушкой из знакомой семьи доктора. Сначала они обменялись несколькими написанными изысканным стилем письмами; это, однако, быстро прискучило Жаку. Для того чтобы возбудить интерес своей крестной матери, Жак стал в своих письмах описывать жестокую судьбу солдата, чувства которого обострены и который лишен любви.

Барышня, в невинности которой не могло быть никаких сомнений, но которая, повидимому, была не совсем неопытна, предложила ему писать ей до востребования. С тех пор их переписка приняла совершенно иной характер, и Жак испытывал злорадное чувство, возбуждая ее чувственность. Но как только представляется случай, он спешит к Лилиан. Она всегда ему рада, и он гордится тем, что показывается с ней, потому что она не лишена шика. Ее профессия не огорчает его. Война есть война. Война покрывает и поощряет еще много различных вещей. Жак не ревнует. Тем, кто платит, Лилиан дает только презрение и животное удовлетворение, которое они крадут у ее бесчувственного тела. Жаку часто удается получить отпуск на целый день, и тогда он возвращается в полк только утром. Он приходит к ней вечером, когда она одевается

перед тем, как выйти, и своими поцелуями он снимает с ее лица румяна.

Ни разу она не пожертвовала своим другом ни для одного самого выгодного рандеву. А между тем офицеры, англичане в хаки, все стараются отбить ее друг у друга, потому что в ней есть что-то пикантное, изящное, и ее подвижное лицо имеет какое-то неуловимо-странное, притягивающее выражение. Кроме того, в этой маленькой, торгующей своей красотой женщине имеется масса такта, утонченности и деликатности.

И затем она открывает Жаку столько радостей, о существовании которых он не подозревал. Изобилие ароматов духов, которыми пропитана вся ее постель, прикосновение к ее нежной, душистой коже, ее ласки, заставляющие его терять рассудок, ее чудесные прозрачные сорочки очаровательных цветов, ее необычайные пижамы, жаргонные слова, которые она так комично произносит...

Иногда вечером, когда зарождающаяся темнота смягчает резкие контуры холмов и небо становится лиловым, когда он далеко от нее в горах, он описывает ей свое чувство.

С бесконечными предосторожностями говорит о желании, которое она в нем вызывает, и главным образом о том, как ему необходимы ее женственность, объятия ее обнаженных рук, ее изменчивая улыбка. Лилиан понимает, что не могла бы описать свои чувства так хорошо, как он. И ее ответы большей частью чрезвычайно лаконичны. Она ограничивается тем, что зовет его: он может, он должен к ней притти. Каждый вечер его ждут в маленькой комнатке.

— От моих писем тебе становится скучно, — сказал он ей однажды с грустной, блуждающей улыбкой.

Вместо ответа она открыла бельевой шкаф, и он увидел, что все его письма, перевязанные лентой, лежат рядом с духами.

Итак, он посылает какой-то неизвестной молодой девушке из хорошей семьи рискованные письма, от которых бы пришел в восторг любой гимназист; проститутке же он описывает всю возвышенность своих чувств, всю свою очищенную страданием нежность.

Эта связь в конце концов начинает беспокоить Шмидта.

— Ты не сможешь от нее избавиться. Хорошо было бы, если бы нас поскорее отсюда убрали.

Жак протестует, но принужден согласиться с тем, что действительно привязался к Лилиан больше, чем полагал.

Он пробует шутить:

— Если бы нас поскорей отсюда убрали. Не накликай несчастья, Жорж.

Весь батальон посвящен в любовную авантюру сержанта 5-й роты. Однажды Жак, спрятав свое лицо на плече Лилиан, попросил ее никогда не встречаться ни с кем из 182-го полка.

Она взглянула на него внезапно застывшим взглядом.

— За кого ты меня принимаешь? Нехорошо, Жак, думать о таких дурных вещах. Видишь ли, я бы этого никогда тебе не сказала, но с тех пор, как я тебя узнала, ни один мужчина не переступал порога этой комнаты, которая принадлежит тебе, нам, и в которой ты меня можешь любить.

Они поговорили серьезно. Она ему рассказала кое-что из своего прошлого. В восемнадцать лет у нее родился ребенок, которого она отдала на воспитание. Вот что сделало ее проституткой. «Что поделаешь, ведь не могла же я зарабатывать на двоих. Но, ты знаешь, он в надежных руках, цена меня не останавливает, он такой чудесный, такой

милый, крохотный. Подумай, ему скоро минет 20 месяцев». Она соскочила с кровати и побежала к шкафу, затем вернулась с карточкой в руках. «Посмотри, как он красив». Но Жак отвел в сторону глаза: этот ребенок, о существовании которого он до сих пор не подозревал, встал между ними.

Ротой теперь командует капитан Нури, офицер запаса, вступивший в нее в последние дни пребывания на Шмен-де-Дам. Он, повидимому, очень ценит Феруля, тогда как лейтенант Сожие выказывает по отношению к своему сержанту подчеркнутое превосходство, с которым Жак не соглашается, что вызывает в обоих чувство глухого недовольства.

Антипатичный Верну, раненый у Соммы, пропал где-то в дебрях центральных учреждений для военной подготовки.

Шмидт живет бок-о-бок со своим другом. Их дружба, которую скрепило несчастье, теперь беспредельна.

Помощник врача Вале рассказал Ферулю о том, что Сожие утверждал в кабачке, будто ночевал у Лилиан, и при этом намеренно сквернословил и издеваясь сказал:

— Вот потаскуха, я вам скажу! Вы бы должны были послать за ней, капитан. Двадцать франков — об этом не стоит говорить.

Оскорбление подстегнуло Жака. Кровь прилила к его лицу, и он ушел, желая спрятать от всех свой стыд, злобу и огорчение. Но что, если он соврал? Жак цепляется за эту надежду, он ее вскармливает, он ее обогревает. Он придумывает средство для того, чтобы узнать истину.

— Старый друг Вале! Я вас попрошу об одном одолжении. Он безусловно попадет в эту ловушку. Тогда мы увидим, не солгал ли он, потому что, вы понимаете, этот негодяй способен на все для того, чтобы заставить меня страдать.

Молодой врач согласился. Увидев Сожие, он сказал:

— Феруль мне как-то говорил, что какая-то женщина ранила Лилиан ножом в грудь. О, рана не очень велика, но все же под ее левой грудью остался довольно заметный след.

— Ну, не очень. Издали он совсем не виден. Не больше бутоньерки.

Услыхав это, Жак запел от радости.

Как-то вечером, возвращаясь от командира, он повстречался с Сожие и окинул его насмешливым взглядом. Лейтенант, смущенный, прошел мимо.

Однако, его все еще терзает сомнение, — сомнение, всегда мучащее самца. Можно ли наверное знать? Быть может, под этим что-нибудь кроется? Ему нужно непременно повидаться с Лилиан, он должен знать. Эта мысль овладевает им с непреодолимой силой и, предупредив Шмидта, Жак с наступлением ночи отправляется в путь. Он подымается на Рюдлен, спускается в Фрез и в полдень прибывает в *_*_*...

Взбешенная Лилиан грозит при первом удобном случае надавать пощечин лейтенанту. Наконец Жаку удается упросить ее не делать этого.

— Я никогда ни слова не выговорила с этим мужиком, при каждой встрече кланяющимся мне в пояс с широкой, словно вход на сеновал, улыбкой.

Через короткое время Феруль вернулся, успокоенный и торжествующий. Слишком поздно, однако. Шмидт, совершенно потрясенный, сообщает ему, что ночью Сожие донес об его отсутствии, и что капитан его ждет.

— Я очень огорчен, Феруль, это скверная история. Военно-полевой суд: оставление поста на передовых линиях. Это очень серьезно.

Жак ушел, пошатываясь... Весь взвод охвачен гневом. Сержант должен поступать на войне иначе. Дело не в этом,

а в том, что Феруль действительно чудесный товарищ. Если кто нибудь из солдат отказывается от нестроевой службы, он, не говоря ни слова, исполняет ее сам. Все любят его за простоту в обращении и за то, что он всячески старается облегчить тяжелую службу солдат. Кроме того, все знают, что он давно был бы взводным, если бы хотел немного подслужиться начальству.

Шмидт хочет поговорить с капитаном. Он защищает своего друга, напоминает об его храбрости, заслугах, об его старых родителях. На глазах начальника выступают слезы.

— Обещаю вам, что постараюсь для его спасения сделать все возможное. Передайте Ферулю, чтобы он не отвечал Сожие, что бы ни случилось. Пусть он смотрит ему прямо в глаза, да, прямо в глаза — у меня, видите ли, есть один план, но пусть он при этом крепко закусит губы.

На следующий день, подойдя при обходе к Шмидту, капитан ему сказал:

— Я видел лейтенанта. Дело улажено. Вы никому не передадите того, что я вам скажу? Никому, даже вашему другу? Ваше слово? Ну, вот. Я сказал Сожие, что если жалобе будет дан ход, Феруль безусловно постарается отомстить ему, и что вы мне говорили, будто он собирается пристрелить лейтенанта, как собаку. Он призадумался, затем, найдя какой-то предлог,— не помню уже какой — уничтожил свое донесение.

Теперь они оба наблюдают друг за другом. Жак корректный и высокомерный, Сожие с недоверием

*

Наступила зима. Хотя первый снег скоро растаял, солдаты все же поспешили кое-как защитить свое жилище от холода.

Частичное наступление у Варрена внесло было некоторую тревогу в однообразную жизнь, затем все снова успокоилось.

Их лагерь, состоящий из легких обитых брезентом бараков, расположен в лесу.

Иногда буря пригибает величественные вершины деревьев, сплетающие там вверху свои зеленые иглы, но ни дождь ни ветер не проникают сквозь них. По вечерам, растянувшись на своих жестких койках, солдаты прислушиваются к тягучим, жалобным стонам сосен — треск их стволов напоминает крики страдания. В одном простом, бесхитростном крестьянине эта бесконечная песнь ветра, играющего с великанами-деревьями, вызывает воспоминание о далекой хижине, расположенной на опушке леса, и о длинных зимних вечерах, — когда рассказывают друг другу страшные сказки. Другому — эта песнь напоминает его холодную, плохо защищенную от ветра, находящуюся под самой крышей мансарду. В третьем — она будит тоску, вызывая образы навсегда минувшей блестящей, легкой жизни. Четвертый слышит в этом завывании надвигающуюся угрозу. Одному вспоминается бушующее море, другому неутоленные желания, не сбывшиеся надежды... И все они молчаливо погружаются в свои мечты.

Потом гордые сосны надевают снежный покров, и наступает ледяное молчание зимы, которого не прерывает своим криком ни одна птица, в котором раздаются только орудийные выстрелы, — то ледяное молчание, под которым земля засыпает до начала новой весны. Вся эта разрыхленная пулеметным огнем, разрытая снарядами, развороченная солдатами при устройстве окопов почва, которая возрождается с непреодолимой силой к жизни, заливающей все воронки, все окопы, все подземные ходы, прячет под

своими дикими побегами все нанесенные ей человеком раны.

В деревне пехотинцы собираются в огромных кухнях у крестьян, они приносят с собой дрова и поддерживают огонь в камине.

Суровая зима вызывает у Жака воспоминания о детстве. Как он был счастлив, когда небо после метели прояснялось и можно было играть на гладких дорожках сада. В такие дни он уходил в школу с радостным сердцем, с румянцем на щеках, и восхищенно прислушивался к тому, как снег скрипит под ногами.

Да, он любил природу, любил и в это суровое время года. Теперь тот же самый пейзаж вызывает в нем совсем иные чувства.

Он, правда, и теперь восхищается голубыми тенями на склонах холмов, девственной, сверкающей под лучами солнца, белизной снега, ручейком, текущим по покрытым ледяным узором булыжникам и легким туманом, подымающимся над этим ручейком и остающимся висеть в ветвях порыжевших старых плакучих ив. Но он слишком хорошо знает, что завтра ему придется вернуться к войне, о которой он забыл.

Он знает, как трудно будет итти с тяжелым мешком и ружьем и мыслью, что в конце этапа вместо удобного теплого и светлого убежища его ждет холодная, негостеприимная траншея, крысы и насекомые.

Теперь нужно уходить, оставить место, сделавшееся таким привычным. Пришли другие солдаты и устраиваются здесь. Дивизия, этап за этапом, направляется к Шампани.

Кончено. Вдали еще видны сосны, но они менее крепки и высоки, чем их сестры там, в горах.

Жак Феруль грустный и меланхоличный в последний раз окидывает взглядом спокойный пейзаж... Прощайте, голубые Вогезы, чудесные тенистые деревья, сверкающие водопады и прозрачные озера. Прощайте, приветливые мирные Вогезы, Вогезы, где так легко было получить отпуск, прощайте, Вогезы моей Лилиан, моей любви!

XXIV

В погруженном во мрак и сон, наполненном тяжелыми испарениями бараке кто-то закричал:

— Вставайте! Эй вы там! Живо! Подымайся!

Храп прекратился.

— Будьте готовы выступить немедленно. Грузовики тотчас же подъедут.

Офицеры соскакивают со своих коек, зажигаются свечи. Появляются встревоженные, опухшие от сна лица. Сержанты расталкивают лентяев, которые, ворча, еще не вполне пробудившись от сна, складывают свои походные мешки, одеяла и брезент.

В дверях барака появляется высокая фигура в походном костюме и каске. Фигура отчетливо произносит тоном, не терпящим возражений:

— Сбор через десять минут. Пусть взводные проверят амуницию и хорошо ли заряжены ружья.

Солдаты, послушные приказанию начальника, поспешно выстраиваются. Вся дивизия составила ружья в козлы. Издали доносится глухой шум нагруженных людьми грузовиков. В продолжение всей ночи они везут свой груз. Во время остановки на рассвете не удается даже выпить кофе, походные кухни едут по другой дороге, и неизвестно, когда присоединятся к отряду.

Феруль и Шмидт пытаются разузнать, что является причиной такого внезапного выступления, но утомленные шоферы дремлют на своих местах.

Снова начинается тряска. Деревня за деревней пролетают мимо. Чем дальше, тем будет трудней. Колонны продолжают продвигаться вперед, встречая на пути какие-то странные отряды одетых в хаки солдат, пехотинцев без ружей, артиллеристов без пушек — в беспорядке убегающих. Отряд Жака расспрашивает их на каждой остановке и получает ответ:

«Война кончена»...

В конце концов становится понятным: немцы прорвали английский фронт, и теперь французской армии предстоит заткнуть дыру и задержать натиск неприятеля. Бомбы, сброшенные с аэроплана, вырыли огромные ямы. Несмотря на то, что поле сражения близко, не слышно грохота орудий. Отряд прибыл к месту назначения и остановился в деревне. Какой-то офицер генерального штаба, который, повидимому, очень торопится, спорит о чем-то с окружившими его крестьянами; фурьеры готовят временное помещение. Передается строгий приказ, запрещающий выходить за пределы деревни. Обезумевшие жители поспешно собирают свои пожитки: неприятель приближается — их дома скоро попадут под обстрел. Им приказано немедленно эвакуироваться из деревни. Крестьяне нагружают свои тележки, запрягают лошадей, выводят скот. Женщины в слезах нагромождают на повозки, как попало, самые странные и часто совершенно ненужные предметы: клетки для птиц, вышедшие из моды шляпы, разбитую посуду, одеяла, перины, белье и т. д.

Бедняки толкают свои ручные тележки, эти легкие корзинки из ивовых прутьев, с которыми они раньше отпра-

влялись на рынок. Дети плачут, прижимаясь к юбкам матерей. По дороге, печальные и покорные судьбе, с трудом пробираясь между грузовиками и лошадьми, медленно идут старики.

Куда они направляются? Они этого не знают, они бегут от орудий, от опасности, уходят, покидая свое мирное село, свой старый дом, свои поля, свои привычки, все, что наполняло их жизнь и жизнь их предков; они отрываются от того, что составляло частицу их самих, от своего прошлого и от того, что должно было сделаться их будущим. Для них теперь существует только одно — грозная неизвестность. Они будут плестись по дорогам до изнеможения.

Солдаты уже начинают охотиться за курами, мирно расхаживающими около домов. Наиболее энергичные опустошают погреба, другие расхищают содержимое шкафов, белье и посуду.

Офицеры прекращают это безобразие, угрожая немедленно предать виновных суду. Какой-то офицер резервной части доложил полковнику, что его полк отступил после неравного боя, и что 182-й теперь находится почти лицом к лицу с неприятелем. Тотчас же 3-й батальон выставляет стрелков на краю деревни. Немцы действуют исподволь. Отряды отважных солдат прокрадываются ночью через рвы, устанавливают пулеметы и начинают безостановочно стрелять.

3-й батальон не бездействует и, когда на смену ему приходит 2-й, между ним и неприятелем уже начались стычки. 1-й взвод занимает рощицу, расположенную на хребте горы, которая возвышается над плоскогорьем. Немецкие батареи не поспевают за быстрым продвижением нашей пехоты и только постепенно устанавливают свои

орудия и направляют свои удары за наши траншеи. Положение становится с каждым днем все тяжелее и тяжелее. Видавшие уже виды Феруль и Шмидт понимают, что положение делается еще более серьезным, и, предвидя возможность грядущих бомбардировок, вырыли для себя короткий окоп, очень узкий и глубокий. Став на скамейку, они могут выглянуть наружу. Полотно, натянутое над окопом, в котором они помещаются, защищает их от весеннего дождя. Но полотно не выдерживает напора воды.

На утро четвертого дня стрельба усиливается, и позиции подвергаются обстрелу орудий разного калибра. Неприятель, должно быть, думает, что в этом небольшом лесу находится ставка командующего, и с особым усердием обстреливает этот участок. Сломанные ветки и искромсанные листья, словно саваном, покрывают землю. Повидимому, готовится атака. Уже насчитывается немало жертв. Из окопа в окоп передают имена убитых и раненых.

Когда волны неприятельских войск двинулись на плоскогорье, у нас оставалось еще достаточное количество ружей и пулеметов для того, чтобы можно было дать решительный отпор. Наступающие войска не могут подойти ближе, чем на сто метров, и так как их батареи направляют свои удары за линию нашего расположения, наши солдаты могут прицеливаться, не подвергаясь никакой опасности. Немцев охватывает паника. Они отступают в беспорядке и ищут защиты от пуль, прячась позади расположенной неподалеку фермы. 70-миллиметровые орудия беспощадно косят беглецов, и видно, как они валятся один на другого. На следующий день настроение было более спокойное, но это только затишье перед грозой.

И, действительно, получается известие, что 1-й батальон должен пойти в атаку... Эта новость вызывает всеобщее

негодование и ужас. В чем дело? Ведь совершенно ясно, что наши войска не могут рассчитывать на успех там, где немцы вчера потерпели поражение, и что при наступлении мы попадем в такое же положение, в какое попали они. На этом открытом, находящемся под обстрелом пехоты участке, всякая атака обречена на неудачу. Оставшиеся в живых солдаты 2-го батальона оплакивали своих погибших товарищей, но вскоре они поняли, что их собственная участь немногим лучше. Немецкая артиллерия, несомненно, откроет бешеный огонь. Завтрашний день будет во всяком случае не менее тяжелым, чем предыдущий. Феруль, упавший духом, испуганный, волнуемый предчувствиями, возмущается верховным командованием. Почему не довольствоваться потерями, причиненными неприятелю? Зачем повторять непростительную ошибку, совершенную вчера немцами? Зачем напрасно жертвовать жизнью стольких людей? Это возмутительное безумие. Это преступление.

Ровно в час они увидели, как их товарищи двинулись вперед. Они увидели искаженные лица, полные ужаса глаза, и сердца их сжались от этого зрелища. Несчастные не прошли и пятидесяти метров, как затрещали немецкие винтовки.

В то время как их товарищи шли навстречу смерти, они распростерлись, прижавшись ко дну своего окопа. Заградительный огонь становится бешеным. Вдыхая дым, покрытые землей, задыхающиеся, с ужасной головной болью — они ожидают смерти, которая собирает свою жатву совсем близко от них, здесь рядом... Так продолжалось много часов. О тех несчастных, которые пошли в наступление, ничего не было известно, кроме того, что оставшиеся в живых должны ожидать наступления тем-

ноты для того, чтобы вернуться к своим. Вдруг 150-миллиметровый снаряд разорвался так близко от них, что обвалилась часть окопа.

Они переглянулись, ошеломленные, бледные и затем, внезапно поняв, какая им грозит опасность, как безумные, бросились бежать.

Подобно попавшему в капкан зверю, они метались из стороны в сторону под этим градом снарядов, напрасно стараясь найти хоть какое-нибудь прикрытие. Вот небольшое прикрытие, но в нем, согнувшись вдвое, умирает какой-то солдат, вот валяются амуниция и испачканная кровью перевязка, вот в узком коридоре валяется целая куча распростертых тел. Везде — в окопах и под оголенными деревьями — беспощадные снаряды раздробляют кости, вырывают внутренности, и в короткое время от крепкого мужчины не остается ничего, кроме кровоточащей кучи тряпья.

Раненые умирали, не дождавшись помощи. Не существовало больше ни начальства, ни нижних чинов, ни санитаров, остались только существа, стремящиеся жить.

Уйти бы подальше — туда, к подножию холма, покинуть, оставить этот разгромленный лес. Но это дезертирство — нужно оставаться, ждать смерти.

Феруль и Шмидт, задыхающиеся и мучимые жаждой, вернулись к своей дыре и бросились в нее. Они покорились закону, не имея иной помощи и опоры, кроме той последней искры надежды, которую они себе дарили как милостыню.

Бомбардировка начала уже утихать, когда в их окоп попал снаряд. Вдруг совершенно неожиданно вокруг них стало совершенно темно. Их засыпало землей. Оставалось только водрузить над ними крест. Они сами вырыли себе могилу. Только струйка дыма поднималась теперь из

того, что около недели служило им пристанищем. И через короткое время ничто не будет говорить о том, что они здесь, под землей, кроме дула винтовки, грозно глядящей в небо.

Когда их разыскали, то сочли мертвыми. Однако, можно ли быть уверенными? Прибежавшие товарищи поспешно и осторожно разрыли землю. Первым открыл глаза Феруль. Из его ноздрей струилась кровь, и он, ничего не понимая, смотрел на наклонившиеся над ним лица. Шмидта, все еще неподвижного, пришлось унести на носилках. Он пришел в себя на санитарном пункте. Он выпил немного горячего чая и спросил о судьбе Жака. Ему дали аспирину, и он уснул на ложе из сена. Когда он проснулся и заметил у себя на груди номерок, который выдается тем, кого эвакуируют, он сорвал его резким движением руки — «Мне лучше, я здоров» — и пошел разыскивать своего друга. У Жака сильно болела голова и он был очень расстроен.

— Видишь, я более здоров, чем ты, птенец желторотый.

*

Французская армия сменила изнемогавшую английскую, и напор неприятеля удалось приостановить.

Пуалю еще раз на скорую руку устраивают свой участок. Еще раз они перетаскивают гранаты, пушки и амуницию. Находящийся теперь в резерве 2-й батальон расквартировался в Аниваль. Снаряды, в особенности по ночам, засыпают деревню. Дома обрушиваются, загораются. Пехотинцы вырывают балки из обгорелых строений для того, чтобы укрепить погреба, в которых устроились.

Сегодня на рассвете Жак во главе разведочного отряда должен отправиться на поиски мешков с землей и доставить их на передовые позиции. Все идет хорошо. Он без труда отыскал склады материалов и теперь они направляются к окопам. Артиллерия «поливает» равнину. Вот пролетел снаряд. Еще один. Жак прислушивается. Жалобный свист мрачнее обычного, и его поражает глухой разрыв снарядов.

Он рассчитывает, когда должно наступить успокоение, и ожидает стоя, вдыхая влажный воздух.

Вот неудачная серия. Или, быть может, это газовые снаряды? Чувствуется слабый запах, напоминающий запах плохо проветриваемых деревенских лавчонок. Жак еще сомневается, — более близкий разрыв подтверждает его опасения.

— Приготовьте противогазы, начинается газовая атака! Один снаряд разрывается совсем близко.

— Газы! Живо! Надевай маски!

Они напяливают противогазы, до боли стягивают тесемки и пробуют пальцем, плотно ли прилегает ткань.

— Поскорее... Нужно отсюда убраться!..

Этот обманчивый газ, с безвредным приторным запахом иперита, сжигает глаза и легкие, от него умирают в ужасающих мучениях.

И вот это страшное шествие двинулось вперед. Чудовищные рожи — как будто кошмарное видение или карнавал!..

Все их внимание поглощено нервным постукиванием респиратора, и для того, чтобы привести его в действие, они стараются дышать глубоко, несмотря на то, что это очень тяжело. Головы горят, слишком тяжелая густая кровь явственно пульсирует.

Разговаривать почти невозможно. Некоторые объясняют знаками, что их силы иссякли. Жак взвалил на спину несколько мешков для того, чтобы облегчить ношу солдат, и главным образом для того, чтобы показать им, что, несмотря на полное изнеможение, он все же не теряет надежды. Некоторые, отчаявшись, изредка приподымают противогазы: это приносит облегчение, это приносит смерть.

Обстрел газовыми снарядами все еще продолжается; снаряды ложатся на небольшом расстоянии друг от друга, едкая жидкость разливается, а затем медленно превращается в газ. Теперь в течение долгого времени нельзя будет здесь проходить.

Человеческая жестокость прибавила теперь к удушливым газам ядовитые вещества. А те, которые не задохнутся, погибнут сраженные осколком снаряда. К грохоту 150-миллиметровых примешивается сухой треск 77-миллиметровых. Совершенно обессиленные и лишившиеся мужества пехотинцы бросают свою ношу. Кругом носятся обезумевшие от ужаса лошади, на ноздрях у которых выступила кровь. Люди падают под откос на краю дороги, а стрельба продолжается в течение всей этой ужасной ночи. Отряд, после отчаянных усилий, достиг цели и затем вернулся в Анниваль. Двое солдат исчезли. Едкие испарения иперита все еще продолжают витать в погребах, и пуалю, не снимающие своих противогазов, лишены возможности заснуть. Когда наступило утро, Жак увидел целые ряды идущих рука об руку солдат, глаза которых были выжжены газом. В роте Жака пострадал один капрал, получивший сильные ожоги половых органов; а в последующие дни почти все солдаты находили на своем теле большие красные пятна. Жак покашливает; у него болит грудь.

XXV

Приблизительно месяц спустя, в мае, когда дивизия расположилась на сравнительно спокойном участке в Аргоннах, как-то в занимаемое Жаком и его друзьями помещение, весь запыхавшись, влетел Рулье. В руке он держал немецкое официальное сообщение, трубящее о полной победе в районе Шмен-де-Дам; тысячи пленных, сотни захваченных у неприятеля орудий, блестящий успех немецкой армии. Все позиции, которые с таким трудом были завоеваны нашими солдатами, согласно этому сообщению, в течение нескольких часов были взяты бошами. В французских сводках стали фигурировать названия деревень, в которых когда-то квартировала рота Жака и которые тогда находились очень далеко от передовых линий. Да, сомнений больше не могло быть: это было еще одно ужасное поражение. Бомбардировка Парижа тоже явилась доказательством превосходства сил немцев. Угасла надежда, появившаяся у пуалю в связи с прибытием американских войск: «Враг слишком силен, с ним невозможно справиться; это никогда не кончится, не может кончиться».

Жак все реже пишет маленькой Лилиан. Что он может ей сказать? Она так далеко, и он так давно ее не видел. Война нагромоздила между ними такое множество препятствий, что воспоминания стираются, блекнут.

Для того чтобы вызвать в памяти черты подвижного личика, он должен достать маленькую подаренную ему карточку, которая тоже уже начинает блекнуть. Часто, в часы тихих мечтаний, у него является страстное желание увидеть ее, и мысль, что он, возможно, никогда с ней больше не встретится, разрывает ему сердце. Его крестная мать перестала интересоваться своим крестником с тех

пор, как у него пропало желание шутить и забавляться. И Жак понимает, что выражаемое ею сочувствие искусственно. Ни разу еще в продолжение всей войны он не чувствовал себя таким утомленным и обескураженным.

Куда девался его юношеский энтузиазм, загоревшийся в нем, когда началась эта война за Право и Цивилизацию? Где увлечение, охватившее его тогда?

...Где вера в войну, которая положит конец всем войнам? Этой веры тоже уже нет... Не осталось даже и того стоического мужества, которым он был охвачен 17 апреля. Тогда он решал принести в жертву свою жизнь, потому что верил в победу, верил в то, что на полях, где умирают, зародится Мир... Теперь же у него нет ничего, кроме страха смерти, которая вот-вот настигнет его, когда он, истекающий кровью под дождем и ветром, под градом пуль и снарядов, обратит свой взгляд к незнающему сострадания небу и безразличным богам.

Жака возмущают отчаянные протесты прессы по поводу бомбардировки незащищенных городов. Он говорит Шмидту:

— Что ж, тем лучше,—тем меньше бомб остается для нас. Война, дружище, окончится только тогда, когда у какой-нибудь из сторон будет достаточно воздушных сил для того, чтобы перебить всех генералов в ставках, всех депутатов, министров, сенаторов и главу правительства. Я должен обливаться слезами по поводу того, что обстреливают штатских? Какая комедия! А меня не обстреливают? Почему все для меня и ничего для них? Я прошу только одного, чтобы не пострадали наши родные. Что же касается остальных, то я от всей души желаю, чтобы им пришлось пережить хотя бы одну десятую часть наших мучений.

В июле месяце их перевезли на грузовиках к границам Шампани, где тогда начиналось немецкое наступление, которому суждено было закончиться полной неудачей под огнем наших орудий. 15 июля, через несколько дней после того, как распространился слух о полном фиаско немецкого наступления, их снова увезли на грузовиках.

Темп войны стал более интенсивным. Атака, предпринятая Манженом 18 июля, застигла неприятеля врасплох и произвела на немцев сильное впечатление. Наши войска, после короткой, но основательной артиллерийской подготовки, сильным натиском опрокидывают первые линии укреплений и затем, не давая противнику оправиться, в продолжение нескольких часов занимают и вторые. Пройдя еще дальше в тыл, забирают в плен немецкие территориальные части, занятые на полях Франции полевыми работами. Немцы посылают подкрепления на этот угрожаемый участок фронта, но Манжен оставляет этот теперь слишком хорошо защищенный фронт и с необычайной стремительностью направляет свой удар в другое место. Англичане и американцы помогают ему в этих операциях. Отныне единство командования достигнуто. Когда они переходят через Уазу, Жак догадывается, что их снова посылают на бойню. Они идут по ночам, спят под открытым небом.

На фронте теперь сконцентрировано неимоверное количество боевых припасов. Вся Франция напрягает последние усилия. Множество колбас висит в воздухе. Воздушный флот закрывает от глаз солнце. Там, высоко-высоко, аэропланы, предназначенные для преследования неприятеля, немного ниже — наблюдатели, а когда наступает вечер, воздух прорезывают бесчисленные аппараты, предназначенные для сбрасывания бомб. Невероятный гул поды-

мается из долины и доносится из-за облаков. Пушки все еще продолжают грохотать. Немцы не успевают подвезти войска и орудия к одному угрожаемому участку фронта, как их приходится перебрасывать на другой, находящийся на расстоянии несколько сот километров от первого. Их командование выпустило из своих рук инициативу военных операций.

Сражение в Шампани, стоившее им стольких усилий и жертв и вызвавшее ослабление дисциплины в войсках кайзера, оказалось роковым для Германии.

Жак подвигается вперед, как животное, не спрашивая, по каким местам они идут.

Не все ли ему равно? Ведь и у него абсолютно нет возможности изменить то, что ему суждено. Он теперь ничем не отличается от тех солдат, которые перед сражением выпивают для храбрости все содержимое своих фляг.

Сегодня вечером они снова пойдут в атаку. Вспышка гнева заставляет Жака восстать против тех беспощадных сил, которые принуждают его беспрекословно повиноваться, и, бессильный сам что-либо предпринять, он вспоминает о тех, кто не боится разумно мыслить. Во время своего последнего отпуска он частенько беседовал с одним старым школьным товарищем, который, будучи освобожден от военной службы, принимал активное участие в профессиональном движении. Жак больше с симпатией, чем с надеждой, следит за тем, как несколько храбрецов пытаются через голову враждебных правительств завязать мирные отношения между пролетариями всех стран. Невзирая на границы, на различные предрассудки, на все растущие аппетиты спекулянтов, невзирая на различные нелепые выдумки и слухи, которыми пытаются заглушать их голос, на клеветнические нападки, которыми хотят их дискреди-

тировать, которыми, не обращая внимания на угрозы, их хотят напугать, — эти люди провозглашают единение всех трудящихся. О, если бы все знали, если бы все хотели! И Жак на измятом клочке бумаги пишет карандашом.

«Дорогой друг, ты будешь удивлен, читая эти строки. Я ведь так редко пишу. Но мне не хочется пропустить момент, не вспомнив о тебе. Ты знаешь мои убеждения. Я без всякого энтузиазма иду на эту бессмысленную бойню. Я знаю, ты идешь по верному пути, и я призываю тебя не сворачивать с него. Я клянусь тебе, что смотрю совершенно трезво. Я иду с чистым сердцем и в полном разуме навстречу смерти. Извини, что я так редко тебе писал».

Закончив это послание, Феруль почувствовал облегчение. У него появляется смутное сознание, что он составил нечто вроде духовного завещания.

Жак сидит в своем маленьком, расположенном на краю дороги окопе, он готов итти в бой, готов умереть.

Его батальон будет в резерве. Жерла привезенных ночью 75 миллиметровых орудий выбрасывают смерть. Неприятельские позиции исчезают в дыму. Если хочешь что-нибудь сказать товарищу, приходится орать во всю глотку, вплотную прижав рот к его уху. Повинуясь приказу капитана, солдаты рассыпаются по долине, которую не перестают вслепую обстреливать неприятельские батареи. Они идут, останавливаются, совершенно не понимая, чем вызваны эти остановки и дальнейшее продвижение. Они находятся в состоянии полной неуверенности. Всходит солнце. Одна из деревень скрывается за густыми клубами серой пыли и дыма. Вдали медленно ползут похожие на доисторических животных танки. Как наши дела? Хороши? Плохи? Простые рядовые этого не знают. Кому бы могло

притти в голову сообщать им о ходе военных действий? Важно только одно: чтобы они воевали,—воевали, несмотря на голод, жажду и град пуль.

7-я рота, шедшая позади двух остальных, где-то затерялась. По всей вероятности, она несколько отстала и, потеряв из виду переднюю часть колонны, пошла прямо вперед, надеясь восстановить с ней связь. На участке, совершенно изрытом нашими снарядами, резервные части подходят к находящимся сейчас в действии. Пули врезаются в землю, у ног солдат. Слышится ужасающий грохот,— это взлетел на воздух склад амуниции.

В соприкасающихся одна с другой воронках теснятся солдаты различных полков, не защищенные от палящих лучей солнца и от снарядов. Все усиливающийся пулеметный огонь несколько задерживает продвижение батальона. Кругом масса покинутых солдатами танков.

Полковник отдает приказ привести солдат в боевую готовность. Наши потери не очень значительны, но ввиду того, что неприятель все еще оказывает сопротивление, мы снова, только после основательной артиллерийской подготовки, возобновили атаку.

Тяжелые орудия умолкли, одни лишь 88-миллиметровые продолжают засыпать снарядами равнину. Солдаты, не медля ни минуты, принимаются рыть окопы.

Жак первый берет на себя караульную службу. К нему доносится шум, производимый подвозящими провиант грузовиками и орудиями, которые устанавливают, готовясь к завтрашнему дню. Когда его сменяет Шмидт, он бросается на землю и в продолжение нескольких часов спит.

Проснувшись, он замечает, что вся рота на ногах и что на расстоянии двухсот метров на гребне холма дымятся походные кухни.

— В чем дело? Где немцы?..

— Немцы? — Они улетели. Перед нами никого нет.

Это невероятно, неслыханно, но это так. Неприятель отступает. Повидимому, пулеметный и орудийный огонь должен был покрыть начавшийся уже раньше отход войск.

Солдаты идут по полям, на которых уже поспел хлеб. Подойдя к 77-миллиметровым пушкам, они обнажают головы перед павшими воинами 7-й роты. Капитан лежит с наполовину оторванной головой. Они, повидимому, подошли к самой батарее и овладели ею, потому что трупы немецких артиллеристов валяются тут же, у самих орудий. А потом, вероятно, неприятель предпринял контр-атаку и уничтожил эту изолированную от своих горсточку людей.

Полк, по четыре человека в ряд, продолжает путь.

Идут, не останавливаясь. Но солдаты не чувствуют усталости. В темноте они узнают деревни, в которых квартировали в течение целых недель, и фермы, в которых им удалось только переночевать. В хвосте колонны следуют походные кухни, запряженные совершенно обессиленными мулами; кашевары едва держатся на ногах от утомления.

Вид брошенных немцами грузовиков и ящиков со снарядами ободряюще действует на солдат. Большое количество оставленных снарядов свидетельствует о том, что неприятель, опасаясь окончательного поражения, решил пожертвовать своими боевыми припасами.

Наконец отряд останавливается. Кашевары приносят в брезентовых ведрах горячую похлебку. Не скупясь раздают водку. Охмелевшие солдаты растягиваются на голой земле вокруг составленных в козлы винтовок и крепко засыпают в предрассветной свежести.

Спустя несколько часов резкие свистки взводных подымают пуалю. Они потягиваются, расправляя наболевшие

члены. Теперь только солдаты чувствуют, как они устали. Они затягивают ремни своих мешков и прихрамывая отправляются дальше. Их лица безрадостны. Во взгляде можно прочесть покорную пассивность изнемогающих под тяжелым ярмом волов.

Вскоре капитан отдает приказ привести отряд в боевую готовность. По одному человеку в ряд на расстоянии тридцати шагов. Колонна с трудом подвигается по волнующемуся морю спелой ржи. Колосья тотчас же снова смыкаются за ними. Солдат, идущий во главе колонны, быстро выбивается из сил. Он останавливается и, пропустив вперед товарищей, оказывается в хвосте. Где-то горит деревня. Издалека доносится грохот канонады. Дымовая завеса закрывает от них горизонт. Можно подумать, что немецкая артиллерия стреляет вслепую, так как огневой барьер, к которому идут наши, все время отодвигается назад. Иногда расстояние уменьшается, и тогда солдаты испуганно подымают глаза. Неужели придется пройти через это? Горе тому, кто упадет здесь. Ни один санитар не найдет его в этом высоком хлебе. Через определенные промежутки времени взвиваются разрывные ракеты, осыпая и освещая своим зеленым светом поле шрапнели. Ужасающий шум от взрыва доносится только через несколько секунд.

Капитан со своим ординарцем идут рядом с Ферулем и Шмидтом. Нури хорошо настроен и делится только что полученными сведениями о ходе сражения. Наше командование было осведомлено о том, что немцы готовятся к отступлению. В скором времени 1-й батальон нашей дивизии будет штурмовать Бренн. 2-й и 3-й находятся в резерве и каждую минуту должны быть готовы принять участие в атаке, потому что в районе Велль ожидается ожесточенный отпор со стороны противника.

Канонада действительно усиливается. Раздаются учащенные залпы 77-миллиметровых орудий. Нури, как всегда, спокоен. На его лице не отражаются ни страх, ни даже волнение.

К отряду подъезжает конный офицер, на рукаве у него трехцветные нашивки генерального штаба. Приложив руку рупором ко рту, он кричит:

— Капитан, будьте осторожны! Когда вы подойдете к лесу, который виднеется там вдали, вы будете обнаружены немецкими «колбасами».

Нури созывает своих взводных. Протянув руку по направлению к опасной зоне, он дает указания.

— На гребне холма, на опушке леса, который мы должны занять, имеется небольшой незащищенный участок. Нужно пробежать через него возможно скорее. Сначала пойдет 4-й взвод, через пять минут 3-й, еще через пять минут 2-й и за ним 1-й. Я пойду с первым взводом.

Растянувшись в траве посреди своих ординарцев, капитан, ожидая своей очереди, закусывает куском хлеба и, несмотря на полный рот, не перестает болтать.

— Ну, и обросли же вы, Феруль, нужно побриться, мой друг. И потом вы очень исхудали. Не женщина ли этому виной?

Жак ударяет по своему походному мешку:

— Вот женщина,из-за которой я страдаю.

— Как хотите, а все же это странно. Так измениться за короткое время! Я обратил на это внимание еще в Гравэне.

— Живей, ребята! Наша очередь. И поторапливайтесь, потому что, если немцы нас заметили, они не пожалеют снарядов. Готовы?

— Так точно, капитан!

— Вперед!

Шуршит сукно, звенят штыки, фляги, котелки, — маленький отряд бросается вперед.

— Подожди! Крик застревает в глотке.

Большой снаряд разорвался как раз над передней частью взвода и покрыл его облаком дыма.

Жак, которого силой взрыва бросило на землю, подымается совершенно оглушенный. Несколько солдат еще распростерты на земле. Одни из них подымаются и бросаются бежать, кто поддерживая руку, кто волоча за собой ногу; другие извиваются от боли, стонут, зовут на помощь.

К Жаку возвращается сознание. Это 150-миллиметровый снаряд. Он оглядывается кругом. Оставшиеся в живых уже добрались до леса. Но, как странно: к небу подымаются четыре столба дыма. Значит, разорвался не один снаряд, а целых четыре! Жак осматривает себя, ощупывает свои ноги и руки. Какая удача! Ни единой царапины.

— Бог мой! Капитан!

Жак бежит к нему, расстегивает ему ворот. Пояс оказывается разорванным. Жак осторожно приподымает смоченную кровью рубашку и обнажает рану. Он не сумеет сам перевязать такую серьезную рану.

— Санитары, санитары! Сюда, капитан ранен!

Нури с усилием поворачивает голову и видит свою рану. Он говорит:

— Кончено, я уж не выкарабкаюсь.

В двух шагах от них стоит на коленях какой-то человек. Подбородок его касается груди, руки повисли. Это какой-то сержант. Жака охватывает дрожь, он останавливается в нерешительности. Этот сержант — нет, не может быть, чтобы это был Шмидт...

Конечно, это не он. Нужно все же посмотреть... и потом эта вылинявшая шинель, эта погнутая каска, непромокаемый мешок.

— Жорж! Жорж!

Он сознает, что его друг не может ему ответить. Но он все же продолжает звать его:

— Жорж!..

Воронка, в которой они прятались, совсем близко.

Какой ужас! Жорж! Ведь эта обгоревшая отвратительная маска с отвислой челюстью — не твое лицо. Эти почерневшие, обуглившиеся обрубки — не твои руки.

Земля не в состоянии впитать всей крови, которую в таком изобилии получает от смерти, и Жак, опускаясь на колени, попадает ногой в лужу крови.

Из леса кричат:

— Феруль, иди сюда, какой-то раненый зовет тебя!

Жак замечает, что он остался совершенно один с трупом своего товарища. Маленький Клаудиус стонет на носилках у опушки леса.

— Это вы, сержант? Если бы вы знали, как я страдаю, мне больно. Ой, мое бедро, мое бедро!

Бедняга совсем расстроен, и на его бледном лице можно прочесть все его мысли. У него рваная рана на плече, одна нога раздроблена. Но жалуется он только на боль в бедре, на котором не видно ничего, кроме большого пятна.

— Сержант, — и он не выпускает из своих слабых рук руку Феруля: — сержант, я умираю. Пойдите к моим в департамент Юры, к моей матери...

Но Жака, взор которого устремлен куда-то вдаль, это не трогает. Ему, конечно, хотелось бы утешить этого мальчика, состояние которого совсем не так уж плохо, но только вот что: он не может ни о чем думать. У него внутри обра-

зовалась какая-то пропасть, наполненная мраком и холодом. Он снова и снова обращает взгляд на скорбный силуэт своего товарища, там, на напоенной кровью зеленой траве.

Ему хочется уйти. Но две дрожащие руки задерживают его руку, и жалобный голос продолжает:

— Я умру, сержант, и тогда вы пойдете к моей матери и поцелуете ее.

— Но ведь ты не умираешь. Ты очень страдаешь, но твои раны не серьезны. И ты увидишься со своей матерью раньше меня.

— Поцелуйте меня, сержант.

Жак склоняется над этим окровавленным телом, над лицом, на котором мелкими капельками выступает пот. Он встречает взгляд желтых глаз, целует влажный лоб раненого и, освободившись от этой обязанности, хочет бежать к трупу Шмидта.

Сожие его останавливает.

— Не ходите туда, вы можете выдать неприятелю наше присутствие. Я требую, чтобы никто не сходил с места.

Жак как будто не слышит его. Солдаты шлют ему вдогонку проклятья. Но что ему до этого? Тело его друга сохранило положение, в котором Жак его оставил, положение, в котором оно останется навсегда.

Что, собственно, ему нужно здесь? Он знает, что должен что-то сделать, но не может вспомнить — что именно. Ах, да! Он ведь обещал... И Жак опускается на колени. Поза его теперь почти не отличается от позы, в которой застыл его товарищ, тело которого почти уже холодно.

Мягкими материнскими движениями, словно боясь причинить своему другу боль, Жак расстегивает шинель и куртку Шмидта и достает из бокового кармана маленький порт-

фель. Он касается груди, на которой так часто отдыхал, прикладывает руку к неподвижному сердцу, биение которого так часто слышал. У него больше нет друга, нет больше Шмидта, не осталось больше ничего, кроме этого совершенно изменившегося, изуродованного тела, кроме лица, не сохранившего никакого сходства с лицом, которое Жак так хорошо знал и на котором отражалось столько прямоты, доброты и нежности.

Жак заботливо застегивает куртку и шинель убитого, как бы желая защитить его от холода. Он дрожащей рукой обыскивает карманы, достает из них перочинный ножик, портмонэ, носовой платок, кусочек веревки. Это все...

Рядом с ним вырастает Руми, который берет его за руку.

— Пойдем, Феруль. Пойдем со мной!

— Разбойники. Я тебе говорю, что они разбойники! Разбойники, ты понимаешь? И он дает себя увести.

*

Ротой теперь командует Сожие, у которого нет никакого сострадания к Ферулю. У Жака сохранилось только неясное воспоминание о происшедшем. Он весь находится во власти трагического события, и душу его окутывает мрак. Товарищи ушли на разведку, и он остался почти один. Жак смутно припоминает... Да, он слышал, как говорили о том, что он контужен и что командование взводом возложено на кого-то другого.

Но ведь это совсем не так. Он не контужен. Неужели они не могут понять, что он страдает — и больше ничего.

От жара у него пересыхает в горле, вино вызывает отвращение, и каждый раз, когда он решается выпить глоток, его тошнит.

На следующий день батальон выступает в поход. Жак предлагает свою полную вина флягу за несколько глотков воды, но, увы, ни у кого не осталось ни капли. Каска тяжело давит голову, и солнце жжет, жжет. Ему советуют что-нибудь съесть. Но он не в состоянии проглотить ни куска. Его тошнит, и он никак не может побороть желания лечь, растянуться, не двигаться. Каждая частица его разбитого усталостью тела просит пощады, но он все же продолжает итти за колонной, волоча ноги, как ребенок после слишком утомительной прогулки. Отряд останавливается и располагается в сыром и низком подземелье. Среди солдат начинает свирепствовать эпидемия дизентерии. Жак не находит отдыха ни днем ни ночью. Он ежеминутно принужден выходить из окопа. Вся земля вокруг их убежища загажена, и воздух помещения, в котором они живут, тоже отравляется запахом испражнений, потому что больные теперь уж не хотят подыматься со своих коек. Приходится эвакуировать самых тяжелых больных.

— Пошел бы ты к врачу, Феруль. Не может же так продолжаться.

— К чорту! Я не поддамся, пока смогу выдержать, и мне хотелось бы, чтобы моя болезнь усилилась.

— Знаешь, это может скверно кончиться.

— Тем лучше. Тогда я, по крайней мере, перестану воевать.

На смену 182-му полку пришла часть, потерпевшая большие потери во время наступления 18 июля.

— Какой позор! Вы здесь только с первого августа, и вас уже нужно сменить. Да, всегда одни и те же будут давать себя убивать!

Возвращаясь назад, Жак увидел на зеленой лужайке, на опушке леса, совсем маленький черный силуэт с опущенной головой.

Во время остановки в небольшой покинутой жителями деревушке, после короткого сна на соломе, Жак свернул небольшой пакетик и, взяв листок писчей бумаги, задумался, сжав руками голову. Через несколько минут он начал писать:

«Наш бедный Жорж убит 4 августа. Я присутствовал при его смерти. Последнее время мы были неразлучны. Осколок снаряда попал ему в сердце. Я любил его так же, как он любил меня. Все у нас любили и ценили его.

Он не страдал. Он ни разу не крикнул, и я никак не мог поверить, что он мертв.

С тех пор, как его не стало, его, который так хорошо умел подбодрять и утешать меня, я чувствую себя очень несчастным и растерянным. Он всегда был так весел, так силен и так верил в лучшее будущее.

Я пишу вам потому, что дал ему торжественное обещание известить вас немедленно, в случае его смерти. Если бы не это, я хотя бы еще в течение нескольких дней оставил вас в неведении относительно происшедшего. Простите меня...

Я думаю о вашем горе... и, конечно, не мои неловкие слова сумеют вас утешить.

Думайте только о том, что он не страдал. В этом я клянусь вам дружбой, которая нас с ним связывала.

Думайте также и о том, что он больше не страдает...

Я заеду к вам во время своего очередного отпуска, если счастливый случай, охранявший до сих пор нас обоих, не изменит мне, как изменил ему.

Подавленный горем
Жак Феруль».

Рота стала ему теперь совершенно чужой. Это не те люди, которых он знал, среди которых так долго прожил. Нехватает кого-то, не хватает чего-то, что связало его с ними. Семья их теперь перестала быть дружной, и глава ее является отчимом для Феруля; все остальные ее члены смеются над его страданиями.

Единственные люди, к которым он иногда чувствует влечение, это Руми и помощник врача Валэ. Дизентерия изводит его. Солдатам раздают коробки сгущенного молока, но желудок Жака не принимает теперь ничего, и Жака рвет от приторного вкуса молока. Иногда он задумчиво разглядывает свою похудевшую с выступающими сухожилиями руку и свои брюки, на которых у левого колена чернеет небольшое кровавое пятно, пятно, к которому он не решается прикоснуться пальцами, потому что это единственное, что осталось от его друга.

Офицеры приходят на сеновалы и производят осмотр оружия и амуниции. Их гораздо больше интересует пригодность винтовок и вес дроби, чем состояние здоровья солдат. Значит, снова нужно будет начинать сначала?

Еще раз?

Начинать снова, но с кем? Неужели с этими жалкими остатками рот, с этими изможденными солдатами? Почему бы нет? Такова война, беспощадная, свирепая. Манжен твердит только одно: «Победа!» Нельзя дать бошам время притти в себя, собраться с силами, пополнить запасы амуниции. Наступление приостановится только тогда, когда мы достигнем Рейна. Да еще приостановится ли? Тем хуже для тех, кто издохнет. Что ж! Пусть издыхают. Нужно одержать верх. Да, мы одержим над ними верх. Вы, вы, мученики, вы для этого предназначены, вы будете принесены в жертву.

Вы являете миру изумительный пример мужества и отречения. Вы отдаете свою жизнь за родину. Терпение! Прежде чем умереть, вам придется еще испытать ту долю страданий, которую мы в состоянии перенести.

Утешьтесь! Внутри страны возрождается уверенность в победе. В газетах появляются привлекательные и интересные корреспонденции с театра военных действий.

Идите же в бой, рядовые! Положите без остатка все ваши силы. Отдайте вашу молодость, вашу жизнерадостность, ваше здоровье, вашу кровь. Идите, и когда вы, усталые и разочарованные, вернетесь обратно, подрастет молодое поколение, которое по окончании войны отовсюду вытеснит вас, и вы окажетесь в тени, забытые и неведомые. Начнется бешеная, беспощадная борьба за существование, ничем не уступающая теперешней борьбе с немцами. Вы окажетесь в ней более слабыми, так как будете изможднены. Вы будете побеждены. Одно поколение будет сменяться другим, и, когда вы умрете, вы освободите место другим, что будет, конечно, очень полезно для родины, которая избавится таким образом от лишних ртов, поглощающих ее богатства, от вернувшихся с фронта измученных инвалидов. Дорогу сильным! Во Франции, в той Франции, которую вы спасете, немало будет чудесных дней для спекулянтов и для разбогатевших поставщиков, для вас же достаточно будет печали, разочарований, неудач и страданий... Таков ваш удел!

■

Перед выступлением Жак захотел поесть. Но в час отъезда его вырвало, и дизентерия железной рукой сдавила его внутренности. Врач прикрепил ему красный жетон, и Жак уехал в одной из тех повозок, на которые бывало смотрел с такой завистью.

Физическое недомогание привело Жака из амбулатории в госпиталь. Военные врачи не могли определить его болезни. И только когда у него повысилась температура и появился кашель, его положили в 17-ю палату, предназначенную для больных испанкой.

В его памяти остались длинные ночи при свете ночников, состояние полусна и мучительного полусознания. Он помнит о том, как кашель раздирал его грудь, как огонь пожирал его внутренности, помнит отвратительный вкус во рту, жажду, которую невозможно было утолить. Во время кошмаров ему казалось, что он идет по спелому колосящемуся полю. Высокие хлеба преграждают ему дорогу. Он принужден остановиться из-за проволочных заграждений. Он видел, как другие пробегают мимо него, злорадно улыбаясь. И в умиротворенных Вогезах он плакал, стремясь к тем прозрачным водам, которых не мог достичь. Он проходил по полям ужаса, где с земли подымаются трупы с отрезанными членами. И он тысячи раз переживал муки смерти, пока, наконец, не останавливал взгляд на пробивающемся через окно солнечном луче. Постепенно жар начал спадать. Жак стал узнавать своего санитара, врача и дежурящего ночью фельдшера. И однажды, выйдя во двор, он увидел пришедших его навестить отца с матерью. С этого момента все его мысли сосредоточились на одном: поскорее уйти из госпиталя. Больничный запах вызывает у него тошноту, запах подаваемых блюд лишает его аппетита. Столовые приборы, как и все остальные предметы, к которым могли прикасаться больные, вызывают в нем отвращение. Соседи покашливают, отхаркивают. Жак не может переносить вида стоящего под кроватью судна.

Врач долго не хотел его слушать, но Жак до тех пор не переставал его умолять, пока он, наконец, не понял, что

больной нуждается главным образом в отдыхе, в воздухе родных краев и в заботливом материнском уходе. Когда Жак предстал перед врачебной комиссией, ему вместо просимых тридцати дней отпуска дали шестьдесят.

Полковник, председательствовавший в комиссии, взглянув на болезненный вид и исхудавшее тело молодого сержанта, воскликнул:

— Но этот малый ведь совсем еще болен!

— Он стал просить, чтобы его выписали, полковник. Я думаю, что домашняя обстановка принесет ему пользу и затем... вы ведь знаете, нам нехватит коек.

Когда Жак Феруль приехал к себе домой, у него сложилась твердая уверенность в том, что для него война кончилась. Он ничего не делал, ничем не интересовался, и только очень медленно к нему возвращались силы и аппетит.

В официальных сообщениях с театра военных действий теперь упоминаются названия местностей, которых он не знает. Он получил как-то письмо от Руми. Их рота понесла тяжелые потери. Сражения следуют одно за другим. Из старых товарищей не осталось почти никого. Сожие продолжает свои штучки. У Жака с некоторых пор зародилась мысль, которая несколько возбуждает его жизненные силы. Ему бы хотелось увидеться с Лилиан. Не согласится ли она к нему приехать? Он постарается устроить так, что его родители ничего не узнают. Или же под каким-нибудь предлогом сам поедет в *_*.

Там ли она еще? Жак давным-давно не получает известий от своей маленькой вогезской подруги. Теперь он горько сожалеет о том, что оставил без ответа ее последние открытки. Он посылает ей письмо и твердо решает сделать все возможное для того, чтобы ее разыскать.

Как она долго не отвечает! Время мучительно тянется. Почтальон, которого он подстерегает утром и вечером и который совсем не торопится, не подозревая, что Жак с таким нетерпением ожидает его и что небольшой квадратик лиловой бумаги должен вернуть ему жизнь, солнце и радость, не приносит Ферулю ничего.

Однажды, когда Жак потерял уже всякую надежду и думал, что он окончательно забыт или заменен кем-нибудь другим, он получил долго жданное письмо. Его поразило, что конверт не так красив и не так надушен, как в былое время.

Оставшись один, Жак открыл письмо.

«Мой хороший...

Твое письмо было отправлено мне вслед. Оно застало меня в Лионе, где я теперь живу. Жизнь моя совершенно изменилась. Не помню, рассказывала ли я тебе о том, что в меня был безумно влюблен один из товарищей моих детских игр. Он не забыл меня и в один прекрасный день приехал за мной в *_*... Он обещал мне, что вычеркнет все мое прошлое, что усыновит моего ребенка, что будет любить его, как будто он был его собственным сыном. Он говорил, что не может без меня жить, что мы поженимся, что он будет много работать, что, может быть, в непродолжительном времени ему удастся устроить собственную мастерскую — он слесарь — и что тогда я смогу наряжаться и быть красивой. Я его очень люблю, потому что он очень добр ко мне, но, конечно, не так, как люблю тебя... Ну, вот я решилась из-за ребенка на этот шаг. На будущей неделе мы повенчаемся. Оставь меня. Не приезжай... Это принесло бы слишком много страданий нам обоим. Ты не забудешь меня...

Ты никогда не забудешь нашей маленькой комнаты, где ты купался и с наслаждением вдыхал запах надушенной воды... Ты не забудешь... так и должно быть. Останется чудесное воспоминание, которое никто не сможет загрязнить. Я тоже никогда не забуду своего красивого сержанта, который говорил со мной о многом, чего я раньше не подозревала, и который так молчаливо умел меня любить. Все же я страдаю. Будь рассудителен, мой Жак. Следи за своим здоровьем, ты, вероятно, очень измучен.

Маленькой Лилиан больше не существует. Ее место заняла Мария Рейо, а в один из ближайших дней она в свою очередь уступит место мадам Ламблен. Прими последний поцелуй твоей маленькой

Лилиан».

Жак восстает против несправедливости судьбы. Да, он предвидел, что его страдания еще не кончились. Когда вошли его родители, их поразила происшедшая в нем перемена. Жак понял, что его замкнутость доставляет им огорчение. Но теперь у него не осталось никого, с кем бы он мог поделиться своим горем. У него отняли друга. И единственно оставшийся у него впереди светлый луч—Лилиан,— тоже потерян навсегда для него. Его окутывает мрак ночи, и ему кажется, что он чувствует на губах вкус пепла.

Он собирался уезжать. Но зачем? И кто знает, показалась ли бы ему Лилиан теперь такой же красивой, такой же обаятельной, какой она сохранилась в его памяти? Кто знает, могла ли бы она выдержать сравнение с чудесным, созданным его фантазией образом? И ребенок?

Нет, это свыше его сил.

Взять ее сейчас для того, чтобы впоследствии покинуть и таким образом снова толкнуть на беспутную жизнь,

от которой ей так счастливо удалось избавиться? Нет, он не совершит подобной низости.

Оставшись как-то один, Жак взял перо и начал писать:

«Лилиан!

Я очень страдал. Но теперь, когда я хорошенько поразмыслил над тем, что ты мне писала, мне кажется, что боль моя утихает.

Я не представлял себе, до какой степени привязался к тебе. Только получив твое письмо и поняв, что я тебя никогда больше не увижу, что ты никогда больше не будешь принадлежать мне, я осознал, как глубоко ты вросла в мое сердце. Теперь у меня такое чувство, как будто ты умерла для меня, моя маленькая бедная Лилиан...

Я потерял тебя...

О, вначале я хотел поехать за тобой, ни секунды не сомневаясь в том, что мне удастся остаться победителем и что я унесу тебя в своих объятиях. И только ради тебя я этого не сделал. Я не стою того славного простого малого, который тебя избрал и, однажды полюбив, будет любить всегда, даже когда годы лишат твои черты привлекательности и уничтожат твою нежную красоту. Я никогда не сумел бы полюбить твоего сына, как будет его любить он. Годы на фронте испортили меня и разучили меня просто смотреть на вещи. Всякую радость я порчу, бесконечно ее анализируя. Во мне говорит не расчетливость, это говорит моя совесть, которая с твоей помощью одержит верх над моим сердцем и чувствами.

Во мне говорит огромное желание знать, что ты нашла счастье, — конечно, не то безумное счастье, как тогда у нас с тобой, — а рассудительное, мудрое счастье,

которым нужно довольствоваться в жизни, то счастье, которое не ожигает тех, кто к нему прикасается.

Как и ты, Лилиан, я никогда не забуду того, с какой тонкостью, деликатностью и жалостью ты мне отдалась, потому что я прекрасно понимаю, что если ты меня полюбила впоследствии, то в первый день, увидев меня таким грустным, ты просто захотела утешить меня и потому дала мне насладиться твоим телом. И я благодарен тебе за великодушие. Только ты одна — ты единственная сжалилась над бедным пехотинцем, таким грустным и расстроенным в тот вечер.

Как ты, Лилиан, я никогда не забуду маленькой комнаты в **..., в которой ты меня встречала, как ребенок, повисая у меня на шее.

Ты, подобно порыву ветра, ворвалась в мою жизнь, и все во мне и вокруг меня стало совершенно иным. Все стало мне казаться лучше, добрее и чище. Прости мне теперь, когда ты меня покидаешь, мое отчаяние и слезы...

Мне очень грустно, моя любимая. Я думаю о том, как приятно было бы прикосновение твоих свежих рук к моему горящему лбу...

Я потерял тебя... Как жестоко, что мы с тобой не встретились раньше.

Ты не должна стыдиться своего прошлого, Лилиан. Тебе просто не повезло, вот и все.

Мы все должны стыдиться войны, войны, сделавшей из тебя куртизанку, из нас убийц, сделавшей одних — несчастными, других ворами. Лилиан, воспоминание о тебе ароматно, как твоя кожа. Я его сохраню навсегда.

Жак».

*

Наступил ноябрь. Уже определенно чувствовалось, что война приходит к концу и все жалеют несчастных, терпящих крушение у самого входа в порт. Однажды утром раздался оглушительный колокольный звон.

Жак побежал узнать, в чем дело. Заключен мир, отзвучал последний орудийный выстрел, убит последний солдат. Из тысячи грудей вырвался вздох облегчения. Дома разукрасились флагами. Радостный крик пронесся по всему миру: «Война окончена».

Война кончена, кончена! Жак все снова и снова повторяет эти слова для того, чтобы они проникли в его сознание. Он столько раз отчаивался, что никак не может освободиться от сомнения. Когда в июне 1914 г. началась война, все говорили «война» — и не верили в то, что говорят. И теперь с тем же изумлением произносят: «мир», мир, на который уже больше не надеялись.

Жак, рыдая и смеясь, бросается в объятия своих родителей. Отец настаивает, чтобы он надел свой украшенный пальмами и утопающий в звездах военный крест. И они смешиваются с радостной толпой. Весь город принарядился. Его старики гордятся тем, что идут рядом с этим воином, которого коснулась своим крылом ужасная блистающая слава пехотинцев, торжествующая слава оставшихся в живых. Он — идол, которому поклоняются, и он сознает, что в этот момент он является трагическим и великим выражением всех горестей, всех страданий, всех пыток, перенесенных неизвестными героями окопов.

Он с гордостью воображает, что получает дань благодарности от всех тех, кого они спасли, от всего, что они спасли, спасая родину, и он считает, что достаточно тех,

которые пожертвовали всем и не сумели сохранить даже жизни.

Опьяненный Жак отказывается рассказывать о войне: она кончилась, и не нужно больше о ней вспоминать. Никогда...

Но неужели кончена? Я не буду больше спать под дождем? Кожа моя не будет покрываться слоем грязи? По мне не будут больше ползать вши? Я не буду себе больше говорить: «через несколько дней ты попадешь под перекрестный огонь и тебя изувечат»? Я не буду больше бояться? Отныне я всегда буду спать в постели, есть у накрытого стола, буду жить, жить?..

Все вместе они вернулись домой завтракать.

Их радость начинает таять. Они отдыхают, и молчание протягивает между ними завесу из грез. Теперь, когда возбуждение улеглось, Жак чувствует какое-то глухое разочарование, какое-то смутное сожаление. А те, которых мир не может воскресить, пробудить?

И все его мысли устремляются к безвозвратному прошлому, к его роте, к окопам, к товарищам.

Он, Жак, сидит, удобно развалившись в кресле. Но другие? Тот, которого считали таким грубым, и который так ужасно долго кричал и умер, призывая свою мать? Молодой Бентолила, который был убит, не имея за душой ничего, кроме одного су. У него оставалась только эта монета. Он был беден и не мог отдать ничего, кроме жизни. И когда его похоронили, с ним в могилу положили это су, не принесшее ему счастья.

Жак думает о Шмидте, этом верном друге самых ужасных часов. Он видит его таким, как его оставил, в той позе, в которой он, возможно, стоит еще до сих пор на напоенной его кровью земле. Нет, ветер, по всей вероятности, опрокинул его, и каждый дождь уносит частицы его разложив-

шегося тела. А может быть, над ним земляной холмик с накренившимся крестом?

Жак подымает глаза. Старики здесь. Совсем ушли в свои думы. Как у него, у них отсутствующий взгляд.

Жак знает, что они думают об его несчастном брате Робере, сыне, ожидающем их под низким деревянным крестом, с тарелкой, которой товарищи накрыли его лицо для того, чтобы на него не попала земля...

Для них война тоже была жестокой мукой. Она вырвала кусок их сердца, и эта рана никогда не перестанет кровоточить. Жак вспоминает, что один из соседей рассказывал ему, как однажды вечером, когда за окнами слышалось завывание ветра, его отец вышел из дому и стал метаться по саду, отчаянным голосом выкрикивая имя своего сына...

Мать смотрит на Жака, но, боже, как печален ее взгляд!

По улице проходит смешанная — военные и штатские — толпа и поет:

Мы выиграли войну...

Это песнь победы...

На лице отца отражается острое страдание, он протягивает руку, словно желая отогнать эту веселую раздирающую ему сердце песнь.

Тогда Жак поднимается, и для того, чтобы оставить их еще на некоторое время с тем, который лежит там совсем один, он подходит к окну и опускает штору, защищая их от резкого света и жестокой радости, бурлящей на улице...

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ТИПОГРАФИИ
№

33137

Цена 1 р. 25 к.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва — Центр, Кузнецкий Мост, 7.
Ленинград, Проспект Володарского, 53-а.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА—Центр, Моховая ул., д. 24, 3-й книжный магазин Издательст. „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"